

К.С. Гаджиев

АМЕРИКАНСКАЯ
НАЦИЯ:
НАЦИОНАЛЬНОЕ
САМОСОЗНАНИЕ
И КУЛЬТУРА

НАУКА

К.С. Гаджиев

АМЕРИКАНСКАЯ НАЦИЯ: НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И КУЛЬТУРА

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Г. Г. ДИЛИГЕНСКИЙ

МОСКВА «НАУКА»
1990

ББК 66.2(4/8)

Г13

Рецензенты:

доктор исторических наук А. С. МАНЬКИН

доктор исторических наук А. М. САЛМИИ

Гаджиев К. С.

Г13 Американская нация: национальное самосознание и культура.— М.: Наука, 1990.—240 с.

ISBN 5—02—010514—7

В монографии в русле нового политического мышления автор исследует американскую национальную идею, выделяя в ней различные компоненты и тенденции.

Большое место в книге отводится анализу категории «американизма», которая имеет важное значение для понимания всего спектра общественного сознания, идеологических и идейно-политических ориентаций широких слоев населения США.

Впервые в советской литературе рассматривается символика американской нации и ее значение в формировании национального самосознания, анализируется специфика американских религиозных, политических и экономических идей, составляющих основу современной политической культуры США.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Г 0804000000—387
042(02)—90 КБ—17—9—1989

ББК 66.2(4/8)

ISBN 5—02—010514—7

© К. С. Гаджиев, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Категории «нация», «национализм», «патриотизм», «национальные отношения», «интернационализм» и т. д. занимают важное место в общественном сознании — как в марксистском, так и в буржуазном. Особенно большую значимость они приобрели в условиях перестройки и утверждения в нашей стране нового политического мышления, когда на фоне необратимой тенденции к интернационализации важнейших сторон жизни народов на передний план выдвинулась проблема международных отношений. Стала очевидна необоснованность довольно широко распространенных у нас в недавнем прошлом слишком оптимистических воззрений относительно возможностей быстрого преодоления (особенно в условиях социализма) национальных традиций, обычаев, предрассудков, стереотипов и т. д. Обнаружилось, что при определенных условиях интернационализация может не только не нейтрализовывать, но и стимулировать те или иные компоненты и аспекты национального сознания. Причем, эта тенденция прослеживается как в капиталистических, так и в социалистических странах.

Значимость данной проблемы станет особенно очевидной, если учесть крайнюю противоречивость, сложность, многослойность, национального сознания и содержания самой категории «нация». Еще один из специалистов по национальному вопросу начала XX в. Бэджгот справедливо отмечал: «Мы прекрасно знаем, что такое нация, пока нас о том не спрашивают, но оказываемся лицом к лицу с огромной трудностью, когда нам приходится точно определить, что же такое нация»¹. Несмотря на обилие литературы, тема нации остается одним из ключевых объектов исследования в общественно-научной литературе как Востока, так и Запада, предметом острых споров и дискуссий. Отвлекаясь от этих споров и дискуссий, отметим, что нация, национальная идея, национальное сознание во многом трудно поддается классификации и определению. Но тем не менее, начиная с нового времени национальная идея превратилась в могучую общественную и политическую силу. И это естественно, поскольку

ку человек не может отречься от своей истории, от своей национальной индивидуальности. Каждый индивид как личность живет не только своей собственной жизнью, но и жизнью своего народа и общества, членом которого он является.

С этой точки зрения большой интерес представляют Соединенные Штаты Америки, которые, будучи одной из крупнейших держав современного мира, оказывают разностороннее влияние на важнейшие процессы и тенденции мирового развития. Как писал В. И. Ленин, «Америка заняла первое место среди свободных и образованных стран по высоте развития производительных сил человеческого объединенного труда, по применению машин и всех чудес новейшей техники»². Немаловажную роль эта страна сыграла в формировании и реализации буржуазных идей свободы, демократии и национального суверенитета. В силу отсутствия сколько-нибудь укоренившихся феодальных институтов и традиций Америка по сути дела стала первой страной, где буржуазная нация и национальное самосознание сложились в чистом виде. Опыт США в данном контексте воочию продемонстрировал, что неотъемлемой особенностью процесса формирования современных наций и национального самосознания явилось изменение содержания и форм национально-этнических отношений.

В предлагаемой книге дается анализ важнейших компонентов американского национального самосознания, основных этапов и исторических путей его формирования и эволюции. Автор видит свою главную задачу в том, чтобы выделить и проанализировать наиболее характерные для него социально-психологические, социокультурные, национально-исторические и идейно-политические принципы, установки, ориентации. Учитывая тот факт, что американская нация образовалась в процессе своеобразной переплавки многих поколений иммигрантов почти со всех уголков земного шара в котле американизации, первостепенное внимание в работе уделяется изучению важнейших экономических, социальных, географических, демографических и иных факторов, которые в совокупности обусловили формирование и эволюцию американского национального сознания и самой идеи американской нации.

Значительное место в работе отводится исследованию индивидуализма и таких связанных с ним черт и особенностей характера американцев, как предприимчивость,

установка на успех, трудолюбие, прагматизм и т. д., которые составляют содержание американизма, имеющего важное значение для понимания всего спектра общественного сознания, идеологических и идейно-политических ориентаций широких слоев населения США. Большое внимание уделяется рассмотрению того, как массы американцев оценивают место Америки в мире, как они относятся к другим странам и народам и т. д. Здесь нельзя обойти такие ключевые для американского национального сознания темы, как теория «американской исключительности» и «предопределения судьбы», доктрина «американского века»; синтез специфически американских религиозных, политических и экономических идей, концепций, библейских легенд и мифов в пуританской, протестантской интерпретации; патриотизм и национальная гордость, порой переходящая в некритическое восхваление всего американского, ура-патриотизм и национализм и т. д. В работе затрагивается также вопрос о том в какой мере национальная идея отражается во внешнеполитических программах правящих кругов США.

Принимая во внимание тот факт, что США являются одной из самых религиозных стран в регионе развитого капитализма и религия является одним из существенных факторов, оказавших влияние на формирование тех или иных элементов самосознания американского народа одна из глав посвящена анализу данной проблемы. Одним из важнейших объектов исследования являются символы американской нации и государственности, такие как Декларация независимости, Конституция, статуя свободы, Капитолий, Национальный архив и т. д. Подробно анализируются политическая культура США, ее национальные особенности. Завершается работа анализом идеологии американского национализма в ее преломлении во внешнеполитической стратегии Вашингтона, а также перспектив деидеологизации отношений между СССР и США на путях преодоления образа врага во взаимоотношениях друг с другом.

* * *

Предлагая читателю настоящую монографию, издательство учитывает ее дискуссионный характер. Но нам представляется, что именно многообразие мнений дает возможность всесторонне исследовать актуальные проблемы современности.

I. ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕИ АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИИ

подавляющее большинство народов, населяющих земной шар, живут компактными группами, каждая из которых в течение длительного исторического периода занимает определенную территорию. Различные поколения людей, живущих на ней, связаны друг с другом путями исторической преемственности, с помощью которых передаются обычаи, верования, традиции, хозяйственный опыт, бытовой уклад и т. д. На материальной и духовной культуре народа, его психологии, привычках отражается также природный ландшафт, который порождает в сознании народа образ «родной земли» со своей исторической судьбой, кровно связанной с принадлежащей ему территорией. В процессе формирования национального самосознания каждого народа важную роль играли специфические условия его социально-экономического, общественного и государственно-политического развития, в ходе которого складывались социальная психология, традиции, обычаи, культура и т. д., присущие только ему и отличавшие его от всех других народов.

С точки зрения живучести национальной идеи, большое значение имеет то, что общественно-политический процесс имеет двойственную природу. Это, с одной стороны, эволюция, развитие и отрицание старого, разрыв с прошлым и творение нового. С другой стороны, он сохраняет и переносит в настоящее и будущее все жизнеспособное, непреходящее, общечеловеческое. Любая общественно-политическая система, трансформируясь во многих своих аспектах, в то же время сохраняет преемственность в других. Это положение верно и в отношении социальных революций, таких, например, как Великая французская революция конца XVIII в. и Великая Октябрьская социалистическая революция в России. После них Франция и Россия не потеряли свою идентич-

ность, свое национальное лицо, поскольку в обоих случаях были сохранены основополагающие национальные традиции, обычаи, верования, стереотипы поведения и другие элементы, составляющие субстрат национального самосознания. Это свидетельствует о том, что, несмотря на глубочайшие революционные по своему характеру социально-экономические и политические преобразования, формационные начала не могут полностью заглушать и аннулировать национальное начало. Национальные мифы, образы, стереотипы, традиции, обычаи, взятые в совокупности, дают философскую и обыденную значимость фактам повсюднейшей жизни. В этом качестве они представляют собой одну из реальностей истории, способные оказывать немаловажное влияние на практические действия людей, на их социальное и политическое поведение, сыграть роль элемента, вокруг которого могут сплотиться те или иные социальные группы и силы. Они суть воплощения опыта народа и повторяют трактовку им этого опыта в его отношении к своим богам и космосу, сводя их к определенной парадигме. Они вместе с корректировками, вносимыми развитием цивилизации, реальностями конкретной исторической эпохи, составляют ткань национального самосознания, во многом определяющую поведение, помыслы, идеалы, установки, ориентации людей, как представителей той или иной нации в различных сферах общественной жизни, в отношении своей страны, нации, политической системы, остального мира и т. д. В данном плане в тех или иных вопросах национальный опыт может иметь большую значимость, чем идеологические установки и ориентации. Иначе говоря, независимо от системообразующих и формационных факторов, важнейшие компоненты национального сознания сохраняют живучесть и дееспособность. Не будет преувеличением сказать, что человек как посетитель определенных национальных традиций, обычаев, стереотипов и т. д. признает в последних свои собственные черты и опыт, жизнь и образ своих предков, сущностные силы, управляющие его миром. И это естественно, поскольку состояние общества в каждый конкретный исторический период представляет собой результат сцепления социально-экономических, политических, социально-психологических и не в последнюю очередь национально-культурных факторов.

В определенном смысле важнейшие компоненты национального сознания можно рассматривать в качестве

социально—философских конструкций, заполняющих разрыв между миром мыслей и миром действительности, между идеальным и реальным, мечтами и действительностью. В совокупности они составляют комплекс «коллективных представлений», не всегда отражающих эмпирические факты. Взятые в специфически философской мировоззренческой функции, они как бы воспроизводят картину «чистого существования», освобожденного от всего социального, исторически подвижного. Это — «исходная схема», «изначальный образ», «неизменно покоящееся вглуби». В религиозных и сказочных преданиях, мифах и притчах в искаженном виде воспроизводятся определенные ситуации и явления, действительно имевшие место в прошлом¹.

О живучести и дееспособности национального самосознания свидетельствует и исторический опыт американской нации, которая, как будет показано ниже, «переплавилась» в себе представителей наций и народностей всех континентов. Так, начиная с конца 60-х годов в США наблюдается тенденция к подъему этнического самосознания, углублению линии разделения различных этнических групп и даже усилению межэтнических конфликтов. Как пишет советский этнограф Н. Я. Дараган, «усиливается сознание принадлежности к разным этническим группам, из которых состоит американская нация: даже лица скандинавского и венгерского происхождения, сравнительно сильно ассимилированные в США, начинают вспоминать о своих этнических корнях, что выражается, в частности, в написании своих имен и фамилий по традиционной орфографии, позволяющей определить этническое происхождение (в первой половине века они стремились к максимальной англоизации в ономастике)².

Если народам Европы для формирования чувства национального самосознания и национальной идеи, национальной общности и форм управления понадобились столетия, то американцы добились этого в течение двух-трех поколений. Вместе с тем этот момент не следует абсолютизировать, поскольку потребовалось немало времени, чтобы США консолидировались в качестве единой нации и государства. Важное значение имело то, что этот процесс разворачивался на огромном континенте. В течение менее чем 75 лет 13 колоний на атлантическом побережье превратились в огромное государство, в 20 раз превышающее по размерам и населению первоначальное ядро,

Жители колоний еще в середине XVIII в. были преданными патриотами Британской империи. Североамериканских колонистов привязывали к метрополии их приверженность английскому искусству, литературе, архитектурным формам, английским вкусам, манерам, традициям и обычаям, а также военно-политические, экономические и иные узы. Однако к последней трети XVIII в. в колониях в ходе длительного развития в общих чертах сложились некоторые существенные факторы, необходимые для формирования американской нации со специфическим для нее национальным сознанием. Речь идет об общности экономических интересов североамериканских колонистов, противостоящих экономическим интересам Британской империи, общности территории, на которой они совместно проживали уже в течение более полутора столетий, общности языка и т. д. К тому периоду сложились некоторые важные элементы социально-психологической и духовной общности американцев. Как правильно отмечает Р. Кэчем, колониальная мысль находилась в «едва заметном состоянии кинетического напряжения», которое подтачивало институты и формы мировоззрения, перенесенные из Европы в Америку переселенцами, способствовало появлению в Новом Свете новых форм мысли, идей и воззрений. Война за независимость как раз и была призвана окончательно утвердить эти «новые формы». В период революции, столкнувшись с проблемой отделения от Великобритании, американские колонисты оказались вовлеченными в острые споры не только относительно характера и методов юридического разрыва с метрополией, но и по более широким вопросам, связанным со свободой, переоценкой и переформулированием национальных ценностей, идей самоуправления, национализма и т. д.

Война за независимость наполнила материальным содержанием слова одного из отцов-основателей Патрика Генри, сказанные им на первом континентальном конгрессе: «различия между вирджинцами, пенсильванцами, нью-йоркцами и жителями Новой Англии более не существует. Я теперь не вирджинец, а американец». С тех пор бывшие колонисты рассматривали себя не как подданных Британской империи, а как представителей совершенно новой американской нации. Однако нельзя не отметить, что процессы формирования и утверждения национальных форм сознания, начавшиеся задолго до выстрелов в Лексингтоне, положивших начало войне за

независимость, продолжались и после победы 13 североамериканских колоний над Великобританией. Америке, в частности, предстояло утвердить себя в качестве самостоятельной нации, сформировать свой образ жизни, создать свою собственную литературу, сугубо американские формы искусства, сформировать национальные цели и т. д.

В Европе национальное сознание «культивировалось и поддерживалось королями и баронами, маршалами и адмиралами, прелатами и клиром, судьями и магистратами и сеньорами». А в XVIII—XIX веках к ним присоединились купцы, торговцы и банкиры. Все они высказывали свою преданность нации, которая воплощалась в монархе и церкви, а также в национальных символах и традициях. Что же касается американского национального сознания, то оно, как отмечает известный историк Г. С. Коммейджер, было «творением самого народа». Его ткань составляли «фермеры, пограничники, рыбаки и охотники, юристы мелких городов, деревенские учителя» и т. д.³ Оно не было навязано иностранным завоевателем или монархом, не опиралось на официальную церковь или же власть правящего класса.

По мнению ряда буржуазных авторов, у американцев не существовало каких-либо специфических культурных и духовных элементов, которые давали бы основание идентифицировать их как самобытную нацию. В качестве главного аргумента они приводили тот факт, что язык, закон и литература американцев связывали их с Великобританией. Отсутствие же древних традиций и обычаев лишало их исторических корней, которые, например, для народов стран Европы служили мобилизующим началом в переломные моменты истории. Так, по мнению Г. С. Коммейджера, в Старом свете люди были связаны «вековыми традициями», «тысячами приверженностей», «тысячами прецедентов», «тысячами компромиссов» и «тысячами воспоминаний». Американская же нация не знала «традиций, приверженностей или воспоминаний о прошлом»⁴.

В действительности же романтизированные устные и письменные предания о переезде первых пилигримов через океан, идиллические картины жизни первых поселенцев в диком окружении, мифологизированные фигуры капитана Джона Смита и спасшей его индейской принцессы прекрасной Покахонтас, пуритане, призывавшие создать в Америке «град на холме» в пример всем дру-

гим народам, «день благодарения» и многое другое стали к тому времени прочно укоренившимися национальными символами и мифами, почитаемыми всеми американцами. Конец франко—английской войны 1763 г., завершившейся переходом Канады от Франции к Великобритании и тем самым ликвидировавшей постоянную угрозу американским колониям с Севера, способствовал лишь ускорению процесса кристаллизации основных элементов американского национального сознания, которые складывались в течение всей их 150-летней истории. Поэтому доводы относительно того, что американцы не знали традиций, приверженностей и воспоминаний о прошлом, представляются преувеличенными. К тому же сам Коммейджер — один из лучших знатоков американской истории и американского национального сознания — в другом месте пишет: «Американский характер явился продуктом взаимодействия наследия и среды, каждый из которых характеризовался разнообразием и сложностью. Ибо наследие было не только английским, но и европейским, не только семнадцатого и восемнадцатого веков, но и двух тысячелетий. То, что Америка была детищем Великобритании, было общепризнано, а то, что корни ее культуры и ее институтов восходят к Греции, Риму и Палестине не следовало забывать»⁵. С этой мыслью нельзя не согласиться, поскольку американцы в подавляющем своем большинстве являются выходцами из европейских стран и в этом смысле являются наследниками культурной традиции Европы.

Как отмечает историк Д. Чэндлер, «XVIII в. ознаменовал интеллектуальное и физическое рождение Америки. XIX в.—эру ее территориального расширения, а XX в. стал свидетелем выдвижения новой нации на мировую арену»⁶. В десятилетия, последовавшие за войной за независимость, в США развернулись дискуссии по вопросу о месте страны среди остальных народов и стран земного шара. В этих дискуссиях активное участие приняли такие знаменитые представители художественной культуры США того времени, как У. Э. Чаннинг, Н. Уэбстер, А. Эверетт, Э. Эверетт, самый популярный романист Дж. Ф. Купер и многие другие. Так, путешествие по Европе в 1826—1833 годах сделало Дж. Ф. Купера решительным сторонником и защитником «американских принципов», а также миссии американской литературы защищать и пропагандировать эти принципы. В книге «Заметки американцев», опубликованной в 1828 г.

одновременно в США и Англии, Купер утверждал, что американская читающая публика обладает лучшими, чем английская, вкусами, что американцы более лояльны в отношении своей страны, чем европейцы к своим странам. «Для этой (т. е. американской) нации,— писал он,— наступает новая эра. Она перестает пресмыкаться, она начинает шагать в полный рост среди других держав мира. Все эти вещи совершились в течение жизни одного человека. Возможно, европейцам трудно признавать требования конкурента... но природа заставит подчиниться своим законам и все станут на свои места. Дух величия присущ этой нации: ее потребности достижимы. Бесполезно попытаться отрицать очевидные результаты, которые с каждым годом становятся все более ясны, все более важны и все более неизбежны»⁷.

Националистически настроенные американцы прилагали все усилия к тому, чтобы объединить многочисленные колонии обширного континента в единое государство. Но вплоть до 40-х годов XIX в. разделение континента на несколько самостоятельных государств многими рассматривалось как вполне реальная возможность. Исходя из географических особенностей и права на самоопределение, предполагалось, что на североамериканском континенте могут сосуществовать два и более государств. Несмотря на то, что, купив у Франции огромную территорию Луизианы, Джефферсон сделал заметный шаг в направлении имперской экспансии на Запад, он в то же время был далек от идеи единого континентального государства. В 1812 г. он писал Дж. Астору, основавшему поселение на реке Колумбии, что предвидит время, когда весь Запад будет населен американцами, но он не верит в политический союз с этими «свободными и независимыми американцами, связанными с нами лишь узами крови и интересов и осуществляющими, как и мы, свои права самоуправления»⁸.

Однако история распорядилась по-иному. Покупка Луизианы, аннексия Техаса, Мексиканская война, покупка Флориды и Аляски стали самыми крупными событиями в процессе экспансии США до 90-х годов XIX в. За ними последовала американская экспансия в бассейне Карибского моря и Тихого океана. Одним из краеугольных камней в строительстве американской нации стал так называемый «Северозападный ордонанс» 1787 г., согласно которому ни один из 13 первоначальных штатов не мог претендовать на территории, лежащие к западу от

их расположения. Западные территории превращались в общенациональное достояние, в некотором роде цементирующий элемент, в котором будущие поселенцы пограничья из различных штатов вступали во взаимодействие друг с другом и подобно иммигрантам США из Европы теряли свои старые приверженности, заменяя их новыми. Принципы гражданской и религиозной свободы, господствовавшие в штатах, переносились на новые территории по мере того как там устанавливались постоянные правительства, они в соответствующем порядке получали свою долю представительства в федеральном правительстве наравне с другими штатами. При всей непопулярности войны 1812 г. с Англией, она тем не менее способствовала интенсификации национальных чувств. «Люди,— отмечал министр финансов в правительстве Джефферсона А. Галлатин, который был одним из американских представителей при заключении мира с Великобританией в Генте,— теперь объединены более общим целям, с которыми связаны их гордость и политические воззрения. Теперь они в большей степени американцы, они в большей мере чувствуют и действуют как одна нация».

Важным моментом в истории формирования идеи американской нации стал, по-видимому, 1819 г. В феврале того года государственный секретарь Дж. К. Адамс обозначил на карте границы владений США на североамериканском континенте. А в марте Верховный судья Дж. Маршалл вывел национальное правительство из-под действия восьмого пункта первой статьи конституции. Комментируя эти два события, верховный судья заявил: «Во всей этой обширной республике от Святого креста (на Севере) до Мексиканского залива, от Атлантического океана до Тихого океана должны собирать доходы, которые могут расходоваться для содержания армии»⁹.

Для американцев в принципе было чуждо чувство укорененности на исторически определенной территории, чувство, так характерное для европейских наций. Еще А. де Токвиль удивлялся тому, что простой американец придавал большую значимость правительствам штатов, нежели федеральному правительству и в случае конфликта между ними он отдавал предпочтение первому. Но в данном случае речь по сути дела шла не о территориальной укорененности или приверженности определенной географически очерченной территории, а о политических приверженностях среднего американца,

его позициях в вопросах, касающихся сферы властных отношений. Руководствуясь постулатом, согласно которому «наилучшее правительство — это то, которое правит как можно меньше», он был склонен поддерживать местное правительство или правительство штата, на которых он при желании мог оказать воздействие, в то же время с подозрением относясь к федеральному правительству, как потенциальному нарушителю его неотчуждаемых прав на жизнь, свободу и собственность.

Этот фактор, однако, не мог служить сколько-нибудь серьезным или тем более непреодолимым препятствием для формирования у американцев, проживающих в различных штатах и на различных территориях, национальной идеи, чувства сопринадлежности к единой нации в едином общенациональном государстве.

Важное влияние на формирование идеи американской нации и национального сознания оказала так называемая «американизация» следовавших друг за другом волн иммигрантов, изменивших физический, социальный и политический облик страны. Недаром бывший президент Дж. Кеннеди называл американцев «Нацией иммигрантов». Следует отметить, что в XVIII в. в колонии Нью-Йорк проживало сравнительно много выходцев из Голландии, в Пенсильвании — значительные контингенты колонистов немецкого и шотландско-ирландского происхождения. Но при всем том, было бы преувеличением говорить об этническом плюрализме североамериканских колоний. Дело в том, что колонисты английского происхождения не только преобладали численно, но и пользовались политической и культурной гегемонией. Как пишет известный историк Дж. Хайем, «подобно голландцам в Нью-Йорке, англичане во всех колониях в период до революции считали себя не иммигрантами, а основателями поселенцев, важной частью, формировавшей колониальное население. Им принадлежали сфера политики, язык, формы труда и поселений, а также многие умственные привычки, к которым иммигрантам предстояло приспособиться»¹⁰. Отцы-основатели в такой этнической гомогенности усматривали залог успеха предпринятого ими эксперимента. «Провидению, — говорилось, например, в одном из номеров серии публикаций отцов-основателей, под общим названием «Федералист», — было угодно отдать эту воедино связанную страну в руки одного объединенного народа — народа, произошедшего от одних предков, говорящего на одном языке, придерживающегося одной и той же религии,

приверженного одним и тем же принципам правления, очень похожего в своих манерах и обычаях»¹¹.

Очевидным признаком английского культурного преобладания явилось утверждение английского языка в качестве главного языка общения между колонистами. «Победа и принятие английского языка утверждал в 1814 г. будущий губернатор Нью-Йорка Де У. Клинтон, — явились главными средствами, переплавившими нас в единый народ и уничтожившими те грубые предрассудки и насильственные враждебности, которые создавали стену отчуждения между жителями одной страны»¹².

Первая из крупных волн иммиграции пришлась на 1640—1720 гг. Она состояла главным образом из англичан, шотландцев и валлийцев. Согласно доступным ныне статистическим данным, в 1790 г. 61% белого населения Соединенных Штатов были по происхождению англичанами, а 17% — шотландцами и ирландцами. Другими словами, 3/4 всех жителей 13 штатов были выходцами с Британских островов. Остальную 1/4 часть населения составляли немцы — 9%, голландцы — 3%, шведы — 1% и т. д. В общей сложности 99% белых колонистов были протестантами по вероисповеданию. Иначе говоря население колоний к моменту революции как в этническом, так в значительной степени и в религиозном отношении было гомогенным¹³.

В XVII в. и первой половине XVIII в. в колонии была завезена значительная часть негров-рабов из Африки. Представители других наций и этнических групп прибыли в страну в основном в XIX и XX вв. Вторая волна продолжалась с 1840 по 1924 гг. и включала так называемую «новую иммиграцию» конца XIX в. Она имела в своем составе англичан, немцев и выходцев из стран Восточной и Южной Европы. Третья волна приходилась на конец 60-х — начало 70-х годов и включала главным образом выходцев из Латинской Америки и стран Азии. В 1950 г. 11,5% американцев родилось за границей, а в 1980 г. — 16,6%. В период 1901—1910 гг. в Америку прибыло 8,8 млн. новых иммигрантов, в 1960—1970 гг. — лишь 3,5 млн. или же 1,9% от общей численности населения 1960 г. В целом с 1820 по 1971 гг. более 45 млн. иностранцев стали американцами. В период между 1860 и 1929 годами в США прибыл самый крупный за всю историю страны контингент иммигрантов — около 32,5 млн. человек, причем большая их половина — 18,8 млн. человек приходится на первые три десятилетия XX в. Этот

огромный приток иммигрантов изменил национально-этнический состав населения, поскольку 13,5% всех прибывших были выходцы из Германии, 15,3% — из Центральной Америки, 10,2% — из России и балтийских стран, 13,8% — из Италии и лишь 10,6% — из Великобритании.

О национально-этническом составе иммигрантов наглядное представление можно составить по следующим данным.

Численность иммигрантов, прибывших в Америку в 1820—1986 гг.¹⁴ Из всех стран вместе взятых.

	1820—1986 гг.	1961—1970 гг.	1971—1980 гг.
Из европейских стран	36 743 тыс.	1123,5 тыс.	800,4 тыс.
Из азиатских стран	4893 тыс.	427,6 тыс.	1588,2 тыс.
Из стран Западного полушария	10 784 тыс.	1716,4 тыс.	1982,5 тыс.
С Африканского континента	247 тыс.	29 тыс.	80,8 тыс.

Примечательной особенностью иммигрантов являлась их тесная сплоченность, опора на добровольный союз с себе подобными. Поэтому процесс культурной адаптации и взаимодействие различных религиозных, этнических и политических организаций не вызывал глубоких противоречий. Это было новым, чисто американским явлением, не имевшим аналога в Старом свете. Они, писал Д. Коул, находили приют и в «группах» и в «американизме». Многие иммигранты, по образному выражению Т. Смита, рассматривали этническую общину не как комнату, а как коридор, поскольку она оказывала психологическую и материальную поддержку, что помогало им удержаться на плаву и продвинуться вперед. Следует отметить, что община сыграла довольно значительную роль в освоении бескрайних просторов Запада и, соответственно, в становлении американской нации и национального самосознания. Фермер, заселявший эти пространства, при всей своей преданности индивидуалистическому идеалу, нуждался в обществе людей. Двигаясь вдоль границы, он не мог обходиться без их помощи, защищаясь от индейцев, земли которых он присваивал, при постройке дома, при расчистке земли от гигантских деревьев. Если он поселял-

ся в прериях центральной равнины, он нуждался в помощи для подготовки пашни, а в засушливых районах дальнего Запада — при проведении ирригационных работ, которые были не под силу одному человеку. Такую помощь он мог получить только в общине. Вкладывая средства в землю, он был заинтересован в других поселенцах, присутствие которых подняло бы цену на эту землю. В то же время он мог кооперироваться с поселенцами для покупки инструментов и инвентаря, необходимых для ведения хозяйства. Оказание помощи новопривывшему фермеру на пограничье стало в некотором роде признаком гостеприимства. Другими словами, во всех вопросах фермер был тесно связан со своей общиной.

Это, естественно, не могло не отразиться на национальном сознании. В рассматриваемом отношении большой интерес представляет тот факт, что еще в XVIII—XIX вв. многие авторы обращали внимание на необыкновенную приверженность американцев к различного рода ассоциациям — церквам, ложам, союзам, к кооперативам, лигам, товариществам и т. д. и т. п., а также различным организациям — благотворительным, сбора данных о прошлом, молодежным, студенческим и т. д. В настоящее время в стране насчитываются десятки тысяч организаций бизнесменов, профсоюзов, национальных торговых, благотворительных, гражданских и иных ассоциаций, женских клубов и т. д.

В первое время этнические общины предоставляли по-вопривывшим соплеменникам права, которые иначе не были доступны иммигрантам. Итальянские общества, например, предоставляли помощь в случае болезни, на похороны, в несчастных случаях и т. д. Большую помощь им оказывали врачи и юристы, входящие в эти общества. Иммигрантам не удалось создать собственные экономические институты, способные обеспечить жизнеспособность этнической общины. В прогрессистский период начала XX в. профсоюзы предлагали иммигрантам более высокую заработную плату, страхование от несчастных случаев, соблюдение техники безопасности и т. д. Правительство также брало на себя ответственность за обеспечение их потребностей, как показывают, в частности, примеры строительства парков и игровых площадей, введение 8-часового рабочего дня, нераспространение на профсоюзы антитрестовских законов и т. д.

Религиозные институты зачастую также представляли собой механизмы регулирования процессов культурной

интеграции. Что касается, например, иммигрантов-католиков — немцев, итальянцев, поляков — членство в церкви вело к ослаблению этнического партикуляризма, поскольку оно предполагало подчинение церковной иерархии, в которой доминировали ирландские прелаты. Они зачастую использовали язык и традиции, побуждая своих прихожан американизироваться. Поэтому неудивительно, что среди этнических групп раздавались голоса против слишком быстрой американизации, за создание отдельных церквей по национальному признаку, назначение священнослужителей из среды этнически гомогенных прихожан, богослужение на их собственном языке.

В первые десятилетия XX века усилился напор в пользу американизации иммигрантов. До этого промышленники занимали двусмысленную позицию в данном вопросе, считая, что этническая вражда между различными национально-этническими группами служит в качестве барьера на пути достижения профсоюзной солидарности. Однако постепенно работодатели пришли к выводу, что унять профсоюзы можно другими методами и что американизация способствует росту производительности труда рабочих-иммигрантов. Определенный вклад в решение этой проблемы косвенно внесли участники прогрессистского движения, проведя законодательство, предусматривающее безопасные условия труда на рабочем месте и требующее от компаний возмещения материального ущерба травмированным на работе и их семьям. В результате с целью сокращения несчастных случаев промышленные предприятия стали нанимать переводчиков для объяснения рабочим-иммигрантам правил соблюдения техники безопасности и сотрудничать с государственными учреждениями в создании кинофильмов, в которых в общедоступной форме объяснялись правила техники безопасности. Однако вскоре промышленники осознали, что лучшая гарантия против дорого обходящихся несчастных случаев — это обучение иммигрантов английскому языку. По мере того, как выяснилось, что американизация способствует улучшению поведения иммигрантов на рабочем месте, корпоративные менеджеры вносили значительный вклад в программы обучения английскому языку, разработанные во многих случаях прогрессистами.

Сменой поколений иммигрантов неуклонно сокращалось число американцев неанглийского происхождения, которые говорили на языке своей этнической группы. По данным ряда исследований, в США наблюдалась тенден-

ция почти к полному прекращению передачи неанглийских языков между вторым и третьим поколениями потомков иммигрантов. Как показывает, например, социолог Дж. Фишман, в 1960 г. в стране имелось 2300 тыс. итальянцев второго поколения, которые могли говорить по-итальянски, однако среди тех же итальянцев третьего поколения эта цифра упала до 147 тыс. человек. Подобным образом между вторым и третьим поколениями число говорящих на идише евреев упало с 422 тыс. до 39 тыс.; поляков — с 1516 тыс. до 87 тыс., шведов — с 187 тыс. до 17 тыс. Даже среди немцев, отличающихся довольно сильной приверженностью своему языку, это число сократилось с 1279 тыс. во втором поколении до 588 тыс. в третьем¹⁵. Интересные данные приводит другой американский социолог Х. Нелли. По его словам, в годы, предшествовавшие первой мировой войне, в США выросло число этнических институтов, но их функции изменились. Как показывает Х. Нелли, второе поколение итальянцев проявило уже мало интереса к прессе на иностранных языках, среди них участились браки с лицами неитальянского происхождения. Игнорируя или обращая мало внимания на проблемы соседства, общества итальянцев строили отношения между собой почти исключительно по принципу исторической общности. Итальянцы начали движение за объявление дня Колумба национальным праздником. Они собирали деньги в пользу жертв землетрясения в Италии. Однако апеллирование к итальянскому национализму уже не всегда находило горячий отклик. Но общества все же сохранились. Они служили в качестве прибежищ от предрассудков, местом, где культивировалось национальное наследие, но при этом не отвергались американские ценности¹⁶.

Это объяснялось тем, что, пройдя через тигель американизации, иммигранты разных национальностей попадали под влияние идеи американской нации. Анализируя данное явление, Г. С. Коммейджер, в частности, писал: «В то время как в Европе с ее вековыми традициями феодализма и национализма специфическое одержало победу над общим, в Америке, которая пришла к зрелости в период индустриальной революции и признавала мало традиций сильной местной приверженности, с которыми ей следовало бы порвать, общее одержало победу над специфическим»¹⁷.

С рассматриваемой точки зрения особо стоит вопрос об ассимиляции чернокожего населения Америки. Соглас-

но многим данным, процесс физического внебрачного и брачного смешения белого и негритянского населения происходил в Америке с самого начала ввоза сюда негров в XVII в. Ко времени освобождения негров-рабов в период Гражданской войны 1861—1865 годов 1/10 всех рабов и более 1/3 свободных «цветных» были мулатами. Небезынтересно, что первоначально в ряде колоний, а затем после образования США в некоторых штатах были приняты законы, запрещающие браки между белыми и неграми под страхом наказания. После ликвидации рабства эти законы были отменены, но снова были приняты во многих штатах на рубеже XIX—XX веков. Накануне второй мировой войны такие законы действовали в 21 штате. Однако процесс внебрачного межрасового смешения продолжался и, по некоторым данным, к началу второй мировой войны удельный вес «чистых» негроидов среди негритянского населения США не превышал 22—25%¹⁸. Комментируя такое положение вещей, известный американский этнограф М. Терсковиц писал: «Мы говорим о неграх в нашей стране, но очевидно, что было бы абсурдным употреблять слово „негр“ в его биологическом смысле. Американский негр — результат смешения, и применение к нему термина „негр“ — чисто социологическое»¹⁹. Несмотря на наличие законов, запрещающих неграм выдавать себя за белых, за последние 100 лет, как считает советский исследователь Э. Л. Нитобург, многие миллионы людей в США, «имевшие не поддающуюся определению примесь „негритянской крови“, успели войти в число белых американцев». В результате доля «чистых» негроидов среди черных американцев в настоящее время не превышает 15—18%²⁰. При всем том чернокожее население США, равно как и индейцы, сохранилось в качестве более или менее компактной расово-этнической группы, сохранившей многие специфические для нее признаки, заметно отличающие ее от других этнических и национальных групп. В последние два—три десятилетия наблюдается тенденция к увеличению в составе населения США удельного веса выходцев из стран Азии и Латинской Америки, что добавляет дополнительные штрихи к национальному и этническому портрету Америки. Следует отметить, что эта категория новых американцев не особенно стремится следовать путем интеграции, традиционным для иммигрантов из европейских стран. Они, в частности, не спешат выучить английский язык и принять принципы и нормы американского образа жизни.

Начиная с последней трети XIX в. США неоднократно принимали меры по ограничению иммигрантов. Так, например, закон 1956 г. отдает предпочтение на въезд лицам, члены семей которых уже официально проживают в Америке. В силу этих ограничений, а также сложных процедур получения американского гражданства миллионы людей живут в стране незаконно. По данным 1986 г. здесь жили и работали около 5 млн. нелегальных иммигрантов.

Немаловажную роль в американизации как жителей отдельных штатов и территорий, так и новоприбывших иммигрантов, в победе общего над специфическим и, соответственно, самой идеи американской нации сыграла так называемая концепция «границы» как ключевого фактора в общественно-историческом развитии США. Впервые отдельные элементы этой концепции в более или менее четко очерченной форме были сформулированы еще в XVIII в. французом Г. Кревекером, в течение многих лет прожившим в Америке. В начале XIX в. идею о влиянии «свободных» земель на характер формирования американской демократии выдвигали Гегель, А. де Токвиль и другие. В 1865 г. Э. Л. Годкин опубликовал в редактируемом им журнале «Нейшн» статью «Американские взгляды на демократию», где довольно подробно был разработан тезис о решающей роли «границы» в формировании общественно-политических институтов США. Сходные идеи развивал Г. Джордж в своей получившей широкую известность книге «Прогресс и бедность», опубликованной в 1879 г. Один из лучших знатоков истории США лорд Брайс считал, что Запад представлял собой «наиболее американскую часть» Америки.

Наибольший вклад в разработку этой концепции внес известный американский историк конца XIX в. — начала XX в. Дж. Ф. Тернер, написавший в 1893 г. ставший знаменитым очерк «Роль границы в американской истории». Тернер, в частности, утверждал, что американская общественно-политическая система — это прежде всего продукт естественных условий самой Америки, продукт последовательных этапов продвижения «границы», которые привели к радикальным и глубоким переменам в характере американского народа и его общественно-политических институтов. По его мнению, каждый шаг «границы» на запад отделял Америку от Европы, и тем сильнее становилось ее влияние на общественное развитие, в процессе которого формировался американский «демократи-

ческий индивидуалист» со своими специфическими характеристиками — «твердым индивидуализмом», «эгалитаризмом», «практичностью», «материалистическим взглядом на жизнь» и т. д. Тернер особенно подчеркивал мысль о том, что «граница» служила своего рода «предохранительным клапаном», выполняла социальные функции умиротворителя всякого рода противоречий и конфликтов в американском обществе, функции предотвращения радикальных движений и доктрин, призванных изменить существующую систему.

Позже эта концепция была развита Г. Н. Смитом, Р. Биллингтоном и многими другими американскими исследователями. Большинство их рассматривало Запад как родину свободы и демократии, как «райский сад», где каждому человеку были открыты все возможности для устройства жизни в соответствии со своими желаниями, а фермерское хозяйство — как основу благосостояния всего общества. Как утверждал, например, профессор Р. А. Биллингтон, «ни одна сила не сделала для американского населения и институтов страны больше, нежели постоянное возрождение цивилизации на западном острове поселений в течение трех столетий, которые понадобились для запытия континента»²¹.

В Америке подвижность «границы» носила не только географический, но и социальный характер, поскольку здесь, как нигде в капиталистических странах, были аморфны и неопределенны преграды, отделявшие классы, социальные слои и группировки. Охватывая огромные просторы «свободных» земель, населенных выходцами из различных штатов, регионов и территорий, пограничье содействовало переводу прежних местных приверженностей в общеамериканские приверженности, переплавляя их из нью-йоркцев, пенсильванцев и т. д. в американцев. Хорошо известны слова Г. Кревекера, сказанные им еще в конце XVIII в. о «странном смешении кровей, которое вы не найдете ни в одной другой стране». «Я могу вам показать человека, — продолжал Кревекер, — чьим дедом был англичанин, женой которого была голландка, чей сын женился на французке и чьи нынешние четыре сына женаты на четырех женщинах разной национальности»²². Движение на Запад и освоение пограничья способствовали формированию идеи о том, что Америка — нечто далекое и совершенно отличное от Европы и остального мира. В американском сознании и поныне существенное место занимают символы и стереотипы,

сложившиеся в течение XVII—XIX вв., в период движения многих поколений американцев на Запад. Вплоть до конца XIX в. в экономической жизни США доминирующее положение занимало сельское хозяйство. Именно сельский труженик сыграл главную роль в продвижении американского общества на Запад, в освоении его бескрайних земельных просторов. Огромные пространства «свободных» земель давали обильную пищу для воображения изголодавшегося по земле европейского иммигранта. С каждой новой волной на Запад возникали новые общины, которые со временем превратили великую внутреннюю равнину Североамериканского континента в настоящую житницу, что способствовало формированию у широких слоев американского народа умонастроений, устремленных в прошлое, своего рода «эдемического комплекса».

Образ «обширного, постоянно растущего аграрного общества,— писал известный историк Г. Н. Смит,— стал одним из доминирующих символов американского общества XIX в., коллективным представлением, поэтической идеей о „райском саде“. Этот символ представлял собой совокупность метафор, выражавших „плодородие, рост, увеличение и упорный труд на земле“, метафоры, связываемые с „героической фигурой идеализированного пограничного фермера“, вооруженного „священным орудием земледельца — плугом“. Став отражением надежд и чаяний множества людей, эта идея приобрела характер мифа»²³.

Предполагалось, что мелкий фермер, обрабатывающий землю с помощью своей семьи, является, как отмечал американский историк Р. Хоффстедтер, «воплощением простого, честного, независимого, здорового, счастливого человека», и что он обладает честностью и искренностью, недоступными «испорченным обитателям городов». Если в XVIII в. этот аграрный миф пользовался большой популярностью, то в начале XIX в. он превратился в массовое кредо, часть политического фольклора страны, ее национальную идеологию. Упрочению этого мифа во многом способствовали аграрные доктрины Т. Джефферсона и его современников, которые в свою очередь были развиты на основе целого комплекса идей, заимствованных из европейской культурной традиции: элегических восхвалений земледельца, восходящих к Гесиоду, Вергилию и их многочисленным подражателям; учений французских физиократов, рассматривавших сельское хозяй-

ство как источник богатств общества, а крестьян и фермеров — как столпов, на которых зиждется благополучие всего общества; идеи французского мыслителя XVIII в. Рейнала и других, видевших в свободном крестьянине и фермере символ республиканизма. Переработка этих идей на американской почве в колониальный период и особенно в период революции придала им форму тщательно разработанной социальной теории или философии жизни.

Дальнейшее развитие миф о «границе», Западе и сельском труженике получил в период джефферсоновской и джексоновской демократии. Т. Джефферсон утверждал, что именно здоровые и благородные фермеры Северной Америки, осваивающие бескрайние свободные земли, избавленные от коррумпирующего влияния европейской цивилизации и городской жизни, следуют простому и благородному образу жизни «избранного богом народа». В сознании широких народных масс в первые десятилетия XIX в. настолько прочно утвердилось отождествление Джефферсоном республиканских достоинств с приверженностью аграрным формам жизни, что многие видные государственные деятели и мыслители того времени видели единственный путь улучшения статуса рабочего в превращении его в фермера.

Легкость, с какой был принят в конце XIX в. тезис Дж. Ф. Тернера о Западе США как родине американской демократии, отчасти объясняется тем, что многие положения этого тезиса пустили глубокие корни в сознании американцев еще задолго до его формирования. Подчеркивание Тернером роли Запада в становлении американского характера современней американский историк Т. Хартшорн обоснованно рассматривал как одно из свидетельств «всеобщего романтического отношения к Западу, которое с самого начала стало интегральной частью интеллектуального и эмоционального багажа нации». Характерно, что постепенное ослабление позиций сельского хозяйства и аграрного общества в результате стремительной индустриализации и урбанизации во второй половине XIX в. многие американцы рассматривали как угрозу самой американской системе. Почти во всех произведениях американского писателя У. Д. Хоуэллса, опубликованных в последние десятилетия XIX в., перед нами предстает общество, обеспокоенное безответственностью приобретательского капитализма, многочисленными пороками, порожденными наступлением индустриализма и урбанизма, разрушением традиционных стандартов морали. Брукс и

Генри Адамсы в преобладании в американской жизни жажды наживы, приобретательства, коммерческих интересов и т. д., отождествляемых ими с демократией, видели признаки упадка американской цивилизации. Не случайно Г. Адамс начинает свою знаменитую автобиографию с описания достоинств маленького провинциального городка Куинси и недостатков Бостона, олицетворявшего бурно развивающуюся индустриальную и урбанистскую Америку. Неприятие этой Америки можно обнаружить у таких «традиционалистских» писателей, как Г. Джеймс, Э. Глазгоу, У. Кэзер и др.

При оценке факторов и процессов формирования идеи американской нации и национального самосознания следует отметить также то, что первоначально Америке предстояло преодолеть комплекс провинциализма в области литературы и искусства. Если американцам легко было убедиться в том, что их национальный гений проявляется прежде всего в экономическом прогрессе, то несколько иным было положение в культурной и интеллектуальной сферах. Если в странах Европы культурные, литературные, художественные традиции насчитывали многие века, то этого нельзя было сказать об Америке. В течение всей американской истории вплоть до середины XIX в. национально-культурная идентичность оставалась невралгической точкой Америки.

В колониальный период Америка, как выше говорилось, особенно в области литературы и искусства, зависела от Англии. Б. Франклин оттачивал свой литературный стиль, копируя английский журнал «Спектейтор» («Наблюдатель»). Мысль Дж. Эдуардса была стимулирована книгами Дж. Локка, И. Ньютона, Дж. Аддисона, Д. Дефо и других английских мыслителей из коллекции Даммера, подаренной в 1714 г. Йельскому колледжу. У. Шекспир, А. Поп, Б. Джонсон служили для колониальных поэтов непревзойденными образцами для подражания. В вопросах моды колонисты брали за образцы одежду королевских губернаторов и членов их семей. Не без основания многие как в самой Америке, так и в Европе даже в первые десятилетия XIX в. считали, что Америка не имеет своей оригинальной культуры и искусства.

И действительно, в первые десятилетия существования США по сравнению с высокой европейской культурой американская культура значительно отставала как в плане профессионального мастерства, так и в художественно-эстетическом отношении. Более того, у самих аме-

рикашцев долгое время сохранялся своего рода культурный комплекс неполноценности, а европейцы в свою очередь долгое время не проявляли желания признать американскую культуру как таковую. Сетуя на это, получивший довольно широкую популярность в середине XIX в. журнал «Демократическое обозрение», проводил мысль о том, что статус и авторитет того или иного художника зависят не от его творческих способностей, а от статуса и авторитета его страны. В первом же номере говорилось о том, что «наше сознание находится в рабстве у прошлой и нынешней литературы Англии»²⁴.

Поэтому естественно, что сразу после революции вопрос о развитии специфически американской культуры выдвинулся на передний план. Так, Н. Уэбстер пытался утвердить культурную независимость США от Англии путем создания особой американской системы произношения английского языка. Г. Б. Браун призывал писателей использовать в своих произведениях американскую среду и местный материал. В романе «Виланд» он проиллюстрировал свою точку зрения, перенеся действие готического романа в американскую глушь. Знаменитое обращение Р. У. Эмерсона «Американский ученый» (scholar) писатель О. У. Холмс назвал «нашей интеллектуальной декларацией независимости». В нем Эмерсон выражал надежду, что Америка осознает и реализует универсальный человеческий идеал индивидуальной свободы и независимости. Причем, как писал историк литературы Б. Спенсер, для Эмерсона «американский дух был важен не потому, что он был американским, а потому, что он составлял самодостаточную веру в настоящее и будущее»²⁵.

Важной вехой укрепления американского «культурного» и «литературного» национализма явилось создание в конце 30-х годов в Нью-Йорке литературно-политической группировки «Молодая Америка», которая ставила своей целью стимулирование и пропаганду американской литературы, выступала за национальную самобытность, стремясь «смастерить своих Вергилиев и Мильтонов». Для участников «Молодой Америки» были характерны демократизм, гражданственность, стремление правдиво изобразить жизнь американского народа. В то же время в работах и деятельности некоторых из них приверженность американской тематике переходила в националистические крайности. Это особенно рельефно проявлялось в полемике со сторонниками так называемого «универсализма»,

отрицавшими необходимость национального своеобразия литературы, обосновывая это доводами о недопустимости в большой литературе «локальной ограниченности». «Пусть Америка восхвалит хотя бы посредственность в собственных сыповьях,— говорил Герман Мелвилл, возражая против такого подхода,— прежде чем восхвалять превосходство в детях любой другой нации...» Мелвилл был убежден в том, что «люди, мало чем уступающие Шекспиру, рождаются сегодня на берегах Огайо». Однако, говорил он, «если с Шекспиром нельзя сравниться, то его, безусловно, можно превзойти. И превзойдет его американец».

Подобные преувеличения во многом являлись результатом того, что долгое непризнание Европой самобытного характера американской культуры и литературы вызывало у части американской интеллигенции ответную реакцию в виде формирования своего рода «культурного» и «литературного» национализма.

Такие крайние выражения энтузиазма в отношении Америки создали условия для превращения патриотизма, националистических устремлений и законного чувства гордости достижениями страны в шовинистические и ура-патриотические умонастроения, в некритическое восхваление всего американского. На это обращали внимание многие авторы XIX в. О патриотизме и национальной гордости американцев, переходящих в самобахвальство, писал А. де Токвиль: «Все свободные народы гордятся собой, но проявление национальной гордости у всех различно. Американцы в своих отношениях с иностранцами не выносят, по-видимому, ни малейшего осуждения и в то же время ненасытны к похвалам. Им приятно самое ничтожное одобрение, но редко бывает довольно и самой большой похвалы, чтобы удовлетворить их. Они преследуют вас на каждом шагу, чтобы вызвать вашу похвалу, и если вы противитесь их настойчивости, то они хвалят себя сами»²⁶.

В формировании и дальнейшей эволюции идеи американской нации в XIX в. все более возрастающую роль играл убыстряющийся процесс перерастания сельской Америки в Америку урбанистско-индустриальную. Своеобразная революция в транспорте и системе коммуникаций наложила глубокий отпечаток на развитие региональных и общенациональных институтов, социально-классовой и этнической структуры страны. Растущая сеть каналов, железных и шоссейных дорог, а также

распространение пароходов содействовали расширению и укреплению экономических и социальных связей в масштабах всей страны. Важное значение имела также революция в системе передачи информации в результате изобретения телеграфа, беспрецедентного развития сети городских ежедневных газет, еженедельников и журналов. На верху социальной и экономической лестницы шел процесс роста и консолидации промышленного производства в рамках все более и более крупных предприятий в городах и вокруг них. Это, в свою очередь, вело с одной стороны, к росту количества богачей с крупными состояниями и, с другой стороны, к формированию класса наемных рабочих. Причем в ряды наемных работников влиялось значительное число ранее независимых мелких хозяев. Немаловажное значение имел также вызванный экономическим развитием стремительный рост потока иммигрантов²⁷.

Определенное представление о процессе вовлечения мелких городов и сельской местности в общенациональную орбиту можно получить на примере развития городка Кингстон. Американский исследователь Блюмин рассматривает этот городок в качестве своего рода лаборатории для изучения социальных и политических изменений в США в 20—60-х годах XIX в. Определенную роль в судьбе городка сыграло строительство в 1820-х годах делаверско-гудзоновского канала, который включил его в общенациональную транспортно-коммуникационную систему и ускорил экономическое развитие. В течение двух веков Кингстон был «сельским городком», составляющим «комплекс ферм и фермеров с центральной деревней», в которой никогда не проживало более $\frac{1}{3}$ всего населения городка. Но с открытием канала сюда пришли тысячи людей, большинство из которых поселились ближе к каналу вокруг старой деревни, а также нового городка, возникшего вокруг доков делаверско-гудзоновского канала у Кингстона. Постепенно фермы по своему значению отошли на периферию экономической и социальной жизни города, который стал приобретать новые конфигурации. Выявилась тенденция к обособлению городского центра от окраин, концентрации состоятельных семей в центре и отодвиганию менее состоятельных семей на периферию, формированию пригорода и системы городского транспорта, отделения места жительства людей от их места работы и т. д.²⁸

В то же время глубокие изменения произошли в составе городского населения. Так, в 1820 г. Кингстон представлял собой «относительно гомогенную общину» коренных американцев—протестантов, восходивших по своему происхождению к ранним поселенцам—пидерландцам. Но по мере роста города и диверсификации экономики, старая протестантская голландская гегемония уступила дорогу этническому, религиозному и профессиональному разнообразию. Экономическое развитие рождало много новых занятий, и вело к резкому сокращению доли местной рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве. Данные переписи 1860 г. содержат 150 разных профессий, в то время как фермеры составляли лишь 10% всей взрослой мужской рабочей силы. Индустриализация привела к разрушению более или менее интегрированной общины, основанной на целом комплексе семейных, родственных, религиозных и иных традиционных связях, способствуя постепенному преобладанию во взаимоотношениях людей индивидуалистических начал. Как указывал известный социолог Уоррен, формы и тенденции развития общины определяются столкновением «горизонтальных» и «вертикальных» связей. «Горизонтальные», т. е. внутриобщинные связи содействуют ее укреплению, в то время как «вертикальные», т. е. внеобщинные связи ведут к ее дезинтеграции. Уоррен считал важным фактором эволюции общины в современной Америке «растущую ориентацию локальных общин на внеобщинные системы, частью которых они являются, при ослаблении связей внутри самих общин и сокращении их автономии»²⁹.

Следует отметить, что общественно-исторический процесс в Америке с самого начала определялся стремлением к экспансии и созданию империи*. «Американцы полагали,— пишет историк левой ориентации У. Э. Уильямс,— что они создают свою собственную империю еще на заре своего национального существования. Эта идея была неотъемлемой частью пробуждавшегося самосознания нации, которое нашло свое завершение в американ-

* Термин «империя», применяемый ныне в негативном смысле, в древности и средние века имел позитивный смысл. Империя рассматривалась в качестве защитницы общего мира для входящих в нее народов и стран. Это, например, относилось к Римской, Византийской и др. империям. В XIX в. и особенно в XX в., когда появились соперничающие друг с другом колониальные империи, это слово в глазах многих потеряло первоначальное значение и приобрело отрицательный смысл.

ской революции»³⁰. Причем решающую роль в формировании важнейших его компонентов сыграло аграрное большинство, которое уже в колониальное время осознало, что наличие свободных земель для неограниченной экспансии является необходимым условием сохранения и расширения политической и социальной свободы. Сама свобода отдельного индивида отождествлялась с наличием свободного рынка, предоставляющего условия для осуществления принципов свободы. Более того, «расширение рынка рассматривалось аграрным большинством как непрерывный процесс распространения принципов свободы по всему миру».

Эта убежденность аграрного большинства в своей «евангелической правоте», — заявляет Уильямс, «не только не сплотила экономические и философские силы, создавшие (современную американскую) империю, но и создала еще сильный психологический толчок» к формулированию идеи «предопределения судьбы», предписывающая Америке «вести за собой и реформировать... весь мир»³¹.

Такой подход прямо или косвенно обуславливал концентрацию внимания на идее, согласно которой «американская демократия и экономическое благополучие непосредственно связаны с наличием излишка свободной плодородной земли»³², что в свою очередь предполагало необходимость поисков новой стратегической границы Америки. Так, если до конца XIX в. в США делалось упорство на завоевание и освоение североамериканского континента, то с исчерпанием свободных земель была сформулирована новая концепция «стратегических границ Соединенных Штатов», содержанием которой явился переход от «идеи, основанной на континентальных рамках», к «более динамической и активной идее» мировой экспансии американского рынка.

В то же время конец XIX в. характеризовался тенденцией ко все большему росту значения и места промышленного сектора в экономике страны. Более того, произошла промышленная революция, превратившая ее в могущественную экономическую державу. Эта революция включала три взаимосвязанных компонента: «революция в источниках энергии», а именно, дальнейшее развитие паровой силы, электричества и создание двигателя внутреннего сгорания; огромный рост производства и производительности труда в результате механизации производственного процесса; «революция в средствах

связи» в результате серии технологических нововведений. Огромную роль в развертывании этой революции сыграло формирование мирового рынка, которому способствовало развитие трансокеанского транспорта и средств связи, в том числе подводного кабеля, Суэцкого канала, телефона, телеграфа и железных дорог. Важными аспектами экономической революции было также открытие и освоение западных районов страны и переворот в сельском хозяйстве³³.

Характер экономической революции в США определялся следующими факторами: наличие огромных естественных богатств, раннее начало промышленного развития, господство идеи «равных возможностей для всех», использование результатов технического развития и капиталов Старого света, наличие более высокой по сравнению с Европой заработной платы, и наличие неквалифицированной рабочей силы иммигрантов, что заставляло предпринимателей поднять производительность труда посредством механизации и т. д.

Экономическая революция оказала глубокое влияние на все сферы социальной, политической и интеллектуальной жизни США. Она содействовала трансформации американской религии. Протестантизм подвергся секуляризации, в результате чего многие религиозные деятели пришли к выводу, что таким проблемам, как бедность, безработица, плохие жилищные условия, низкая заработная плата и т. д. необходимо найти мирские решения на общественном, а не на индивидуальном уровне. Интеллектуальной реакцией на экономическую революцию явились книги «Прогресс и бедность» (1879 г.) Г. Джорджа, «Оглядываясь назад» (1888 г.) Э. Беллами, «Путешествие из Альтрурии» (1894 г.) У. Д. Хоуэлса и другие, в которых особо осуждались ее антигуманные последствия. Экономическая революция, как пишет К. Деглер, содействовала утверждению «реализма науки» и «материализма индустриального общества», которые вместе с «мобильной индустриальной демократией» коренным образом изменили философию, литературу, искусство, архитектуру страны. В итоге, пишет Деглер, американское мировоззрение приобрело «секулярный и материалистический» характер³⁴.

Промышленность, которая основывалась на принципах *laissez faire* в сущности порождает стремление к экспансии, являющейся стержнем этой идеологии, в силу чего деятельное и растущее городское меньшинство

приняло имперские аспекты внешней политики США. Поэтому неудивительно, что политические деятели обеих главных партий страны — демократической и республиканской — начали рассматривать идею заморской экономической экспансии в качестве основы своих политических программ. В конце XIX — начале XX вв. правящие круги страны предприняли энергичные меры для усовершенствования дипломатической и консульской службы США, призванные прежде всего обеспечить заключение выгодных для американского экспорта договоров, укрепить и расширить военно-морской флот и строить канал, соединяющий два океана, на перешейке северной и южной части Американского континента. Для развития и обоснования этих устремлений широко применялись лозунги, заимствованные опять же из миссионерской мифологии. В частности, правящие круги страны оправдывали свои империалистические притязания стремлением обеспечить условия, необходимые для того, чтобы положить конец всем формам империализма. Ряд буржуазных идеологов говорили о необходимости усиления американской мощи на том основании, будто она служит делу расширения границ «свободного рынка» и, стало быть, самой свободы.

Важное значение в формировании американского национального сознания, как отмечает Г. С. Коммейджер, имело то, что американцы начали не с какой-либо теории, а с наблюдений и фактов. Их интересовали «не философские доктрины, а таблицы весов и измерений, сведения о количестве выпадаемых осадков, описания фауны и флоры, статистические данные о рождаемости» и т. д.³⁵ Они порой впадали в теоретизирование или в морализирование относительно человеческой природы и прогресса, но их чувства концентрировались на конкретной реальности. Такое умонастроение толкало их изучать свой национальный и природный характер. В этом отношении процесс формирования американского национального сознания определялся идеями и духом Просвещения.

Краеугольным камнем Декларации независимости была естественноправовая теория, и руководители американской революции в борьбе с английской короной использовали весь идейно-теоретический арсенал Просвещения, начиная от идеи разумной природы человека до теории общественного договора. Показательно, что в отличие от Старого света, где большинство просветителей-философов были представителями естественных наук,

медицины и церкви, в Америке их большинство составляли юристы и правоведы. Так, право служило в качестве «общего знаменателя» для Т. Джефферсона, Дж. Мэдисона, Дж. Мэсона, Дж. Уайса, А. Гамильтона, Дж. Джея, Дж. Адамса и т. д. Именно юристы написали Декларацию независимости, Северо-западный ордонанс, конституции штатов и Конституцию США. Вместе с тем этот момент не следует абсолютизировать, поскольку помимо правоведов и юристов в Америке немаловажную роль играли и представители других областей знания. Например, выдающиеся представители просветительской мысли в США Б. Раш и К. Холден были медиками по образованию, Б. Франклин был не только общественным деятелем, но и крупным естествоиспытателем, Т. Купер наряду с правом изучал философию, медицину и химию, Дж. Визерспун был священником и т. д.

Исходя из того, что Конституция США, являясь «живым инструментом управления», американский экономист Миллер проводит различие между «книжным» и «позитивным правом», зафиксированным в первоначальном тексте конституции, с одной стороны, и, с другой стороны, «действующим» или «живым правом», которое складывается из поправок к конституции, законодательных актов, правительственных, юридических и административных решений. «Живое право» — это «поток решений», принимаемых каждым поколением американцев в соответствии не с буквой, а с собственной интерпретацией конституционного текста.

Конституция во многом представляет собой своеобразное воплощение американского духа. По форме — это сухой и деловой документ, в котором не провозглашается в какой-либо торжественной форме суверенитет нации или же высокие моральные или религиозные принципы. Ее сила коренится не в том, что она говорит, а в том, что она есть, а именно в воплощении идеи, на основе которой США были созданы. Суть этой идеи — принцип свободы, восходящей к английской буржуазной революции 1649—1652 гг. и так называемой «славной революции» 1688 г., и в наиболее законченной форме сформулированной в философии Дж. Локка.

Очевидно, что складывание и утверждение американской нации и американской государственности представляли собой единый процесс, что, как будет показано в соответствующих разделах данной работы, оказало самое непосредственное влияние на характер и содержание американского национального сознания.

II. РОЛЬ РЕЛИГИИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Важнейшим фактором формирования нации, особенно до XIX в. во многих странах явилась общая религия. Америка же не имела таковую, поскольку в первоначальных тринадцати колониях исповедовали не одну, а несколько религиозных верований. Отцы — основатели были решительными сторонниками принципа плюрализма религиозной веры. Для них религия представляла в основном личное дело, результат индивидуального выбора. Отвергался взгляд, согласно которому вера есть нечто навязываемое общиной или обществом, правительством, традицией и т. д. Некоторые из отцов-основателей придерживались деистских и пантеистских воззрений. Но тем не менее они придавали религии большое значение. Несомненно прав был А. де Токвиль, когда указывал, что американская цивилизация явилась результатом двух четко различающихся друг от друга элементов, которые в других местах часто находились во враждебных друг к другу отношениях. Это дух религии и дух свободы.

Следует отметить, что для США характерен самый широкий религиозный плюрализм, в котором различные протестантские деноминации уживаются с католицизмом, иудаизмом, некоторыми пезападными религиями. Этого принципа в той или иной форме придерживались представители левого крыла американского пуританизма колониального периода. Так, их руководитель Ю. Уильямс в своих работах последовательно проводил мысль о необходимости отделения церкви от государства и идею о религиозной терпимости, не исключая «язычников», «евреев», «турок». Он утверждал, что насильственное единоверие и отказ от религиозной свободы ведет к нарушению гражданского и религиозного мира. Религия и церковные дела полностью входят в прерогативы самого бога и, поэтому, государство не вправе осуществлять ту

власть, которую бог сохраняет за собой. В середине XVIII в. Э. Уильямс отрицал за государством всякую власть над религией на том основании, что народ, от которого государство получило свою власть, сохраняет за собой неотчуждаемое право распоряжаться этой властью по своей воле.

Религиозный плюрализм отцов-основателей исключал возможность утверждения в США официальной государственной религии. Документы американской буржуазной революции нерелигиозны по своему духу. Кроме ссылки на «Великого управителя миром» в заключительном параграфе в «Статьях конфедерации» нет никакого упоминания о месте религии и церкви в общественной жизни. При открытии континентального конгресса один из отцов-основателей Дж. Джей выступал против произнесения молитвы на том основании, что на нем присутствовали приверженцы епископальной церкви, конгрегационалисты, баптисты, квакеры и пресвитериане. Однако по настоянию С. Адамса молитву все же произнес приверженец епископальной церкви Дюше. Декларация независимости апеллирует к «Верховному судье мира» и завершается словами «с твердой надеждой на защиту божественного провидения». Однако во всех главных документах периода становления американского государства нет прямой ссылки на христианскую веру. В Конституции США религия упоминается два раза: в VI статье и в I поправке к конституции. Но оба упоминания носят негативный характер. Конституция санкционировала отделение церкви от государства. Причем, Верховный суд США предложил следующую принципиальную трактовку первой поправки к конституции: «Конгресс не издает законов, учитывающих религиозные установления». Показательно, что отцы-основатели включили свободу отправления религиозной веры наряду со свободой слова и печати в число свобод, защищаемых первой поправкой к конституции.

Антиклерикалы, подобные Т. Джефферсону, считали, что организованная религия по внутренней своей сущности носит авторитарный характер и поэтому является потенциально подрывным фактором для демократического процесса. Евангелистские протестанты, особенно баптисты, зачастую рассматривали политику как «грязный бизнес, отвлекающий внимание верующих от духовных целей». Немецкие и скандинавские лютеране использовали доктрину «двух царств», которая предписывала церкви и

государству заниматься каждому своим делом. Многие евреи, секуляристы, члены более мелких христианских деноминаций и приверженцы западных религий боялись, что вовлечение церквей в политику может стать прелюдией к религиозным преследованиям. Но тем не менее организованная религия с самого начала истории Америки была вовлечена в общественно-политическую жизнь страны. Следует отметить, что здесь религия в значительно меньшей степени играла роль «опиума народа», нежели во многих других странах. Она служила в качестве активной силы, лежащей в основе большинства реформистских и гуманитарных движений. Многие религиозные деятели принимали активное участие в американской революции. Церковные руководители находились в первых рядах борцов политических битв за отмену рабства, запрещение спиртных напитков и предоставление права голоса женщинам. Либеральные протестантские, католические и еврейские группировки вели кампании в поддержку экономических и социальных реформ в так называемый прогрессивистский период и в период Нового курса. Консервативные церкви, в свою очередь, боролись против азартных игр и порнографии. К началу 60-х годов большинство из крупных деноминаций держало в Вашингтоне представительства для проталкивания своих взглядов по общенациональным вопросам. Как говорил бывший вице-президент США Г. Хэмфри, было бы невозможно провести закон о гражданских правах 1964 г. без той поддержки, которую этот закон получил от церквей. Американская церковь участвовала в большинстве массовых кампаний 70-х — 80-х годов — от акций в защиту потребителей до антивоенных движений. Широкие масштабы приняла благотворительная деятельность церкви, которая собирает и распределяет миллиардные пожертвования. Например, известный телепроповедник Дж. Свэггарт ежегодно собирает до полумиллиарда долларов пожертвований и распределяет их на помощь беднякам, строительство больниц, приютов и т. д.

По своим религиозным убеждениям значительная часть американцев уже к середине XVIII в. были приверженцами так называемой «естественной религии», которая свободна от различных таинств и догматов. Религиозная потребность человека обеспечивается посредством действий его естественных органов. Религия «естественна», потому что она представляет собой разум-

ный ответ человека той космической среде, который доступен его эмансипированному интеллекту. В своем миропонимании приверженцы «естественной религии» отталкиваются от идеи естественного закона, понимаемого как разумный порядок в мире, установленный самим богом. Здесь мы видим не трансцендентного бога, а бога имманентно присутствующего в самом процессе творения, здесь бог прямо отождествляется с разумом, который присутствует прежде всего в человеке, а затем и во всех вещах и явлениях природы. Другими словами, «естественная религия» представляла собой форму христианской апологетики, сформулированной на языке, соответствующем коперниковско-ньютоновской картине мира.

Более того, многие исследователи прямо связывают с религией республиканские и демократические институты Америки. Как утверждал упоминавшийся уже А. де Токвиль, истинной школой республиканских добродетелей в Америке была церковь. По его словам, религия представляла собой первый из американских политических институтов. Она была республиканской и демократической религией, которая не только включала республиканские ценности, но и давала первые уроки относительно того, как участвовать в общественной жизни. По словам Токвиля, нравы в большей степени, чем законы или физические обстоятельства, способствовали успеху американской демократии, а нравы же коренятся в религии. Он считал, что голый корыстный интерес является наиболее верным защитником республиканского режима, а коммерческие склонности американцев развязывают возможности для неограниченного преследования корыстного интереса. В то же время Токвиль рассматривал религию как важный ограничитель, который способен превратить голый корыстный интерес в то, что он называл «правильно понятым корыстным интересом», т. е. корыстный интерес, пронизанный общественным духом и способный к самопожертвованию.

Как бы продолжая эту мысль, авторы специального доклада, составленного на основе результатов общенационального опроса, проведенного в 1960 г. исследовательской фирмой «Рисерч энд форкастс инкорпорейтед оф Нью-Йорк», утверждали, что религиозные верования американцев в большей степени, чем расовая принадлежность, уровень образования и доходов, пол, возраст и т. д., оказывают влияние на их взаимоотношения на работе, в семье, с друзьями, принятие политических

решений и т. д. Хотя этот тезис страдает определенным преувеличением, он в целом верно отражает тот факт, что религия играет заметную роль в общественно-политической жизни США.

Характерной особенностью большинства религий является ориентация на светские — социальные и политические — проблемы. В этом отношении не составляют исключения и американские церковные деноминации, которые, хотя, как правило, формально не вмешиваются в политику, занимают важное место в политической жизни. Этот момент важно подчеркнуть, если учесть, что Америка остается одной из самых религиозных среди развитых капиталистических стран. Как показывают опросы общественного мнения, в настоящее время 95% американцев верят в бога и 69% — в загробную жизнь¹. Для сравнения укажем, что во Франции эти цифры составляют соответственно 72 и 39%, а в Японии — 38 и 18%. По данным одного социологического исследования, 70% населения верит в то, что «Иисус Христос — бог и сын божий». С утверждением, что «Библия — слово божье», согласны 42% американцев, в то время как 43% населения верят в существование дьявола и 40% считают первые книги Библии, описывающие сотворение Адама и Евы, подлишными.

В США от 50% — до 60% верующих принадлежат к главным протестантским (методистской, пресвитерианской, лютеранской и епископальной) или римско-католической деноминациям. Характерным признаком американской религии является сектантство. Здесь 20% членов церкви составляют баптисты. Остальные 20—30% являются членами так называемых «неглавных», побочных церквей, включая независимых фундаменталистов, евангелистов и пятидесятников, а также свидетелей Иеговы, мормонов, адвентистов седьмого дня и др.²

Естественно, в настоящее время в Америке реальное влияние религии значительно ослабло по сравнению с XIX в. Ныне американские социальные ценности формируются в большей мере другими институтами, особенно индустрией развлечений, рекламой, средствами массовой информации, системой образования и др.

При всем том нельзя не согласиться с теми авторами, которые называют религию «спящим гигантом американской политики». Показательно, что в США представители власть имущих на всех ступенях социальной и политической иерархии вынуждены считаться с религи-

озным фактором. Примечательно, что любой кандидат на пост президента страны и другие важные выборные должности, претендующие на победу, считают необходимым публично декларировать о своей принадлежности к какой-либо религиозной деноминации. Конгресс содержит двух капелланов в сенате и палате представителей, в задачу которых входит произнесение молитв, которыми открываются заседания обеих палат.

«Отношения между американской демократией и религией,— писал американский исследователь либеральной ориентации А. Дж. Ричли,— всегда носили в некотором роде двусмысленный характер. С одной стороны, моральные и этические принципы, заимствованные из иудео-христианской традиции, служили в качестве главного источника демократических ценностей. Религия составляла важный стимулирующий фактор как в процессе колонизации Северной Америки, так и в Американской революции... Возможно, самое важное это то, что так называемая протестантская этика обеспечила моральный фундамент, на котором были построены республиканские институты». С другой стороны, продолжает Ричли, теоретики демократии и общественность с озабоченностью воспринимали «абсолютистское социальное мировоззрение, часто ассоциируемое с религией. Практически все религии притязают на воплощение в себе конечных истин и сущности вселенной и условий человеческого существования. Поэтому на определенном уровне они едва ли могут терпимо относиться к конфликтующим убеждениям»³.

Т. Джефферсон, как правило, рассматривается в качестве типичного представителя религиозного и морального скептицизма в духе Просвещения XVIII в. В частности в своей наиболее известной работе «Заметки о штате Вирджиния» он подчеркивал, что он «не будет задет, если его сосед скажет, что существует двадцать богов или вообще нет ни одного бога». Но в той же работе он ставил риторический вопрос: «можно ли считать свободы нации гарантированными, если мы отказались от их единственной твердой основы, а именно, убеждения об умах этого народа о том, что свободы составляют дар божий». Несколько раньше в «Декларации независимости» Джефферсон приписывал равенство и права людей самому «творцу». А много лет спустя, он говорил о том, что добродетельная политика возможна в том случае, если все будут разделять убеждение в существовании «единого

совершенного бога», который вознаграждает и наказывает. Религия, писал он в другом месте, является «дополнением к закону в деле управления людьми», а также «альфой и омегой» морального закона. Еще более сильное ударение на религию и мораль в качестве основы политики делали первый президент США Дж. Вашингтон и др. отцы-основатели. Как считал Вашингтон, для большинства граждан религия обеспечивает как доводы в пользу верности либеральных принципов, так и стимулы для их введения на практике.

Хотя, как выше говорилось, для США характерен самый широкий религиозный плюрализм, все же господствующие позиции здесь особенно в XVIII—XIX вв. занимал протестантизм. Исходя из этого большинство американских исследователей вслед за М. Вебером справедливо отводит определяющую роль в формировании религиозной ситуации в США протестантизму. «Хотя,— пишет, например, профессор университета Джонса Хопкинса Дж. А. Келли,— католическая церковь является, по сравнению со всеми другими, крупнейшей церковью у нас, и доход на душу населения среди католиков в среднем чуть больше, чем среди протестантов, мало кто из тех, кто прожил свою жизнь в Соединенных Штатах, усомнится в том, что именно протестантизм является животворным источником нашей морали. Несмотря на заметный вклад католиков и евреев в нашу политическую, профессиональную и интеллектуальную жизнь, Америку уместнее всего рассматривать как страну, отмеченную знаком протестантизма. И католицизм и иудаизм, процветая и благоденствуя в Америке, в известной мере опротестантились».

Протестантская ориентация американского общественного сознания была еще более усилена с введением в середине XIX в. общественных школ, в которых доминирующее положение занимали протестантские деноминации. Показательно, что католики организовали собственные приходские школы большей частью в качестве протеста против господства протестантизма в общественных школах. При этом интерес представляет то, что американские авторы трактуют сам протестантизм в качестве структурообразующего элемента общественного сознания. По словам, например, политолога У. Голстона, «протестантизм, разумеется, представлял собой более чем религиозную ориентацию. Он являлся узловым пунктом комплекса социальных действий и умонастроений, которые фор-

мировали лицо доминировавшей социальной группы и конституировали стандарты поведения и поступков для всех остальных»⁴. Стержневыми элементами политической культуры, сформировавшейся на основе протестантизма, стали юридический либерализм и морально-религиозный традиционализм. Эта преимущественно протестантская политическая культура сохранялась вплоть до 50-х годов. В тот период католики и евреи занимали маргинальное, а негры — подчиненное положение в американском обществе. Преобладала и эффективно действовала традиционная мораль, важнейшие компоненты которой составляли: возглавляемая мужчиной-кормильцем семья, исключавшая женщину из сферы труда и обмена; нормы личного поведения, которые делали ударение на опору на собственные силы и сдержанность; уважение к экономическому и политическому авторитету; безоговорочный патриотизм; религиозная вера и т. д.

В наши дни протестанты всех деноминаций, католики, пудеи и приверженцы других церквей в отношении важнейших общественно-политических проблем находят все больше точек соприкосновения. Традиционное негативное отношение католиков к разрешению абортов стало одним из основных принципов протестантских фундаменталистов. Один из их ведущих представителей Дж. Фолуэлл, например, называет папу Иоанна Павла II «лучшей надеждой, которую ... баптисты когда-либо имели»⁵. Оживление ортодоксальных тенденций внутри американского иудаизма создало благоприятные условия для его сближения с протестантским фундаментализмом. Более того, Дж. Фолуэлл делал такие реверансы в сторону еврейской общины, что заработал от национального еврейского конклава награду. Показательно, что «моральное большинство» предлагало диалог с представителями всех главных еврейских организаций, чтобы убедить еврейскую общину в том, что фундаменталисты являются «не антисемитской группой, а, возможно, самым последовательным сторонником Израиля» в Америке⁶. Однако, несмотря на декларируемые произраильские позиции, фундаменталисты как по своему духу, так и по трактовке Библии и христианства остаются наследниками антисемитизма и противниками иудаизма.

Определяя американскую культуру, как протестантскую по происхождению и характеру, американские политологи, социологи и религиоведы не без оснований пытаются найти в протестантизме различные компоненты

американизма или «культуры американизма», составляющей структурную основу американского буржуазного сознания. Однако сам протестантизм в США — это по сути дела сложный конгломерат разнородных церковных деноминаций, течений и направлений. Поэтому, естественно, что исследования в этой сфере отличаются противоречивостью выдвигаемых идей и концепций. Если, например, одни авторы выводят из протестантизма основные принципы буржуазного демократизма, то другие авторы ищут в нем наиболее антидемократические компоненты в «культуре американизма».

И, действительно, чуть ли не с самого начала в американском протестантизме наряду с вычленением различных церковных деноминаций, придерживающихся по-разному трактуемых культов, доктрин и организационных принципов, наметилась тенденция к постепенному размежеванию по линии консерватизм-либерализм, в зависимости от того, насколько далеко приверженцы этих двух течений шли по пути пересмотра первоначальных протестантских догм и принципов церковной организации, или же с какой интенсивностью они боролись за чистоту и неприкосновенность этих догм и принципов.

Следует отметить, что размежевание по линии либерализм—консерватизм, модернизм—фундаментализм в американском протестантизме не всегда совпадало с размежеванием по деноминационному признаку. Представители обоих течений присутствовали почти во всех деноминациях. Поэтому при определении ориентации той или иной церкви речь в большинстве случаев может идти не о категорических оценках, а о более или менее сильной тенденции в ту или иную сторону. Так, преимущественно либеральные церкви представлены методизмом, пресвитерианством, епископальной церковью, а преимущественно консервативные — евангелистами и фундаменталистами. В рамках большинства церквей существуют как либеральное, так и консервативное крыло. Об этом наглядное представление дают, например, результаты исследования 1982 г., авторы которого ставили перед собой задачу определить позиции служителей различных церквей по вопросу о вьетнамской войне. Эти позиции выглядели следующим образом: за немедленный и безоговорочный уход из Вьетнама у методистов 40% (против 9%), пасторов Объединенной церкви Христа — 40% (против 13%), Лютеранской церкви в Америке — 30% (против 28%), Американской лютеранской церкви — 14% (про-

тив 39%), Миссурийского синода — 13% (против 50%); участвовало в антивоенных митингах пасторов Объединенной церкви Христа — 43%, методистов — 43, Американской лютеранской церкви — 9, миссурийцев — 9%. Традиционно пацифистских позиций придерживаются такие протестантские группировки, как квакеры, меннониты, братья во Христе⁷.

В своих наиболее завершенных формах либерализм и консерватизм нашли выражение соответственно в концепции «гражданской религии» и протестантском евангелистском фундаментализме. Суть «гражданской религии», как ее определяет Г. С. Коммейджер, состоит в общей абстрактной вере в божественное начало вообще, а не в конкретно понимаемого бога. Она была характерна как для протестантов, католиков, иудеев, так и деистов. Г. С. Коммейджер называет это «религией морали и добродетели», опирающейся одновременно и на разум и на веру и охватывающей скорее человечество, нежели отдельного индивида. Не отвергая Иисуса Христа и Евангелие, она берет из них то, что имеет универсальную значимость. Ее моральные, философские или политические добродетели, счастье, равенство перед богом и законом, справедливость и т. д. относятся скорее к посюсторонней, нежели потусторонней жизни. Такое положение вещей во многом определялось тем, что протестантизм вообще, американский протестантизм в особенности, содержал значительный элемент рационализма, делавший возможным адаптировать его к изменившейся в каждый данный исторический период социальной действительности, либерализовать и модернизировать его догматику, символы веры, организационные принципы. Эта струя как раз и послужила основой для формирования либерального протестантизма. В либеральном протестантизме с самого начала провиденциализм выступает в более смягченной и гибкой форме, допуская инициативу со стороны человека в общественно-историческом процессе. Социально-экономические и общественно-политические процессы, развитие науки и техники, все более широкое распространение и демократизация системы образования на протяжении XVIII—XIX вв. делали неизбежными либо существенную модификацию важнейших догм и организационных принципов протестантизма, либо полный отказ от них. Анализ различных его течений показывает, что в конечном счете все они — одни раньше, другие позже — несмотря на расхождения в терминологии и част-

ностях по сути дела пришли к одному и тому же результату — признанию самостоятельной роли за свободой человеческой воли при одновременном сведении к минимуму или даже полному отрицанию самодовлеющего значения догмата о божественном предопределении, признанию идеи независимой от государства церкви и самой широкой религиозной терпимости.

Своего завершения этот процесс достиг в 50—60-х годах нынешнего столетия, когда начались поиски новых концепций «божественной реальности», или как отмечал теолог Дж. Кобб, «перевод евангелия на язык сегодняшнего дня». Для приспособления религии к изменившимся историческим условиям американские протестантские теологи шли на существенные модификации теологических доктрин, методов, форм деятельности церквей и их структур. В условиях развертывания и дальнейшего ускорения научно-технической революции эрозия религиозной веры приняла беспрецедентные масштабы. Все меньше и меньше людей, сетовал теолог Х. Кокс, воспринимают религию как «руководящую систему личных и космических ценностей и объяснений»⁸. Дело дошло до того, что, как отмечал протестантский теолог Ш. Огден, центральной теологической проблемой стала «проблема реальности бога». Среди значительной части теологов получил популярность тезис о «смерти бога»⁹.

В результате в 60—80-х годах появились разного рода новые теологии, вроде теологии надежды, теологии революции, теологии освобождения, теологии прогресса и т. д., призванных приспособить христианское вероучение к реальностям последних десятилетий XX в. Это своего рода «секуляризированные», «мирские», «политические» теологии. В них девальвация традиционных религиозных форм нашла наиболее отчетливое отражение. Их приверженцы стали рассматривать себя как «агентов трансцендентальной моральной цели». Теология освобождения довольно быстро приобрела в США все более возрастающее число приверженцев. Ее претензии навести мост между политическим радикализмом и христианством апеллировали к тем, кто, чувствуя свое призвание к революции (не обязательно насильственной), сохраняли потребность в религиозной вере.

Согласно А. Дж. Ричли, популярности «теологии освобождения» среди либеральных церквей способствовал ряд внутренних и внешних факторов. Травма вьетнамской войны оказала на активность церквей еще большее влия-

ние, чем в стране в целом. Впервые в американской истории значительная часть клира отвергла вовлечение Америки в войну за рубежом. Некоторые активисты отвергли внешнеполитический курс США вообще. Уотергейтский скандал рассматривался как еще одно свидетельство коррупции всей американской общественно-политической системы. Разрыв между богатством промышленно развитых стран и бедностью «третьего мира» оказывал довольно сильное влияние на сознание клира.

В целом, в политических теологиях Иисус Христос приобретает черты политического лидера, Христа-Освободителя, ведущего за собой бедных и угнетенных. «Исход,— пишет Г. Кокс,— это эпизод, показавший нам то, как бог действует в истории. Он, освобождая людей от оков, освобождая их от политической, культурной и экономической зависимости, дает им возможность преодолеть варварство... и создать новую систему ценностей»¹⁰. В результате столь радикальной дедогматизации и демифологизации американский либеральный протестантизм потерял многие свои традиционные черты, а протестантская теология приобрела многие черты идеалистической философии. Другими словами, либеральный дедогматизированный, демифологизированный протестантизм в форме «гражданской религии» представляет собой скорее комплекс морально-этических и социально-философских установок, ценностей, принципов и т. д., нежели статьи религиозной веры.

Весьма влиятельные позиции в американском протестантизме занимают церкви консервативной ориентации, в наиболее завершенном виде представленные фундаментализмом. Само название «фундаментализм» происходит от названия серии томов «Основы» (Fundamentals), которые издавались начиная с 1910 г., финансировались и бесплатно распространялись богатыми лос-анджелесскими бизнесменами Л. и М. Стюардами. Догматы ортодоксального христианства, изложенные в «Основах», составили вероучительную и теологическую систему фундаментализма. Фундаментализм — это скорее определенный умонастрой, нежели сколько-нибудь последовательно и четко сформулированный комплекс теологических и религиозных идей и концепций. Он, в частности, включает эсхатологический, милленаристский подход к миру, вытекающий из буквалистского толкования Библии и базирующийся на принципе бескомпромиссного дуалистического разделения участников «драмы истории» на божественные силы

добра, ассоциируемые с Америкой, и дьявольские силы зла, ассоциируемые со всеми теми, кто безоговорочно и на все сто процентов не принимает Америку. Фундаментализм выступает против модернизма, новых идей и подходов к религии и жизни, против социальных и культурных изменений в обществе. Фундаменталисты убеждены в божественном происхождении и непогрешимости каждого слова Библии, в неизбежности второго пришествия Иисуса Христа. В целом, фундаментализм представляет собой «религиозный вызов современному миру — его формам мышления, его политике и экономике. Это один из способов сказать „нет“ секуляризации мира»¹¹. Представители «морального большинства» «оправдывают свое право и, более того, обосновывают необходимость борьбы с религиозным модернизмом как недопустимый компромисс с новыми формами рационализма и секуляризма, угрожающим исторической миссии церкви»¹². После нашумевшего «обезьяньего процесса» в 1925 г. в г. Дейтоне (штат Теннесси) над преподавателем биологии Дж. Скоупсом, который вопреки существующему в штате закону о запрещении в школах преподавать эволюционную теорию, стал учить ей своих детей, влияние фундаментализма, казалось, пошло на убыль, и он сохранился главным образом в качестве компонента региональной культуры Юга. В действительности же, как отмечает известный религиовед М. Марти, подспудный процесс расширения влияния протестантского фундаментализма в американской культуре, начавшийся еще в первые десятилетия XIX в., никогда не прекращался, поскольку его лозунги «стали составной частью американской культуры».

Фундаментализм обратил на себя довольно широкое внимание в общенациональном масштабе в 50-х — начале 60-х годов вследствие эффективного использования во все более растущей степени средств массовой коммуникации. Особенно влиятельные позиции в общественно-политической жизни США фундаментализм завоевал в последние полтора десятилетия. Исследователи религиозной жизни США единодушны во мнении, что последние два десятилетия были периодом радикальной трансформации американской религии. М. Марти, исследовав изменения религиозных институтов, пришел к выводу о «сейсмическом сдвиге» в религиозном ландшафте страны. Сдвиги, о которых пишут эти исследователи, включают заметное падение численности приверженцев и влияния главных, или традиционно утвердившихся церковей — либеральных про-

тестантских деноминаций, католической и иудейской — и связанной с ними так называемой «гражданской религии», усиление влияния консервативных церквей и особенно феномен протестантского фундаменталистского возрождения, а также бурный рост разного рода нетрадиционных новых религиозных культов. В последние годы членство фундаменталистских церквей росло в среднем на 2%, в то время как членство главных институционализированных церквей падало на 1% в год. В течение 70-х годов членство Объединенной методистской церкви сократилось на 11,4%, Объединенной пресвитерианской церкви — на 23, Епископальной церкви — на 16,9, Христианских церквей — на 22,6%.

К тому же наблюдалось заметное увеличение числа евангелических конгрегаций в деноминациях самих либеральных церквей. Например, в настоящее время значительная часть пресвитерианских пасторов в Новой Англии обучались в евангелической теологической семинарии Гордона—Конуэлла. Имело место увеличение числа традиционных деноминаций, которые всегда придерживались консервативных позиций, таких как Южные баптисты, церкви Христа, Лютеранская церковь — миссурийский синод и большинство ветвей мепнонитов. Наблюдался также заметный рост численности и влияния крупных городских конгрегаций среди более новых евангелических деноминаций, как, например, Ассамблеи бога, Христианская реформированная церковь и т. д.

Первоначально ряд социологов и религиоведов, учитывая реальные факты определенного падения влияния либеральных церквей, были склонны представлять дело таким образом, будто консервативные церкви вообще и фундаментализм, в частности, окончательно отодвинули их на второй план, взяв стратегическую инициативу в свои руки. В действительности же, как и в общественном сознании Запада, в целом имели место более сложные и многослойные процессы, нежели простой сдвиг вправо. В частности, в общем русле отказа от некоторых традиционных социальных и идейно-политических стереотипов, наблюдалось возрождение интереса к религии как духовному феномену вообще. Показательно, что, отражая эти умонастроения, сенат и палата представителей конгресса США в 1982 г. приняли совместную резолюцию, которая объявила 1983 г. «Годом Библии».

Вместе с тем нельзя не отметить то, что возрождение религиозности и интерес к религиозному особенно сильно

проявились в консервативных формах и появлении множества новых культов. Интересные соображения на этот счет высказывает профессор социологии университета Лойолы Дж. Фихтер о том, что проблемы нестабильности, отсутствия единства и «сверхвыбора» в частной сфере семьи, религии и досуга решаются в пользу «стабильных цепностей». Представители среднего класса, которые достигли сравнительно высокого уровня жизни, не удовлетворены «плоским, стерильным и тоскливым течением своей жизни». Они жаждут норм и стандартов поведения. «Им не нравится авторитаризм, но они стремятся к стабильности моральной системы, которая позволит им проводить различие между добром и злом в своем личном поведении и своих социальных отношениях. Молодежь из „хороших“ семей и с „хорошим“ образованием демонстрирует преданность и даже аскетизм в новых религиозных культурах, что удивляет их пасторов и родителей»¹³.

Согласно Фихтеру, то, что сейчас называют «новым религиозным сознанием», проявляется на нескольких уровнях: в неуклонном росте консервативных церквей, неожиданном всплеске фундаментализма, беспрецедентной популярности телеевангелизма и в различных молодежных религиозных движениях культового характера. Все эти формы религиозной активности, как считает Фихтер, можно объединить под введенным Д. Беллом названием «возврат к священному», поскольку все они высказывают сущностные характеристики организующей религии.

В США религия играет важную роль в обосновании национализма и тезиса об уникальном, исключительном их месте в истории человечества. Имеет место взаимопереплетение и взаимослияние религиозных, политико-идеологических и социокультурных компонентов. Причем, такое слияние обнаруживается не только в массовом сознании на обыденном его уровне, но и в деятельности вполне «респектабельных» деятелей, авторов, изданий. Так, проанализировав материалы журнала «Тайм», посвященные проблемам американского национального сознания, а также внешней и внутренней политике правящих кругов США, буржуазный политолог М. Фокс пришел к выводу, что этот журнал смешивает религию с национализмом, трактуя события в мире в терминах «добро против зла», «американизм против коммунизма». Он приписывает Америке «божественную миссию», «священный долг» бороться против «коммунистического дьявола» и

«атеистических врагов религии». Здесь американизм приобретает статус религии, требующей безусловной веры в Америку и ненависти к ее врагам.

Этот момент особенно отчетливо прослеживается у современных «новых правых» и «христианских новых правых» группировок. Как отмечает политолог либеральной ориентации Д. Мегайр, они смешивают символизм священного с трайбалистским патриотизмом или национализмом. «Новое правое» движение напичкано символами религии и религиозного национализма. Хотя они порой пытаются провести различие между их политической и религиозной деятельностью, эти две стороны их жизни сливаются воедино. Когда руководители «новых правых» говорят о том, что сам бог основал Соединенные Штаты и об «основанной на Библии американской форме правления», они понимают это в буквальном смысле. С данной точки зрения, Дж. Фолуэлл, Т. Лагей и другие «пророки» «новых правых» являются «наследниками длительной традиции веры», которая интерпретировала «Соединенные Штаты как новый Сион». Согласно этой традиции, американцы являются «избранным народом», а США — «обетованной землей»*.

В вопросах внешней политики фундаменталисты, конкретно «новые христианские правые», являются решительными противниками контроля над гонкой вооружений, каких бы то ни было переговоров с Советским Союзом. В их глазах ядерная война является вполне приемлемым средством разрешения спорных вопросов на международной арене, особенно когда дело касается Советского Союза. «Как ни ужасна атомная война,— писала, например, крайне правая газета «Вашингтон таймс», комментируя проект пасторского послания руководства католической церкви США в ноябре 1983 г.,— утверждать, что она будет означать уничтожение всего живого, совершенно не верно».

Более того, отдельные идеологи «новых христианских правых» прямо связывают ядерную войну с идеями о втором пришествии Иисуса Христа и наступлении тысячелетнего царства. Как пишет, например, преподаватель университета Райса У. Мартин, миллионы американских евангелистов верили в то, что в течение жизни нынешнего поколения, возможно в 80-х годах, Христос снова явится на грешную землю, чтобы заложить основу для слав-

* Об этом более подробно см. гл. IV.

ного тысячелетнего царства. Тысячи проповедников, верующих в Библию, дискутируют относительно хронологии этих последних дней. Эти темы являются объектом романов, пьес, фильмов, кантат, воспеваются в гимнах, евангелических песнях, изображаются на нагрудных значках. Одним из самых нашумевших бестселлеров в области нехудожественной литературы в 70-х годах стала книга Х. Миидая «Последняя великая планета земля», в которой разрабатывается тема второго пришествия Христа и которая разошлась в 15 млн. экземпляров. «Для фундаменталистов, — пишут Дж. Хедден и Ч. Суонн, характеризуя позиции нынешних «новых христианских правых», — весь мир — это гигантское поле сражений между добром и злом по всем направлениям — нравственному, религиозному, социальному, духовному и политическому. Фундаментализм не оставляет места для других социальных перспектив и политических систем. Компромисс — это грех. Подобный подход пронизывает и его взгляды на проблемы национальной безопасности и внешней политики США. Многие фундаменталисты поглощены ожиданием апокалипсической войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом»¹⁴. Даже Р. Рейган, в бытность президентом, утверждал, что «нынешнее поколение увидит Армагеддон».

Религия в США характеризуется крайней заземленностью, направленностью на секулярные посясторонние проблемы. Более того, как правило, религиозность американцев вполне обоснованно подвергается сомнению, поскольку она лишена подлинной преданности религиозной вере. Характерно, что в американскую мифологию «успеха» составной частью была включена в секуляризованном виде односторонне трактуемая пуританская доктрина «призвания». В этой трактовке трудолюбие и успех в бизнесе провозглашались средством служения богу, а успех или неуспех в экономической деятельности — ключом к пониманию духовного состояния индивида. Причем со временем эти отношения подверглись модификации, в результате чего различие между служением богу и служением самому себе постепенно исчезло. Если первоначально бизнес рассматривался как инструмент дисциплинирования отдельного индивида в отношении религии, как один из многих путей служения богу, то постепенно сама религиозная дисциплина стала рассматриваться в качестве инструмента достижения успеха в мирских делах, и особенно в экономической сфере. По

замечанию английского исследователя Д. Брэгана, в Америке религия «приобрела в высшей степени функциональный прагматический характер; она стала гарантией морального и материального успеха».

Обращает на себя внимание тот факт, что частью дедогматизации и демифологизации американского протестантизма, его секуляризации были также его прагматизация и утилитаризация. Дело в том, что американский буржуа в сфере религии не позволяет богу возлагать на него бремя, которое ему трудно было бы нести. Он ограничивается в основном формальным отпращиванием веры. Материальное изобилие Америки он трактует как одобрение богом материального успеха в качестве награды за трудолюбие, бережливость и мирские добродетели. Показателен рост социальной активности и богатств церкви, которая заимствовала многие технические приемы большого бизнеса. Уже в XIX в. часто главы церкви избирались, руководствуясь не столько их духовными качествами, сколько деловыми и административными способностями.

В целом, в США внешние и институциональные элементы религии оказываются сведенными к инструментальной роли. Символы религиозной веры используются в той мере, в какой они соответствуют личным потребностям верующих. Показательно, что в США религия нередко выступала в качестве союзницы экономической теории. Здесь слова Вэббока о том, что «бизнес есть религия, а религия — бизнес», отражали глубокую веру американской буржуазии в бизнес как морально-этическую систему. Такая позиция способствует в буквальном смысле одухотворению материального успеха и его наиболее наглядного выражения — денег. Другими словами, американцы поставили бога на службу достижения посясторонних целей. Религия превратилась, по выражению Р. Хофстедтера, в «нечто полезное в жизни».

Более того, начиная особенно с конца XIX в., протестантская церковь активно включилась в дело восславления бизнеса, выступив с проповедью «евангелия бизнеса», провозгласившего лозунг «Продажа религии — главный бизнес церкви». О таком подходе к религии свидетельствует, например, огромная популярность книги «Человек, которого никто не знает. Исследование истинного Иисуса», опубликованной в 1925 г. одним из ведущих рекламных агентов того периода Б. Бартоном. Бартон рассматривал деньги как символ самого бога и пропаган-

дировал «евангелие услуг», суть которого в зарабатывании и расходовании денег. Библия переводилась на терминологию бизнеса. Он, в частности, писал: «Будет достигнут большой прогресс, когда мы избавимся от идеи, которая проводит различие между *трудом* вообще и *религиозным трудом*. Нас учили, что повседневная деловая активность человека носит корыстный характер и что священо лишь время, которое он посвящает церковным собраниям и оказанию социальных услуг. Спроси любую десятку людей о том, что подразумевал Иисус под „бизнесом отца“ и девять из них ответят: „проповедование“. Интерпретировать Иисуса в таком узком смысле — значит упустить действительную значимость его жизни. Он пришел в этот мир не просто проповедовать, учить и исцелять. Все это части бизнеса его отца, но сам бизнес значительно шире ... Ибо народ нужно было кормить и одеть, обеспечить кровом, транспортом ... Любой труд — это богослужение, и любая полезная услуга — молитва»¹⁵.

Бартон связывает бизнес с религией, объясняет религию бизнесом и использует терминологию бизнеса в качестве религиозной терминологии. В первой главе Иисус предстает как «исполнитель» («executive»), а в пятой главе — как «Великий рекламный агент». Если бы Иисус жил в наше время, утверждал Бартон, «он не игнорировал бы рынок. Незначительное число его проповедей было произнесено в синагогах, поскольку большую часть времени он находился в оживленных местах». Более того, утверждал Бартон, если бы Христос жил в настоящее время, то он «был бы национальным рекламным агентом ... таким же великим рекламным агентом, каким он и был в свое время». Бартон идет еще дальше, утверждая, что Иисус был «основоположником современного бизнеса»¹⁶.

В данном отношении интерес представляет также попытка известного протестантского теолога Н. Пила, который предпринял попытку приспособить религиозную веру к таким компонентам американского буржуазного сознания, как утилитаризм, прагматизм и «мифология успеха». По его мнению, человек способен достичь целей, к которым он стремится, если поймет, что «религиозная вера — это не нечто благочестиво пуританское, а научная рекомендация для создания жизни, полной успеха». Рекомендую рассуждать не негативно, а позитивно, Пил рассматривал религиозную веру как специфическую «си-

стему мыслительной дисциплины» и технику получения пужных результатов. «Ныне,— писал он,— всякий преуспевающий и компетентный бизнесмен будет употреблять наиболее проверенные и новейшие методы в производстве, распределении, и многие убеждаются, что одним из величайших среди успешных методов является сила молитвы»¹⁷.

В наши дни эту эстафету перехватили политологи и политэкономисты правой и консервативной ориентации, по своим профессиональным интересам весьма далекие от богословия и церковной службы. Так, Дж. Гилдер в книге «Богатство и бедность», ставшей своего рода библией «новых правых», обнаружил наличие тесной взаимосвязи между бизнесом, капитализмом и религиозной верой. Он настойчиво проводит мысль о том, что «экономическое спасение и духовное спасение идут рука об руку». Сотрудник Американского предпринимательского института М. Новак взялся за разработку религиозного обоснования корпорации или «демократического капитализма». В серии лекций, прочитанных в 1980 г. и опубликованных под названием «К технологии корпорации», Новак связывает происхождение корпорации с религиозными общинами Нового царства в Древнем Египте (1300 г. до н. э.), а многонациональных корпораций — со средневековыми монастырями бенедиктинцев. По его словам, «корпорация отражает присутствие бога» своей свободой от государства. Поскольку экономическая и политическая свобода идут рука об руку, американцы могут «лучше спасти свои души и послужить делу царствия божьего во всем мире, восстановив свободу и власть частного сектора, нежели работая на государство»¹⁸.

На уровне массового сознания о масштабе влияния подобных умонастроений свидетельствует широкая популярность в стране воззрений протестантских фундаменталистов и евангелистов, которые поставили на службу своих интересов новейшие средства массовой информации, в том числе радио и телевидение. Девиз этих «электронных священнослужителей»: «Каждый проповедник должен быть одновременно преуспевающим бизнесменом». Эти спекулянты на религиозных чувствах людей выколачивают огромные прибыли, выступая с проповедями по телевидению, а также торгуя записями «священных» текстов на видео и магнитофонной пленке. Примечательно, что руководитель известной правохристианской организации «Моральное большинство» Дж. Фолуэлл

превратился в хозяина целой финансовой империи с ежегодным оборотом в десятки миллионов долларов.

С точки зрения нравов и посягательной ориентированности фундаменталистских и евангелических церквей весьма показательна ожесточенная «священная война», разразившаяся на американском телеэкране в марте 1987 г. в результате крупного скандала в «святом семействе» американских телепроповедников. После того, как его уличили в супружеской неверности, один из наиболее известных представителей этого «семейства» Дж. Бэккер вынужден был с позором уйти с телевизионного амвона. К тому же выяснилось, что его жена, неизменно выступавшая вместе с ним с телепроповедями, является наркоманкой. Община евангелистов раскололась на два враждебных лагеря. Как писал журнал «Ньюсуик», «среди длинного перечня скандалов, сотрясавших когда-либо семейство церковников, нынешний выделяется в первую очередь исключительно большим размером аудитории. По данным опроса, проведенного специалистами из Пенсильванского университета в 1984 г., 13,3% американцев постоянно смотрят религиозные передачи. Конкуренция за эту аудиторию постоянно усиливается. При помощи 22 телестанций духовенство борется сейчас за пожертвования, которые составляют в год до двух миллиардов долларов»¹⁹.

С другой стороны, церковные деятели США все активнее включаются в дискуссии по проблемам войны и мира и другим вопросам, касающимся выживания самого человечества. В основе беспрецедентного роста интереса американских церквей к этим вопросам, как правильно отмечает известный публицист Л. Ван Вурст, лежит прежде всего «растущее понимание того, что пришел конец американскому стратегическому превосходству. Часто задаваемый вопрос, сбросила ли бы Америка бомбу на Хиросиму, если бы японцы могли угрожать Сан-Франциско ядерным опустошением, внезапно превратился в уместный. Реальность ядерной уязвимости Америки, что публично подтверждали президенты от Ричарда Никсона до Рональда Рейгана, быстро внедрилась в общественное сознание». Большую актуальность в вопросах предотвращения ядерной войны проявляет католическая церковь США, которая, по данным 1985 г., насчитывает 52 млн. приверженцев. Так, в пасторском послании 1976 г. католические иерархи США высказались против использования ядерного оружия и планов его

применения против мирного населения. В последующем они выступали в поддержку договора ОСВ-2. Как подчеркивал, например, католический священник Б. Хэр, «на современной стадии ядерного века... первостепенная моральная потребность состоит в том, чтобы не допустить никакого применения ядерного оружия». Один из самых известных руководителей католической церкви США архиепископ Чикагский Дж. Бернадин ратует за превращение католической церкви в «церковь мира», призванную бороться за то, чтобы «обратить вспять гонку вооружений».

В наиболее развернутой и завершенной форме позиция католического клира США по отношению к гонке вооружений и ядерной войне была сформулирована в пасторском послании, принятом на национальной конференции католических епископов в мае 1983 г. в Чикаго. «Мы считаем, — говорится в послании, — необходимым во имя предотвращения ядерной войны воздвигнуть заслон против ее концепции как действенной стратегии обороны. Общество должно выказать сопротивление риторике „победоносных“ ядерных войн или нереалистическим надеждам на „выживание“ при обмене ядерными ударами и стратегии „затяжной ядерной войны“ ... ни при каких обстоятельствах ядерное оружие или любые другие виды оружия массового уничтожения не должны применяться для уничтожения населенных центров».

Таким образом, очевидно, что религиозные ценности и ориентации, будучи интегральной частью американского национального сознания, придают ему особую специфику, порой оказывая влияние на позиции тех или иных слоев американского народа в важнейших сферах мирской жизни.

III. ИНДИВИДУАЛИЗМ КАК ВАЖНЕЙШИЙ БАЗОВЫЙ КОМПОНЕНТ АМЕРИКАНИЗМА

Формирование идеи американской нации и национального самосознания самым тесным образом связано со становлением так называемого феномена американизма, составляющего их структурную основу. Американизм представляет собой весьма сложный комплекс различных, порой, казалось бы, несовместимых друг с другом компонентов. Американизм — это вера американца в прогресс и в то же время такая же преданность американским общественно-политическим институтам; вера в творческие силы человека и в то же время убежденность в нежелательности попыток изменения людьми установившихся общественно-политических институтов; вера в исключительность путей общественно-исторического развития Америки, порождающая порой крайний национализм, и в то же время вера в провиденциальную миссию Америки указывать путь развития всему человечеству; приверженность идеалам равенства и в то же время чуть ли не обожествление мистеров-миллиардеров; приверженность идеалам индивидуальной свободы, индивидуализм и в то же время конформизм; высокий интеллектуализм и проявляющийся в крайних и грубых формах антиинтеллектуализм и т. д.

На эту противоречивость американского национального сознания обращали внимание многие наблюдатели прошлого и современности. Так, К. Маркс и Ф. Энгельс говорили о парадоксальном сочетании в Соединенных Штатах прогрессивного с реакционным, нового с обветшалым-старым. Энгельс, в частности, выделял истинно американский парадокс, при котором «самые современные тенденции облакаются в самый средневековый наряд»¹. «...Это именно и любопытно в Америке, — писал Энгельс в 1889 г. К. Шмидту, — что наряду с самым новым и самым революционным там преспокойно продол-

жает прозябать самое допотопное и устаревшее»². А в 1895 г., возвращаясь к этой мысли, он писал Зорге: «Америка — самая молодая и в то же время самая старая страна в мире ... Все, что здесь (в Англии.— К. Г.) отжило свой век, может просуществовать в Америке еще одно—два поколения»³.

А. де Токвиль подчеркивал наличие в американском характере наряду с индивидуализмом и идеализмом конформизма и грубого материализма. Позже исследователи подметили, что наряду с идеей равенства, законопослушностью и морализмом составной частью американской традиции являются расовая дискриминация, коррупция и насилие. Они обратили внимание на «моральный дуализм» американцев, который выражается в страстном стремлении к частному материальному процветанию при одновременной предрасположенности к периодическому моральному обновлению общества и религиозному энтузиазму.

Известный социолог Р. Линд, пытаясь сформулировать основную ценностную систему Америки, обнаружил, что каждый из ее общепринятых элементов имеет свою антитезу. Например, безоговорочно веруя в принципы индивидуализма и отвергая ограничения, налагаемые на отдельного индивида, как атрибуты антиамериканизма, американцы на практике часто прибегают к коллективным действиям. Проповедуя философию личного материального успеха, они одновременно настаивают на том, что личностные качества важнее материального успеха. Рассматривая семью как основу национальной жизни, они на практике считают бизнес основополагающим американским институтом⁴. По словам историка М. Кэммена, в США — «незаконпослушные законодатели», «аморальные моралисты», «конформирующиеся понконформисты», «воинствующие пацифисты», «консервативный либерализм», «прагматический идеализм», «эмоциональный рационализм», «божественный материализм» и т. д.⁵

В зависимости от социально-экономического положения, места той или иной социально-классовой группы в системе производственных отношений и общественно-политической системы те или иные базовые элементы американизма у них проявляются по-разному и в разных сочетаниях. Например, идеализм, или вернее морализм, у либеральной интеллигенции материализуется в гуманистических, но в абстрактных концепциях индивидуальной

политической и академической свободы, в то время как у праворадикальных группировок этот же идеализм и морализм проявляется в резкой нетерпимости к инакомыслящим, к «чужим», в утопических проектах «восстановления» общества в соответствии со своими убеждениями, рассматриваемыми в качестве истины в последней инстанции. Если у правых патриотизм перерождается в крайний национализм и шовинистические концепции подчинения Америке других народов, в требования проверки «благонадежности и лояльности» и т. д., то у либеральной интеллигенции он выражается в стремлениях поднять престиж своей страны в глазах остального мира как прибежища свободы и демократии и т. д.

Каждый из компонентов в отдельности и все они в совокупности сыграли определяющую роль в формировании идеи американской нации и национального самосознания. Среди них первое место, пожалуй, принадлежит идее индивидуальной свободы и индивидуализму.

Апофеоз пограничного жителя, изображаемого в виде одинокого и смелого борца против дикой природы, пробивающего дорогу вперед, решительного приверженца свободы и демократических ценностей, «героев» калифорнийской, невадской и клондайкской «золотых лихорадок», бедняка, который благодаря собственному труду и упорству становится миллионером и т. д., оказывал реально ощутимое воздействие на формирование сознания, социальных установок и общемировоззренческих позиций американцев, на процесс их самоидентификации. Даже критики отдельных сторон общественно-политической системы США, начиная от новоанглийских трансценденталистов и романтиков до сторонников Г. Джорджа, выступавших за введение единого палого на землю для решения государством проблем, стоящих перед обществом, и сторонников Э. Беллами, выдвигавших утопические проекты создания общества на основе так называемой политики «национализации» экономики, аргументировали свои взгляды в терминах индивидуализма. Сила воздействия индивидуализма была настолько велика, что с наступлением эпохи монополистического и государственно-монополистического капитализма, когда основные положения индивидуализма по сути дела были подорваны, ни один буржуазный политический деятель, ни одна буржуазная политическая партия и ни одно реформистское движение не выступали в принципе против самой этой идеи.

Как правило, при анализе истоков американского национального сознания большое внимание уделяется идеям пуританских переселенцев, которые в 1620 г., прибыв в Северную Америку, основали колонию Массачусетского залива, и особенно их руководителей Дж. Уинтропа, Р. Мезера, Дж. Коттона и их приверженцев.

Провозгласив принцип единоверия внутри своей общины, пуританские руководители стали рассматривать свою церковь как единственно верную, и любая идея терпимости, как правило, предавалась анафеме. Признавая Библию единственным законом божьим, они отождествляли политику компромисса и терпимости с неверием в бога. Поэтому религиозный плюрализм, который действительно был характерен для ранней Америки, нельзя, как это часто делается, отождествлять с религиозной терпимостью. Этот плюрализм носил в основном географический характер и часто уживался с нетерпимостью в рамках отдельных общин. Пуритане были убеждены в том, что существует лишь один единственно верный — их — путь в религии, и, соответственно, в мирской жизни, что любой другой путь не просто ошибочен, а суть греховное отклонение от истинно божественного пути и сатанинское заблуждение. Пуританизм, броунизм, квакерство и другие протестантские течения, обосновавшиеся в Америке в XVII в., по сути дела представляли собой религиозные секты с характерным сектантским идеалом. Дух солидарности и чувство сопричастности внутри секты постоянно поддерживались посредством унификации поведения и образа мышления всех его членов и противопоставлением его всему остальному миру. Настаивая на своей исключительности, сектанты ведут строго фиксированный, «чистый» образ жизни. Сектантский идеал носит аскетический характер не столько потому, что аскетизм ведет к спасению (как это было, например, в средневековом аскетизме), сколько потому, что он является внешним признаком отличия от всего остального, погрязшего в грехах мира. Поэтому совершенно естественно, что преследование в вопросах религии и морали превращается в долг, когда отклонение от принятых норм становится угрозой целостности общины.

Большое значение для сплочения общины первых поколений колонистов имело то, что в тех экстраординарных условиях, в которых они оказались, интересы сохранения стабильности и жизнеспособности отдельных общин уже

сами по себе требовали тесного сотрудничества между всеми их членами, что можно было достичь при полном подчинении всех членов той или иной общины единому общественному идеалу, единым нормам и стандартам поведения.

Общества и социальные группы, находящиеся в процессе достижения самосознания и самоопределения, — именно таковыми были общины и поселения первых поколений североамериканских колонистов — испытывают особенно сильную психологическую потребность в установлении и формировании нормативного образа данного общества или группы. Причем процесс формирования такого образа и в более широком плане социализации и групповой самоидентификации «легче всего проходит в наиболее однородных по своим экономическим, социальным, культурным характеристикам макрогруппах, наименее дифференцированных на существенно различающиеся подгруппы и в наименьшей степени „перекрещивающиеся“ с другими группами»⁶. Здесь идентификация с конкретной, «своей» группой приобретает для индивида особую значимость в ориентировке в окружающей социальной действительности и утверждении своего статуса. Неофициальные, неформальные средства контроля над процессом социализации индивида обладают значительной эффективностью, поскольку отклонение от общепринятых норм и ценностей фактически ставит его вне существующих общественных отношений. Более того, отклонение «посторонних» элементов, рассматриваемых как противостоящие, противоположные, чуждые, враждебные, в таких условиях становится наиболее удобным и простым путем создания характерологического образа общности и успешной социализации ее членов.

У колонистов первых поколений значительную роль в стандартизации, унификации и сведении к общему знаменателю общественного сознания, норм морали и поведения, по крайней мере в рамках отдельных общин, играли также меры политического и юридически-правового принуждения по пресечению и искоренению инакомыслия. Инакомыслящие изгонялись из общины или подвергались тюремному заключению. Поэтому неудивительно, что с самого начала американской общественно-политической системе был присущ феномен «аутсайдеров».

Определяющую роль в сплочении сект колониального периода играли социально-экономические факторы. Экономическая система пуританской общины, равно как и

многих других протестантских сект XVIII в., зиждилась на тезисе об экономической стабильности как главной предпосылке свободы и жизнеспособности общества. Исходя из этого, она гарантировала всем членам общества материальные блага, необходимые для поддержания общепринятого минимального стандарта жизни. Более того, смысл пуританской доктрины призвания заключался в том, что каждый человек призван на свое место самим богом в интересах общего блага.

В целом, пуританизм содержал в себе как регрессивные, так и прогрессивные элементы, и преобладание тех или иных из них зависело от социально-экономического положения и идейно-политических, мировоззренческих позиций их носителей. Английский историк Р. Тони справедливо констатировал, что в пуританизме присутствовал, с одной стороны, консервативный и традиционный элемент, а с другой — элемент революционный; «коллективизм», который налагал железную дисциплину на людей, и индивидуализм, который отвергал все общественные установления; трезвый разум и религиозный фанатизм⁷. Пуританская этика включала житейскую мораль — респектабельность, бережливость, самоограничение, половое воздержание и т. д. и трудовую этику успеха — аскетизм, преданность профессии и призванию. В то же время она ставила во главу угла стандартизацию общественной нравственности и мировоззрения всех членов общества. Поощряя самопожертвование во имя достижения цели, пуританизм носил «инструменталистский» характер. В лучших своих проявлениях он служил обоснованию изобретательности, активности, устремленности в будущее. В худших же своих проявлениях он оправдывал догматизм и религиозный фанатизм.

В определенной степени известный немецкий социолог М. Вебер был прав, утверждая, что так называемая идея призвания, составляющая основу пуританской этики, служила в качестве субъективной предпосылки развития индивидуалистического и предпринимательского характера. Отцы-основатели протестантизма М. Лютер и Ж. Кальвин, давая духовное обоснование идее призвания, рассматривали повседневный труд человека как выражение божественного предначертания выполнять определенные обязанности в мирской жизни. Причем, ценность всякого труда измерялась не его местом в иерархии занятий, а прилежанием и успехом. «Труды монахов и священников,— считали Лютер и Кальвин,— как бы

священны и ревностны они ни были, в глазах бога несколько не отличаются от трудов крестьянина, работающего в поле, или женщины, выполняющей свои обязанности по ведению домашнего хозяйства»⁸. Такой идеал предполагал равную ценность каждого индивида в социальной структуре, придавая одновременно божественную санкцию мирскому труду вообще. В то же время идея призвания поощряла мирской аскетизм, стойкость и практический успех в мирской жизни. «Тот, кто ищет мира и радости во Христе,— проповедовал, например, Дж. Уинтроп,— не должен стремиться к уходу от мира сего и свободе от искушений, ибо он должен знать, что жизнь, в наибольшей степени подверженная испытаниям и страданиям, является наиболее приятной и наверняка самой надежной»⁹. Очевидно, что трактуемая подобным образом идея призвания могла содействовать формированию таких буржуазных черт, как индивидуализм, бережливость, упорный труд и т. д.

В первые десятилетия истории колониальной Америки в целом произошло организационное оформление социально-экономических, юридически-правовых, политических и религиозных структур отдельных колоний. Для колоний и даже отдельных социальных групп были характерны ярко выраженное стремление к самоопределению, самоутверждению, желание отгородиться, отмежеваться от других, не допустить в свою среду «чужаков», носителей идей, противоречащих их собственному мировоззрению. Это стремление сопровождалось попытками со стороны правящих кругов колоний консервировать, «закрыть» установленные ими самими общественно-политические формы и исповедовавшиеся ими религиозные и идеологические доктрины.

Однако пуританский идеал с самого начала был обречен на неудачу, поскольку принципы неограниченной теократии встречали самое действенное сопротивление со стороны широких слоев колониального населения.

С усилением в тот период социально-экономических процессов более или менее установившаяся стабильность социальной системы колоний подрывалась углублением разрыва между богатыми и бедными, ростом числа пауперов и их безземельных сыновей, которые оказывались вне существующей экономической и производственной системы и поэтому были вынуждены уходить с родных мест в поисках средств существования. Открывшиеся материальные возможности поощряли детей отделяться от родите-

лей и создавать собственные независимые семьи, что в конечном счете нарушило профессиональную и локальную преемственность традиционной семьи. С постепенным освоением и открытием новых «свободных» земель для части колонистов появлялись большие возможности участвовать в земельных спекуляциях, а с расширением связей между отдельными поселениями, колониями и другими государствами — в торговле ремесленными и промышленными товарами.

Эти изменения, приведшие к значительному расширению возможностей осуществления интересов отдельного индивида, росту численности и мобильности населения, расширению коммерческого обмена, вовлечению в рыночные отношения, способствовали ориентации людей не на простое обеспечение средств существования, а на приобретение. В рыночной экономике материальное благосостояние людей непосредственно зависело от их успеха в продаже товаров, в том числе земли и труда, а не от раз и навсегда фиксированных социальных норм. Принимая чисто экономическую основу мотиваций трудовой деятельности, колонисты позднего периода значительно отошли от прежних, более узких социальных оценок этой деятельности. Постепенно формировался идеал экономического человека, который открыто провозглашал принцип, согласно которому «жить в обществе — значит участвовать в рыночных отношениях и добиваться материальной выгоды».

Такой подход резко контрастировал с традиционным отношением к экономической жизни, которое предписывало взаимность и перераспределение материальных благ в рамках общины. В отличие от прежнего взгляда, рассматривавшего конкуренцию в смысле приобретения одним человеком за счет другого как нарушение традиционной социальной этики, теперь отдельный индивид признавался в качестве самостоятельной экономической единицы, а его подчинение коммунальным интересам отодвигалось на второй план. Принцип утилитаризма пришел на смену традиционному взгляду о том, что «общественная польза является мерой оправдания деятельности отдельного индивида». Идея моральной автономии экономической жизни четко проявилась в аргументах в защиту свободной торговли как самого эффективного средства служения общественному благу, отождествляемого с экономическим ростом. В основе такого подхода лежало моральное безразличие, базировавшееся в свою очередь на

трактовке человека как своекорыстного, эгоистического существа.

Подверглась коренной ревизии концепция собственности, которая из института сохранения и защиты традиционных ценностей общины превратилась в средство «возвеличения» индивида. В глазах жителей колоний собственность стала неотчуждаемым естественным правом человека, которой он обязан своим существованием. Потеряв собственность, человек теряет и свободу, и поэтому справедлива лишь та форма власти, которая в наибольшей степени обеспечивает безопасность собственности отдельного индивида. Центральным институтом экономической системы становится рынок, а ее главными принципами — индивидуализм, свободная конкуренция и свободное предпринимательство.

Таким образом, идеологи молодой американской буржуазии сформулировали новую социально-политическую доктрину, которая отождествляла общественный интерес, рассматриваемый главным образом в экономических терминах, с материальным процветанием. В трактовке ценностей трудолюбия, бережливости и трезвости ударение было перенесено с религиозных на мирские и с социальных на экономические аспекты деятельности человека.

В результате произошли глубокие изменения в оценке отдельного индивида и его места в обществе. Такая экономическая система привела уже в процессе своего становления в действие многие индивидуальные и социальные рычаги, расширившие возможности отдельного человека и позволившие ему сделать гигантский шаг в покорении сил природы. Она содействовала утверждению самостоятельности и независимости индивида, изобретательности его ума, изворотливости, упорству в достижении цели и в то же время формированию грубого практицизма и расчетливости, духа авантюризма.

Сущность подобного революционного подхода наиболее отчетливо выражена в доктрине естественных прав человека на жизнь, свободу, собственность, в более или менее законченной форме сформулированной идеологами европейского Просвещения. Согласно этой доктрине, человек — независимый индивид постольку, поскольку самостоятельно, без ограничений и без помощи извне реализует эти права. Кроме того, бог наделил человека разумом, призванным руководить его действиями в отношении других людей и общества в целом, поэтому предполагалось, что каждый индивид лучше, чем кто-либо

другой, знает, что для него хорошо и что плохо. Следовательно, наилучшей формой самореализации отдельного индивида является предоставление ему как можно большей степени свободы для осуществления диктуемых его разумом действий. Свобода представляет собой состояние, характеризующееся отсутствием внешних ограничений на реализацию сознательных действий человека и его способностей. Эта посылка «естественным путем» побуждает человека стремиться к приобретению собственности. Разум и собственность как психологическая и материальная потребности синтезируются в виде интереса. Человек рассматривается как морально и социально изолированная единица, или социальный атом, преследующий свои собственные интересы.

Война за независимость привела к экономической дислокации одних и росту экономических возможностей других. Уничтожив многие ограничения колониального периода на производство американских товаров и на американскую торговлю, а также интенсифицировав спекуляцию западными землями, победа в войне за независимость открыла для американской буржуазии новые возможности обогащения. Причем, добившись экономической свободы от британской меркантилистской системы, молодая буржуазия США еще в течение нескольких десятилетий после достижения независимости от Великобритании вынуждена была опираться на поддержку государства и осуществлявшиеся им принципы меркантилизма.

Первый министр финансов США А. Гамильтон фактически следовал европейской меркантилистской традиции, которая отводила государству позитивную роль в решении экономических вопросов. По мнению Гамильтона, государство следовало использовать в качестве оружия реализации общественного идеала Америки и прежде всего экономического развития, передавая капиталы тем, кто наиболее способен использовать их для интенсификации производственных мощностей страны. Ярко выраженный меркантилистский характер носил знаменитый доклад Гамильтона о промышленности, который на много лет определил развитие экономики страны. Гамильтон, в частности, предлагал строить за счет федерального правительства дороги и каналы, предоставить правительственные субсидии развивающейся промышленности. «Американская система», выдвинутая в 20-х годах XIX в. вигами во главе с видным политическим деятелем консер-

вативной ориентации Г. Клеем, предполагала своего рода органическую концепцию национальной экономики. Как пишет Х. Кон, «с самого начала Соединенные Штаты в отличие от Европы тех лет, главное внимание уделяли внутреннему улучшению, промышленному развитию и другим материальным факторам. Предполагалось, что именно таким путем различные штаты и секции должны были прийти к осознанию своей независимости и участия в продвижении общего предприятия и благосостояния»¹⁰. Защита американской индустрии рассматривалась не только в качестве эквивалента военной защиты национальных границ, но также и как средство гармонизации разных конфликтующих социальных и экономических интересов. Более того, Америка стала одной из первых стран, разработавших теорию и практику современного экономического национализма, несмотря на то, что эта теория противоречила господствующим в период ее формирования либеральным умонастроениям. Защитателями принципа экономического протекционизма, который получил название «Американская система», были А. Гамильтон, Г. Клей и М. Кэри.

Приверженцы «Американской системы» вплоть до 40-х годов XIX в. продолжали смотреть на правительство как на конструктивную силу в экономике. Так, консервативный деятель Д. Уэбстер в 1840 г. упрекал демократов за их враждебность к программе «внутренних улучшений» за счет федерального правительства, указывая при этом на пример Пруссии и Саксонии, правительства которых, по его словам, осуществляли активную экономическую деятельность в интересах всего народа. Годом позже «Американское обозрение» утверждало, что «вигская партия всегда отличалась признанием за правительством благодетельной и протекционистской роли»¹¹.

Более того, как установлено рядом американских буржуазных исследователей, в ранний период экономика США характеризовалась наличием большой степени правительственного вмешательства и даже государственного инвестирования в экономику.

В период президентства Т. Джефферсона при содействии министра финансов А. Галлатина были предприняты меры по поддержке федеральным правительством компаний, занимавшихся строительством дорог и других транспортных сооружений. Банк США имел своей главной целью поддержку федеральным правительством экономического развития страны. Протекционистские тарифы,

вводившиеся федеральным правительством, были направлены на поощрение развития промышленности США. Строительство Камберлендской дороги, идущей от Камберленда (штат Мэриленд) в штат Иллинойс, финансировалось средствами, отпущенными из федерального бюджета в 1811 г. «Одно время, — пишет Б. Селигмен, — сумма, вложенная только в строительство каналов и железных дорог, составляла свыше 108 млн долл.»¹². Федеральное правительство предоставляло железнодорожным компаниям огромные массивы земельных участков. В общей сложности за период с 1850 по 1872 гг. федеральное правительство и правительства 9 штатов предоставили 70 железнодорожным компаниям около 183 млн. акров земли, что приблизительно равно территории Великобритании, Бельгии и Испании, вместе взятых.

Особенно широко правительственное вмешательство в экономику использовалось на уровне штатов и местных властей. Вмешательство штатов в экономическую жизнь приняло различные формы: регулирование, регламентация, финансовая поддержка в виде правительственных дотаций для поощрения промышленности и лотерей, предоставление различного рода привилегий, доходящих иногда до монополии. Немаловажное значение во многих штатах имели прямые правительственные инвестиции в различные компании, деятельность которых считалась особо важной для экономического развития.

Однако в условиях бурного экономического развития и стремительной экспансии на бескрайние просторы неосвоенных земель Запада после завоевания независимости страны, в атмосфере спекулятивного бума земельными участками, эйфорического воздействия «золотых лихорадок» в Калифорнии, Неваде, а потом и на Аляске, открытия новых источников обогащения, таких, как нефть, уголь и т. д., американское массовое сознание как бы не «заметило» этого факта. Для него более созвучными, более притягательными оказались лозунги руководителей джефферсоновского и джексоновского движений о безграничных возможностях Америки и «простого человека», о мудрости и компетентности «простого человека», способного самым наилучшим образом позаботиться о своей жизни и сделать все собственными силами.

Во многом идеализируя аграрный образ жизни, приверженцы джефферсоновского и джексоновского движений смотрели на Запад, богатый «свободными» неосвоенными землями, как на источник и оплот демократии и

героизировали «пограничного» жителя, наделяя его всеми атрибутами «естественного демократа», приверженца свободы и закоренелого индивидуалиста. Противники же джефферсоновской и джексоновской демократии отождествляли жителей «границы» с якобинцами, незаконопослушными анархистами, опять же способствуя формированию образа западного фермера — демократа и индивидуалиста. При этом сами «пограничные» жители были склонны смотреть на Америку и самих себя сквозь призму романтических рассказов, небылиц, пасторальных стихов и т. д. Их идеал ассоциировался с сельской жизнью, противопоставляемой коррумпированной, как они полагали, городской жизни с ее исключительной приверженностью экономическому интересу.

Утвердившись в общественной мысли, индивидуализм стал восприниматься широкими слоями населения в качестве главного и даже единственного принципа американского общества. Индивидуалистический идеал приобрел самодовлеющую значимость, его стали рассматривать не просто как один из многих элементов системы ценностей и принципов функционирования буржуазного общества, а как главную цель всякого разумного общества вообще. Самостоятельность и опора на свои собственные силы, индивидуализм и свободная конкуренция были подняты до уровня стандарта образа жизни значительной части американского народа.

Одним из важнейших продуктов идеи индивидуализма и в то же время факторов, способствовавших ее формированию и кристаллизации, является склонность американцев к героепочитанию, которая порой приобретает крайние формы. Уже в колониальный период американские писатели стремились выработать концепцию типичного американского героя, которого можно было бы противопоставить культурным героям Европы. Увеличение в конце XVIII — начале XIX в. числа произведений, посвященных героям «границы», свидетельствовало о растущем осознании психологической, социальной и политической потребности в таком герое, в котором воплотились бы надежды, устремления, постепенно формирующийся национальный дух и т. д., а также те черты и качества, которые были необходимы для успешного ведения войн, торговли и дипломатических дел с индейцами, преодоления повседневных невзгод в условиях дикой природы, морального оправдания завоевания индейских земель и т. д.

Впервые основные черты такого героя были сформулированы Дж. Филсоном в «Приключениях полковника Дэниэла Буна» (1784 г.). Тип и мифический образ одинокого и бесстрашного охотника в дремучих лесах Запада Буна, созданный Филсоном, стал архетипным героем американской «границы», который под разными именами многократно появлялся в литературе, народном творчестве и фольклоре последующих поколений. В этом образе персонифицировались ценности, убеждения и жизненный опыт колонистов. Филсон сумел соединить вместе все сколько-нибудь значительные концепции и представления о «границе» таким образом, чтобы читатели могли верить в реальность созданного им образа. Он представил Буна как воплощение характерного типа «пограничных» жителей Америки. Одновременно в образе Буна пахло отражение стремление американских поселенцев к политической демократии и их романтическая вера в идею самовыражения отдельного индивида как конечной цели свободы.

Более полную и подробную разработку образ Буна получил в книгах Т. Флинта «Индийские войны Запада» (1828 г.) и «Биографические мемуары Дэниэла Буна» (1833). Через многочисленные произведения Ф. Купера, Г. Мелвилла и многих менее известных представителей американского романтизма образ Буна под самыми различными именами доходил до широкой публики.

Широко популярными у американцев стали образ фольклорного героя Поля Баняна, шутника-эксцентрика, «полковника» Дэвида Крокета, и особенно образ американского ковбоя. Например, в многочисленной литературе ковбоя рисуют как смелого, энергичного волевого человека, сделавшего самого себя — как чистого воплощения истинного американского характера.

В действительности же тяжелая трудовая жизнь типичного ковбоя имела мало общего со сверхромантизированным образом ковбоя — героя многочисленных приключенческих романов, кинофильмов-вестернов, комиксов. Будучи по сути дела мигрирующим рабочим без семьи и собственного дома, он работал долгие часы, ему часто грозила опасность со стороны буйствующего стада или диких зверей. Во время длительных перегонов скота он был обречен на монотонное одинокое существование, а по прибытии на пункт назначения предавался пьянству и карточной игре. Следует отметить, что «классический» ковбой играл более или менее заметную роль лишь в пе-

риод так называемых «открытых» настбиц, продолжавшийся примерно в течение одного поколения. С отпадением потребности в длинных перегонах скота в конце 80-х годов XIX в. и становлением современных форм разведения скота в «закрытых» ранчо отпала также потребность в услугах «классического» ковбоя. Он постепенно превратился в ординарного скотника, в обязанности которого входили кормление и охрана скота и его сортировка для отправки на рынок. Элеонора Маркс и Эдуард Эвелинг, специально интересовавшиеся жизнью ковбоев во время своего визита в США в 1886 г., констатировали, что ковбой по сути является представителем «неимущего, но производящего... класса», эксплуатируемого капиталистами, и в этом отношении ничем не отличается от рабочего текстильной фабрики Англии или Америки. Тем не менее образ ковбоя — героя Запада после его фактического исчезновения пышным цветом расцвел в литературе, детских играх, а позже — в кино и телевизионных шоу.

В последние годы ковбой снова входит в моду. В настоящее время в США насчитывается около 6 тыс. ковбоев родео, которые могут состязаться на шестистах официальных соревнованиях. Создана Ассоциация ковбей-профессионалов. Некоторые наблюдатели считают, что в ближайшие годы родео станет одним из самых популярных зрелищ американцев, побив даже бейсбол. Однако предприимчивые дельцы превращают родео в бизнес, в зрелищное предприятие. Как и в других, превратившихся в профессиональные, видах спорта, в родео появились команды спортсменов, которые формируются под надзором финансовых тузов. Таких команд уже шесть, по четырнадцать игроков.

Список литературных героев при всем разнообразии художественных вкусов американцев неприменно включал Кожаного Чулка, дядю Тома, Гека Финна, Джо Марча и др., каждый из которых символизировал реальные или идеальные качества американского характера. Так, в детской литературе положительный образ мальчика включал такие черты, как высокое чувство собственного достоинства и чести, храбрость и умение постоять за себя, способность к риску, справедливость, честность, презрение к трусости, малодушию и сплетням. Он обладал весьма живым воображением, жил в мире, населенном индейцами, ковбоями, пиратами и контрабандистами. Был честен по отношению к друзьям, прост и демократичен,

вступая в дружбу с бедными, в богатстве чувствовал себя неуютно, упорно работал. На него рано взвалилась ответственность за своих младших братьев и сестер. Все эти черты нашли законченное выражение в героях многочисленных мещанских романов писателя конца XIX в. Х. Оджера.

Страсть американцев к спорту и людям с атлетическим сложением также объясняется чрезмерной склонностью к героопочитанию. Характерно, что уже в 20-е годы «пионерская» идеология, осуждающая всякое безделье, ушла в прошлое. Теперь огромные толпы собираются смотреть игру в футбол, хоккей, бейсбол, теннис, гольф и т. д. Известные спортсмены вроде «Баби» Рута в бейсболе, Бобби Джонсона в гольфе, У. Тилдена в теннисе, Реда Грейнджа или Олби Бута в футболе представляют характерные примеры такого героопочитания. В «век джаза» героизированные легенды создавались вокруг имен С. Фитцджеральда, Э. Хемингуэя и других писателей.

В наши дни на основе приверженности американцев героопочитанию сформировалась целая «система звезд», которая, как писал известный американский социолог Р. Миллс, «доведена до того, что человек, умеющий точнее и искуснее, чем другие, забрасывать маленький белый шарик в ряд ямок, вырытых в земле, получает тем самым возможность попасть на прием к президенту Соединенных Штатов». Характерно, что «вопрос о том, чем именно выделяется данный человек, не имеет значения; раз он победил всех в конкурентной борьбе, его прославляют. И затем вступает в действие другая особенность, присущая «системе звезд», все звезды из разных сфер тянутся к новой звезде, и она в свою очередь тянется к ним. Счастливчик, чемпион — это, следовательно, тот, кто свободно обращается с другими чемпионами; и все вместе они населяют мир знаменитостей»¹³.

Наряду с индивидуализмом ключевое место в американском национальном сознании занимает тесно взаимосвязанная с первым и в значительной мере вытекающая из него установка на успех или так называемая «Американская мечта».

«Американская мечта» представляет собой сложный комплекс разнородных идей, понятий, идеалов, стереотипов и т. д., характеризующийся крайней аморфностью и неопределенностью. Но один центральный элемент непременно присутствует во всех вариациях «американской

мечты» — это установка на успех, согласно которой Америка представляет собой открытое общество, где каждый человек, независимо от происхождения и социального статуса в соответствии с определенными нормами, по опираясь исключительно на свои собственные усилия и энергию, способен добиться высокого положения в обществе. В основе этой идеи лежит индивидуализм, и хронологически ее идейное оформление в основном совпадает с формированием индивидуалистической идеологии. Однако идея успеха вовсе не сводится к этой последней, поскольку она, как мы ниже увидим, включает также ряд других важных компонентов.

Хотя идея успеха в основных чертах была сформулирована в 40—50-е годы XIX в., своими корнями она восходит к умонастроениям первых поколений колонистов.

Северная Америка колониального периода представляла собой край почти безграничных размеров и ресурсов. Для многих европейцев, находившихся под гнетом феодального господства, испытывавших вечную нужду и лишения, Америка представлялась чуть ли не «обетованной землей», сулившей материальное процветание и свободу. На границе поселений колонистов находились обширные необжитые земли, на которые стекались люди из различных государств Европы и районов самой Америки, представители различных социальных слоев и прослоек. Политический деятель колониального периода Г. Креверкер не без оснований писал в своих знаменитых «Письмах американского фермера»: «В Америку, в этот огромный приют для бедных, разными путями и в силу разных причин собрались обездоленные со всей Европы... У добрых двух третей из них не было родины. Разве может какой-либо несчастный скиталец, который трудится и умирает с голода... назвать Англию или другое королевство своей родиной? ... Только здесь они становятся людьми... В прошлом единственной гражданской ведомостью, в которой им приходилось фигурировать, был список немущих — здесь же они стали полноправными гражданами... Теперь их родина — это страна, которая дает им землю, хлеб и защиту!»¹⁴

С первых дней основания североамериканских колоний с помощью так называемой «поощрительной» или рекламной литературы в массовое сознание как самих американских колонистов, так и многих европейцев усиленно внедрялись умонастроения о неограниченных возможностях, которые открывала перед ними Америка. Большое

Количество памфлетов и трактатов «поощрительно»-пропагандистского характера было написано проповедниками и должностными лицами колоний, заинтересованными в росте иммиграции. В этой литературе наряду с описанием действительно богатой девственной природы Северной Америки в фантастически преувеличенной форме изображались ее блага и преимущества. Здесь часто встречаются фантастические рассказы и небылицы о том, как жизнь на новом континенте облагораживает людей, как больные выздоравливают; старые становятся молодыми, молодые — энергичными, бесплодные женщины рожают детей и т. д. «Агитаторы за новые земли» или проще говоря вербовщики новых переселенцев в Америку на Европейском континенте, широко используя доводы, заимствованные из «поощрительной» литературы, стремились убедить потенциальных переселенцев в том, что Америка изобилует «дарами природы, добывание которых не требует никакого труда, что в горах много золота и серебра, а колодцы и родники наполнены молоком и медом; что любой иммигрант, отправляющийся туда в качестве слуги, станет богачом; девушка-служанка превратится в грациозную леди; крестьянин станет дворянином»¹⁵.

При всей фантастичности такие рассуждения не могли не производить глубокого впечатления на лондонского безработного, потерявшего надежду найти хоть какую-нибудь работу, крестьянина, лишившегося своего клочка земли, подмастерья, задавленного вечной нуждой, или же просто людей, ищущих легкую жизнь. Их не могли не убедить доводы, приводимые, например, в книге Дж. Олсона «Особенности провинции Мэриленд», опубликованной в 1666 г. в Лондоне. Живописно излагая условия жизни в Мэриленде, автор убеждал своих читателей в том, что, если у них нет денег на оплату дороги, они «могут, заплатив за это четыремя годами своей никчемной свободы, приехать сюда и жить припеваючи. А что такое четыре года наемной службы в сравнении с тем, что человек, заставляя предков гордиться своею силою, обеспечивает себе будущее до конца дней своих, — и все это ценою лишь небольших ограничений, да и то на короткое время?»¹⁶

Важная роль рекламной литературы в привлечении иммигрантов отводилась и в XIX в. С сокращением иммиграции из Северной Европы и ростом потребности в рабочей силе в бурно развивающейся промышленности США агенты, нанятые американскими компаниями, от-

дельными штатами и территориями, рыскали по внутренней Европе, обещая работу и высокие заработки в Новом Свете, предлагая европейцам поменять «неблагодарный тяжкий труд в Старом Свете на свободу и независимость в Новом Свете».

Все это, несомненно, укрепляло представления об Америке как стране неограниченных возможностей. Американцам легко было убедиться в том, что их национальный гений выражается прежде всего в экономическом прогрессе, поскольку они видели этот прогресс воочию перед своими глазами с самого начала.

В XVII—XVIII вв. и особенно в XIX в. люди были свидетелями огромных изменений, происходящих буквально на их глазах. Для них, пишет Г. С. Коммейджер, прогресс был не просто абстрактной философией, а фактом повседневного опыта. Они видели, как дикая природа превращалась в возделанные фермы, мелкие деревенские поселения в большие города, неуклонно росло население и экономическая мощь страны.

Так, в течение менее чем 75 лет 13 первоначальных колоний, составивших США, расширились в 20 раз. В Англии XIX в. большая часть городов, таких, как Лондон, Бирмингем и Манчестер, росла с беспрецедентной быстротой, но их рост не шел ни в какое сравнение с темпами роста многих американских городов, которые становились метрополиями уже до того, как географы успевали нанести их на карты. Население Иллинойса, например, более чем учетверилось в период с 1810 по 1820 г., утроилось в течение следующего десятилетия, еще раз утроилось с 1830 по 1840 гг. Чикаго, который в 1860 г. насчитывал немногим более 100 тыс. человек, к 1890 г. перешагнул уже миллионную отметку. Таких впечатляющих темпов роста своего города чикагцы смогли достигнуть в течение всего лишь одного поколения. То же самое можно сказать и о многих других городах.

На протяжении XIX—XX вв. Америка характеризовалась значительно более быстрыми, чем во многих странах Европы, темпами экономического развития и индустриализации, что не могло не способствовать выработке веры в бесконечный прогресс и беспредельные возможности, открытые как перед страной в целом, так и перед населяющими ее людьми.

Как верно отметил М. Вебер, идеалом экономической системы капитализма является «кредитоспособный „честный“ человек». Для него характерно «сознание» обязанно-

сти каждого человека умножить свой капитал, что становится самоцелью, вопросом долга. «Это уже не житейский прием, а своеобразная „этика“, нарушение которой рассматривалось не только как неразумность, но и как своего рода нарушение долга. Это уже не деловитость, здесь ее присутствует немало, а целый этос. Он требует от человека преданности „делу“, призвания, заключающегося в добывании все новых и новых денег, ибо именно такая преданность связана теснейшим образом с победой в борьбе за экономическое существование»¹⁷.

Индивидуалистическая система морально-этических ценностей и установок буржуазного общества предполагает практически-утилитарный подход к окружающей и природной среде и социальной действительности, составляющий основу буржуазной философии приобретательства. Поэтому естественно, что дух приобретательства и утилитаризма стал составной частью буржуазного индивидуализма в процессе его формирования и утверждения. «Не трать понапрасну ни время, ни деньги, а наилучшим способом используй и то и другое. Без прилежания и бережливости не добьешься ничего, а с ними — всего». Или же: «Помни, что время — деньги. Тот, кто может заработать своим трудом десять шиллингов в день и полдня гуляет или сидит без дела, даже если ему и удастся истратить всего шесть пенсов на развлечение и безделье, не должен думать, что он истратил только эти деньги; он истратил или, вернее, выбросил, кроме того, еще пять шиллингов». В таких и множестве подобных максимах «Альманаха бедного Ричарда», который в 50—60-х годах XVIII в. расходился по 10 тыс. экземпляров в год, его автор Б. Франклин прославлял упорный труд, трезвость, бережливость и самосовершенствование, что находило живейший отклик у жителей колоний. Эти «добродетели» как раз и послужили той основой, на которой в дальнейшем пышным цветом расцвело утилитарное мировоззрение. Любопытно, что в одном памфлете, появившемся еще в 1719 г., предшественник современного американского буржуа утверждал: «Пахарь, выращивающий хлеб, человечеству полезнее художника, рисующего для ублажения глаз. Плотник, умеющий строить хороший дом для защиты нас от непогоды, полезнее странного Карвера (художник.—К. Г.), который использует свое искусство, чтобы доставить удовольствие воображению»¹⁸.

На утилитарную, приобретательскую направленность мышления американцев, их крайнюю приверженность

предпринимательскому духу обращали внимание многие иностранные наблюдатели, посетившие США в XVIII—XIX вв. Французский генерал Ф. Божур, побывавший в США в 1810 г., писал, что «американец никогда не упускает возможность обогащаться» и для него «выгода является предметом всех забот и мерой всех действий». Американский исследователь Дж. Месик, проанализировав впечатления английских путешественников по Америке в период после окончания войны за независимость до президентства Джексона, приходит к выводу, что уже тогда «американцы имели репутацию людей любящих и приобретающих деньги». Это качество, по словам исследователя, в глазах иностранных путешественников стало «интегральной частью американского характера». В данном отношении характерно высказывание знаменитого американского изобретателя Т. Эдисона. «Я не ученый, — говорил он, — я изобретатель. Фарадей (англичанин, который открыл принцип электромагнитной индукции, сделавший возможным изобретения Эдисона. — *К. Г.*) был ученым. Он работал не из-за денег ... Говорят, он не имел для этого времени. Но я делаю это. Я мерю все по размеру серебряного доллара. Если что-нибудь не подходит под этот стандарт, то я знаю, что это ничего не стоит»¹⁸.

В последние десятилетия XIX в. дух предпринимательства достиг апофеоза в философии социал-дарвинизма, которая в глазах бизнесменов отождествлялась с законом природы, обеспечивающим успех способному и трудолюбивому человеку в обществе. Крайний индивидуализм, возведенный социал-дарвинистами в ранг неизменного естественного закона, уже сам по себе предполагал доведенные до крайностей утилитаризм и приобретательство. Однако закопченное философское обоснование эти качества буржуазного сознания получили в прагматизме, который даже истину отождествлял с полезностью, выгодностью, окупаемостью. Прагматизм соответствовал американскому кредо деловитости, равно как и рузвельтовский призыв к «деятельной жизни», он стимулировал их скорее действовать, нежели мыслить.

Такая черта американцев достигла своего апогея к 20-м годам XX в., когда президент К. Кулидж пустил в оборот свое знаменитое изречение: «Дело Америки — это бизнес». В тот период наблюдавшийся временами оборонительный тон дебатов в защиту американских буржуазных цепностей уступил дорогу открытому насаждению принципов и идеалов бизнеса. Более того, беспесмены

превратились в признанных лидеров нации. Хвалебные биографии бизнесменов стали популярным и прибыльным литературным жанром.

Даже юристы, призванные, казалось бы, стоять на страже законности и справедливости, превратили свою профессию в прибыльный бизнес. Неудивительно, что в эпоху, когда Иисуса Христа восславляли как величайшего бизнесмена всех времен, даже у юристов слова «купля», «продажа», «услуги» заняли доминирующее положение.

Утилитарно-прагматический подход у американского буржуа преобладает в оценке не только таких преимущественно «практических» сфер жизни, как материальное производство, политика, право и т. д., но также и религии, культуры, искусства. Америка, как правило, считается одной из самых религиозных стран в мире. Здесь подавляющее большинство населения составляют приверженцы той или иной из многочисленных церковных деноминаций. Однако религиозность американцев обоснованно подвергается сомнению, поскольку она в действительности лишена истинной преданности религиозной вере. В данном плане обращает на себя внимание прежде всего свособразная дихотомия, характерная для американского религиозного феномена. На это указывал не кто иной, как один из самых влиятельных религиозных деятелей и теоретиков XX в. Р. Нибур. «Мы, — писал он, — являемся одновременно самым религиозным и самым секулярным народом в мире». Объясняя этот парадокс, он продолжал: «Возможно, наша религиозность объясняется существованием у нас религии в двух формах: одна осуждает евангелие процветания, успеха и достижения рая на земле, другая же претендует на обеспечение религиозных инструментов для достижения этих целей»²⁰. По словам историка Ф. Макдональда, «странная система социальных ценностей» привела к тому, что американцы преклонялись перед «всемогущим долларом», при этом всячески подчеркивали свое подозрительное отношение к коммерческому предпринимательству²¹. И наконец, провозглашая тезис «Дело Америки — это бизнес», президент К. Кулидж тем не менее утверждал, что «главным идеалом американского народа является идеализм», что «Америка — это нация идеалистов».

И, действительно, нельзя не отметить, что существует немало американцев, которые, достигнув определенного уровня достатка или вершин экономического могущества,

продолжают «делать деньги» или стремятся к приобретению все новых богатств и достижению новых вершин не ради самих денег или богатств, а для поиска путей и форм самовыражения. Как писал профессор Бирмингемского университета Р. Хогарт, «американцы действительно любят всякие новые предметы, продукты, приборы и машины. Но любовь американца к вещам — это любовь трансцендентального порядка, а не корыстолюбие или скупость. Они любят вещи, потому что видят в них романтику, некий гимн Америке, ее природным богатствам, ее энергии, ее уменью приводить все в движение. Любовь к вещам и способность раздавать их направо и налево — это те черты характера, которые сами американцы ценят в себе».

Карнеги, Рокфеллеры, Морганы и другие американские магнаты были настоящими «баронами-грабителями». Но в то же время нельзя упускать из виду то, что фонды Карнеги и Рокфеллера, да и другие фонды внесли немалый вклад в развитие и усовершенствование здравоохранения, высшего образования, науки, библиотечного дела и т. д. Благотворительность стала одним из важных атрибутов общественной жизни Америки. «В джунглях американской демократии,— писал В. Нильсен, комментируя этот феномен,— нет более стандартного, странного и невероятного явления, чем частные фонды — аристократические институты, существующие за счет привилегий и поблажек „равноправного“ общества; совокупность частного богатства, которое вопреки инстинкту, присущему „бережливому“ человеку, направляется на общественные цели».

Характерно, что уже в колониальный период в Новой Англии купцы были самыми уважаемыми людьми в обществе. В то же время верующие с одобрением воспринимали предупреждения священников о том, что жадность, погоня за материальными богатствами и одержимость выгодой портят и развращают человека. Люди, постоянно вовлеченные в процесс купли и продажи, кредита, обмена и торговли, тем не менее время от времени выражали свое негодование относительно аморальности корыстной экономической деятельности. Своеобразное раздвоение между религиозным морализмом и приверженностью духу материальной выгоды стала отличительной особенностью американского характера. Именно таким раздвоением объясняется тот факт, что в условиях всеобщей безудержной погони за земными благами американцы зачастую впада-

ли в не менее безудержный религиозный морализм и осуждение корыстного интереса.

Утилитарный подход свойствен американскому сознанию и в отношении искусства и образования. Он требует, чтобы культура и образование служили какой-либо полезной цели, и, если они мешают ему в более важном деле достижения материального успеха, то он их отвергает. Л. Райт не без оснований объясняет распространенный в американских колониях в XVII в. протест против театральных представлений не только предрассудками чисто морального характера, но и укоренившейся среди колонистов убежденностью в том, что «сценические постановки отдают фривольностью и являются бесцельной тратой драгоценного времени». Если судить по содержанию книг, ввозимых в колонии в XVII—XVIII вв., то выбор колонистов, как указывает Райт, «был вполне утилитарен, и просто развлекательная литература редко попадала на полки их библиотек... Приверженность к „полезным“ книгам была равно характерна для виргинских плантаторов и для пуритан Новой Англии»²². Особенной популярностью в колониальный период как на севере, так и на юге пользовались книги религиозного и нравоучительного характера.

В XIX в., как, впрочем, и в колониальный период, наиболее читаемыми в Америке были школьные учебники. Именно их авторы во многом определяли выбор политических, социальных, экономических, культурных, моральных и других ценностных ориентаций. В них любое знание оценивалось прежде всего с точки зрения его полезности. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что слово «знание» очень часто сопровождается словом «полезное». Одобрялись лишь те знания, которые могут помочь в достижении материального успеха или же способствовать формированию черт характера, ассоциируемых с «человеком, сделавшим самого себя» (трудолюбие, бережливость, трезвость и т. д.).

В XIX и начале XX вв. в системе образования широкой популярностью пользовались теории, делавшие упор на подготовку к жизни. Функции колледжа, если судить по школьным учебникам XIX в., состояли в том, чтобы воспитывать людей, готовых защищать общепринятые ценности, а не анализировать их критически. Эта концепция высшего образования, как справедливо констатирует историк Р. Элсон, имела далеко идущие последствия для принципа академической свободы. Поскольку первосте-

пешная задача преподавателя состоит в том, чтобы подготовить студента в духе господствующих в американском обществе ценностей, то американское общество должно постоянно беспокоиться о том, какие убеждения имеют преподаватели колледжей.

В целом отношение американцев к высшему образованию характеризуется крайней противоречивостью. Нигде на Западе число колледжей не росло такими быстрыми темпами как в Америке, и ни один народ так не стремится к дипломам и научным степеням, как американцы, однако нигде к интеллектуалам не относятся так пренебрежительно, как в Америке. Характерно, что в одной лишь Америке профессор является объектом юмора и изображается длинноволосым и рассеянным чудаком. При всем том в глазах американца образование — в некотором роде религия, и, как от любой другой религии, он требует, чтобы оно было практичным и приносило дивиденды. Главный недостаток колледжей и университетов, с его точки зрения, состоял в том, что они откладывают вступление молодого человека в деловую жизнь, учат вещам, которые могут оказаться совершенно бесполезными в деловой жизни. Среди определенных кругов американцев и по сей день бытует предубеждение против колледжей и университетов из-за того, что они прививают студентам «дурные привычки»: стремление зарабатывать на жизнь головой, а не практически полезным трудом.

Утилитаризм, практичность, прагматизм, отождествление прогресса главным образом с материальным ростом в сочетании с изобретательностью и смекальностью американского ума в значительной степени способствовали преимущественному развитию в США технического образования и прикладных отраслей знания. В процессе становления у американского буржуа выработался своего рода потребительский подход к науке, побуждавший определить степень ее пользы, говоря словами Эдисона, «по размеру серебряного доллара».

В суровых условиях дикой глуши пограничья поселенец был вынужден приобретать самые различные профессиональные навыки — от пахаря до плотника и строителя. Он становился в некотором роде «специалистом» одновременно во многих областях, что, естественно, ощущало в нем, с одной стороны, уверенность в своих силах и, с другой — склонность к экспериментированию, опробованию различных сфер деятельности. И в наше

время рядовой американец в поисках успеха часто меняет занятия и место жительства. Склонность к эксперименту глубоко коренится в американском характере. Следует отметить, что сама Америка в некотором роде была величайшим экспериментом, который имел место с каждой новой волной иммигрантов.

Стремительное развитие научно-технических знаний во второй половине XIX в. и особенно в первые десятилетия XX в., их быстрое и оперативное внедрение во все отрасли хозяйства позволили американскому народу за сравнительно короткий исторический период достичь беспрецедентных успехов в экономическом развитии страны и освоении бескрайних просторов Североамериканского континента.

Уже на рубеже двух веков американцы, опираясь на огромные научно-технические достижения, внесли существенный вклад в организацию производства, рационализацию производственных и трудовых процессов. Но в то же время такой энтузиазм в отношении научно-технического знания способствовал выработке у них своеобразного техницистского сознания, которое склонно приписывать чудодейственную силу научно-техническим знаниям, способно решать все проблемы, возникающие перед обществом. Такое сознание стало материальной силой, оказывающей влияние на социальные установки значительных слоев американского народа. Особенно широкий размах и глубину техницистское сознание в США приняло после второй мировой войны в условиях научно-технической революции. Более того, оно стало одним из важнейших элементов американского буржуазного сознания.

Все сказанное отнюдь не значит, что общественные и гуманитарные науки в США были вообще в загоде. Достаточно, например, упомянуть кафедры истории, социологии, психологии, права и т. д. в таких крупных научных центрах страны, как Гарвардский, Йельский, Джонса Гопкинса, Джорджтаунский, Калифорнийский, Висконсинский, Колумбийский и многие другие университеты и научно-исследовательские институты, чтобы убедиться в широте и размахе интереса американского народа к проблемам общественнознания. Однако и здесь львиная доля исследований носила прикладной и эмпирический характер. Например, для американской социологии с самого начала ее возникновения была характерна озабоченность «социальными проблемами» и поиск путей и средств их

решения. Важной особенностью американской социологии, по справедливому замечанию западногерманского социолога Р. Дарендорфа, является явная или скрытая «социальная инженерия». В США в отличие от Европы «социология» и «социальная политика» не выступают в качестве самостоятельных университетских дисциплин. В целом американские социологи склонны ориентироваться на политику усовершенствований предприятий и тюрем, городов и школ, госпиталей и трущоб и т. д. В данном отношении характерен и тот факт, что в США в XX в. социология и социальная психология получили сильнейший импульс именно в силу возросшего к ним интереса со стороны бизнеса и правительственных организаций, поставивших эти научные дисциплины на службу сугубо практическим задачам.

Одним из важнейших продуктов и в то же время стимуляторов идеи успеха являются так называемая литература и фольклор успеха. Многие элементы идеи успеха в религиозном облачении встречаются уже в дидактических работах пуритан XVII в., которые предназначались в качестве руководства к жизни. В них давались советы, как добиться материального успеха, с учетом более широкого спектра ценностей. «Альманахи бедного Ричарда» Б. Франклина по сути дела представляют собой более или менее разработанные руководства к жизни для буржуа. Так, уже в XVIII в. афоризм Франклина «время—деньги» стал в некотором роде жизненным кредо американского буржуа. Расцвет литературы «успеха» относится к XIX в. Совершенным типом «человека, сделавшего самого себя», был упомянутый охотник Дэниэль Бун в изображении писателя первой половины XIX в. Т. Флинта; он вырос хозяином своей собственной судьбы.

В «литературе успеха» мы встречаемся с довольно стереотипной ситуацией. Бедность, как правило, изображается с большой симпатией и считается достоинством. В детской «литературе успеха» 30—40-х годов XIX в. типичной фигурой становится «плохой» банкир или собственник завода, третирующий главного героя, а еще чаще — «испорченный» и несимпатичный сынок богача. Положительный герой, как правило, в результате прилежания и упорного труда достигает высокого социального и экономического положения.

То, чему учат детей в школах, служит показателем господствующий в данном обществе системы моральных ценностей. В учебниках, как правило, подтверждались

моральные истины, проповедуемые в церкви и общественно-политической литературе. Все, что изображали в своих работах историки Дж. Бэнкрофт и Дж. Фиске, находило еще более упрощенное выражение в учебниках по истории, написанных П. Парли и У. Макгаффи. «Хрестоматии» Макгаффи проповедовали трудолюбие, бережливость, послушание родителям, уважение к старшим, трезвость и т. д. Они пропагандировали банальные истины вроде: «Кто желает процветать, тот должен встать в пять, а тот кто преуспел, может спать до семи» и т. д.

Излюбленным героем европейской художественной литературы XIX в. был честолюбивый молодой человек из низших слоев общества, который покидает деревню или маленький провинциальный городок и приезжает в столицу в поисках счастливого будущего. В Америке же энергичные и честолюбивые молодые люди из беднейших групп населения Востока устремляются на Запад и, добившись успеха своим трудом, из бедняков превращаются в богачей. По мере индустриализации и исчезновения «границы» многие американские писатели стали искать героические образы и источник традиционных ценностей индивидуализма и преданности обществу опять-таки на Западе. Это проявилось, в частности в бурном процветании на рубеже двух веков популярной «западной» литературы. Но тем не менее в художественных произведениях все чаще литературный герой обращает свои взоры в поисках интересной и полнокровной жизни к большим промышленным городам Востока, а позже к городам других районов страны. Уже в 50-х годах XIX в. распространенными героями популярной художественной литературы становятся разносчик газет и чистильщик обуви. В последующие десятилетия целый поток романов и рассказов О. Оптика, С. С. Робинс, М. Лесли, Э. Келлога и многих других был посвящен феномену восхождения из низов вверх — к богатству и славе. Эту проблему в последней трети XIX в. развивали А. Д. Эванс, Э. П. Роу, Ч. Шелдон, Дж. С. Портер, Г. Б. Райт, О. С. Марден, Э. Хаббард и многие другие. В частности, книга Хаббарда «Послание к Гарсиа» сделала его идиологом бизнесменов. Всех этих авторов превзошел Х. Олджер, в трудах которого, как пишет социолог К. Линн, мифология «успеха» нашла «свое классическое выражение». В многочисленных произведениях Олджер изобразил героя, в котором синтезировались наиболее популярные концепции американского общества XIX в.: вера в величие и непогреши-

мость «простого» человека (под ним подразумевался мелкий буржуа), восславление отдельного индивида и индивидуальных действий, отождествление погони за деньгами и материальным успехом со стремлением к счастью, успеха в бизнесе — с духовным благородством и т. д.

Вслед за Олджером авторы многочисленных романов, повестей, рассказов, публицистических памфлетов утверждали, что бедность в начале жизненного пути является не препятствием, а, наоборот, благоприятной предпосылкой, якобы помогающей формировать характер, ориентированный на достижение успеха. Преимущество бедности, утверждал промышленный магнат Э. Карнеги в 1891 г., состоит в том, что она дает стимул молодым людям стать богатыми. Эта установка на успех стала составной частью национального сознания. В различных одеяниях она вошла во все идеологические течения американской буржуазии и идеологию реформистских движений — от популизма в конце XIX в. до различных вариантов современного либерализма и консерватизма.

Нельзя сказать, что олдджеризм в американской художественной литературе пользовался абсолютной монополией. Выдающиеся представители американской художественной культуры, такие, как Э. По, Г. Мелвилл, Н. Хоторн и др., оставили нам в своих произведениях яркие картины того, как бурно развивающийся свободнопредпринимательский капитализм XIX в., обогащая одних, бросал на дно жизни неизмеримо большее число других. Эта тема получила дальнейшее развитие с проникновением в американскую литературу в последней четверти XIX в. — начале XX в. натурализма и критического реализма. В 20-х годах в своих книгах «По ту сторону рая», «Прекрасное и обреченное», «Великий Гэтсби», «Ночь нежна» и «Последний магнат» С. Фитцджеральд обнажил патологию поколения, которое американская писательница Г. Стайн назвала «потерянным». Тема Фитцджеральда, Дос Пассоса и многих писателей того периода — «большие деньги». Они с большим мастерством описали, как денежные стандарты, определяя жизнь этого поколения и привычки, привели в конечном счете к его краху.

Обратной стороной американской действительности, в сверхидеализированном виде описанной Олджером, является ситуация, изображенная Т. Драйзером в «Американской трагедии». Честолюбивый и энергичный юноша, который провел свое детство в бедности, ставит перед собой цель любой ценой добиться богатства и положения

в обществе и погибает. В реальной капиталистической действительности такую судьбу разделили многие американцы.

Но тем не менее более созвучными и восприимчивыми для склада мышления и умонастроений многих американцев в условиях, когда деньги превращаются в основное мерило ценности личности, оказались именно герои олджеровского типа.

В обществе, где большим влиянием пользуется принцип денежного интереса, деньги рассматриваются как чуть ли не главное средство удовлетворения потребностей человека, утверждения его социального, психологического, морального, политического статуса в обществе. При такой оценке роли денег потребительство становится одним из важных элементов общественных связей. Особенно большую роль потребительство как общественно-исторический фактор и социально-психологическая категория приобрело при государственно-монополистическом капитализме. В условиях дальнейшей демократизации системы образования, введения правящим классом системы вознаграждений и материального стимулирования труда, которые ведут к расширению возможностей для так называемой горизонтальной, да и вертикальной мобильности — все более осязаемое значение приобретает уровень потребления, измеряемый количеством находящихся во владении отдельного человека или семьи вещей. Пуританский аскетизм и традиционно буржуазная бережливость во имя накопления капитала и укрепления социального статуса уступают дорогу принципу судорожной погони за деньгами ради приобретения большего количества вещей. Пышным цветом расцветает то, что еще на заре государственно-монополистического капитализма Т. Веблен назвал «показным потреблением». На смену стремлению к завоеванию реального статуса в обществе, определяемого характером отношений, приходит стремление к достижению иллюзорного статуса, определяемого количеством и «повизной» вещей.

В то же время в результате глубоких сдвигов в системе капиталистического производства и обмена произошли существенные изменения в отношениях между спросом и предложением. Если в период свободно-предпринимательского капитализма спрос и, следовательно, рынок определяли объем и ассортимент производимых товаров, то в условиях государственно-монополистического капитализма сам рынок, соответственно и потребление становятся

объектом управления и манипулирования со стороны монополий и корпораций. Более того, успешная реализация «управляемого» потребительства становится одним из условий нормального функционирования производственной системы государственно-монополистического капитализма. В итоге «потребительская» психология превращается в один из важнейших факторов, определяющих социально-политические и общественно-психологические установки подавляющей массы населения. «Американцы,— писал в августе 1981 г., характеризуя эту особенность общественного сознания США,— журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт» — в последние годы вынужденные идти на компромиссы во многих сферах жизни, решительно не желают скупиться на досуг. Доллары продолжают течь на спорт, развлечения и культуру, хотя доходы многих семей едва поспевают за инфляцией». Более того, продолжал журнал, «досуг не только составляет центральную часть американского стремления к счастью, но и во всевозрастающей степени он служит средством идентификации того, кем является каждый человек в обществе: энтузиастом спорта, любителем оперы, ремесленником, любителем приключений»²³.

Неотъемлемой чертой американского буржуазного сознания в процессе длительного исторического развития стала склонность к концентрированию внимания преимущественно на непосредственных продуктах человеческой деятельности и количественных характеристиках материального успеха. При таком взгляде на вещи в Америке уже в XIX в. ловкость в достижении материального успеха была доведена до уровня общественной добродетели. Люди с достоинством и гордостью называли себя «спекулянтами». «Стремление к богатству,— писал Д. Макдональд,— стало настоящей религией в Америке, содержащей свою собственную литургию и систему моральных ценностей, этики и табу, которые определяли отношения между обществом, собственностью и индивидом»²⁴.

В глазах буржуа героем и примером для подражания стал «человек, сделавший самого себя», причем под словом «сделавший» часто понимался «обогатившийся». В бурной атмосфере «позолоченного века», где господствовал принцип безудержной конкуренции, быть несвоекорыстным считалось не достоинством, а отсутствием твердости и мужества. Именно в этот период окончательно утвердился утилитаристский принцип, согласно которому все, что сулило увеличение богатства, автоматиче-

ски рассматривалось как благо. Баптистский священник К. Кошуэл в своем «Евангелии успеха» провозглашал: «Я говорю, что вы должны стать богатыми и ваш долг стать богатыми». «Нехорошо быть бедными», — поучал он своих прихожан.

Установка на успех и доктрина равенства возможностей теоретически подразумевают, что все люди обладают равными правами и возможностями для развития и реализации своих талантов и что каждый человек должен получить в соответствии со своими способностями. Но на практике такая формула пуждается в существенных оговорках. В действительности капитализм гарантирует и одновременно подрывает равенство возможностей, свободу и мобильность. Исследования последних двух десятилетий показывают, что, например, усилия иммигрантов в деле американизации вознаграждались увеличением возможностей экономической мобильности. И, несмотря на то, что путь от нищеты к богатству проделывали немногие, более или менее сносно и даже среднего уровня достигало большинство. Предприимчивые американцы добивались беспрецедентных для других стран успехов в производительности и повышении уровня жизни. Если иммигранты, жаждавшие интегрироваться в американское общество быстро обнаруживали, что здесь улицы отнюдь не усеяны золотом, они в то же время узнавали, что могут голосовать, получить работу и надеяться иметь со временем собственный дом, землю, бизнес.

Очевидно, что идея предприимчивости тесно связана с концепцией экономического успеха. И действительно, эта идея едва ли могла стать эффективной социальной ценностью, если бы она не находила частичное подтверждение в бесконечно повторяемом утверждении о том, что трудолюбивый добьется успеха, а ленивый потерпит неудачу.

Из насчитывавшихся 4046 миллионеров в США к 1892 г. часть действительно была выходцами из фермерско-мелкобуржуазной массы, добившимися богатства и процветания благодаря личной энергии и способностям. Хотя в реальной действительности мало кто мог надеяться достичь такого положения, какого достигли родоначальники династии миллионеров У. Вандербильт или Дж. Рокфеллер, многие в меньших масштабах могли имитировать их успех, двигаясь от бедности к той или иной ступени материального достатка. В большинстве случаев люди «делали сами себя», в том смысле, что достигали

успехов в бизнесе, не имея формального образования и специальной подготовки. Но путь «наверх» зачастую занимал целую жизнь. Стремительное продвижение немногих счастливых выглядело как некое чудесное «превращение».

Специфически американский дух предприимчивости, сформировавшийся в период открытия и освоения бескрайних просторов «свободных» земель Запада трапперами, охотниками, ковбоями, баронами-скотоводами, фермерами и просто искателями приключений, их мораль, в основе которой лежали нажива, риск, азарт, безудержное стремление к захвату и эксплуатации, оказались не только стимулом, но и наркотиком огромной силы. Движимые действительными или воображаемыми перспективами, люди срывались с пасивных мест и устремлялись в новые, неизведанные края или же порывали с привычными формами деятельности, чтобы начать совершенно новое «дело». За два-три поколения, а то и меньше многочисленные американские семьи проделывали большой и трудный путь от Атлантического побережья до Тихого океана.

Рассказы о фантастических ресурсах Запада возбуждали воображение и питали постоянный импульс к освоению этих территорий. Мощными факторами, способствовавшими значительному усилению движения на Запад, явились завершение в 1825 г. строительства канала Эри, а также бурное развитие железнодорожного транспорта в 30–40-х годах XIX в.

Тяга к перемене мест и рода занятий, географическая и профессиональная мобильность была у американцев столь велика, что, по мнению историка Дж. Пирсона, этот фактор сыграл решающую роль в формировании «американского характера». Философию «деятельной жизни» энергично проповедовал президент Т. Рузвельт. Она была сродни общему направлению жизни в Америке, народ которой был скорее деятельным, чем созерцательным. Американцы находились в движении с того самого дня, когда «Сюзанна Констап» бросила якорь неподалеку от Джеймстауна. А ко времени избрания Рузвельта президентом, как писал известный историк Р. Гэйбриель, этот облик неизмеримо возрос²⁵.

Мощным миграционным катализатором стало открытие золота сначала в Калифорнии, а затем в Неваде и на Аляске. Неустанная охота за богатством двигала золотоискателей и поселенцев на Запад и Северо-Запад. При-

чем, история открытия и добычи золота, например, в Неваде «была историей трагической гибели многих старателей-пионеров, историей стычек хищников, бандитских походов, грабежей и убийств, историей немногих удач и бесчисленных жизненных катастроф. В Неваде, как и в Калифорнии, тысячи здоровых и сильных людей становились жертвами разных невзгод и болезней, трудностей жизни в глухих местах, а самое главное — жадности соперников, бесчеловечности богачей»²⁶. Но огромное воздействие на массовое сознание оказывал пример тех немногих разбогатевших счастливых, о которых в фантастически преувеличенной форме распространялась молва по всей стране.

Калифорния, Невада и Аляска стали лишь символом того процесса грандиозной перестройки лица Североамериканского континента, в ходе которой возникали все новые и новые отрасли экономики со своими собственными «золотыми жилами», дававшими узкой группе наиболее удачливых баснословные богатства. Подобно тому, как золотоискательство послужило первоначальным толчком к освоению горных районов и районов Великого бассейна, индустрия скотоводства, например, стимулировала освоение Великих равнин. Как и золотоискательство и золотодобыча, скотоводство на открытых пастбищах не требовало больших затрат, что, естественно, способствовало привлечению за короткий период в эту область довольно большого числа людей. Открытие нефти, железнодорожное строительство, автомобилестроение, породившие рокфеллеров, вандербильтов и фордов, давали обильную пищу для односторонне восприимчивого ума обывателя, подкрепляя идею о self-made-man и успехе.

Порождением подобной идеи стали «предприимчивые дельцы» самых различных калибров и категорий — бизнесмены, юристы, бутлегеры, гангстеры, лавочники, держатели игорных и публичных домов и т. д. Даже появление в Америке в XX в. организованной преступности, как указывает Д. Бурстин, представляло собой «лишь один из эпизодов в грандиозной саге беспокойных новых американцев, стремившихся завоевать богатство и место в мире»²⁷.

При всем своем глубоком воздействии на сознание и мировоззрение «среднего американца» кредо индивидуализма, понимаемое как опора исключительно на собственные силы отдельного индивида в социальной и экономической сферах, отражало лишь идеальную цель, а не бес-

спорный факт повседневной действительности Америки на протяжении всей ее истории. Выше уже указывалось, что значительную роль в развитии американской экономики, особенно в первые десятилетия ее существования, играла меркантилистская политика правительства. Характерно, что деятельность правительства по поддержанию и всемерному материальному, финансовому и политическому поощрению отдельных промышленных группировок не прекращалась даже в период господства «баронов-грабителей» с их идеологией социал-дарвинизма, на словах категорически исключавшей вмешательство правительства в дела бизнеса.

Экстраординарные условия, в которых оказались первые поколения переселенцев в Северной Америке, интересы сохранения стабильности и жизнеспособности отдельных общин уже сами по себе требовали тесного сотрудничества между всеми их членами, что можно было достичь лишь при полном подчинении всех членов той или иной общины единому общественному идеалу, единым нормам и стандартам поведения. Если первоначально, особенно во времена первых поколений переселенцев, правящие круги колоний использовали для этого принудительные меры, то по мере укрепления буржуазных отношений, установления принципов религиозной терпимости, политической свободы и т. д. принудительные формы социал-политического контроля заменили неофициальные, неформальные формы контроля.

Однако и в дальнейшем прежний религиозный пуризм и единообразие общественного сознания, неприятие «чужих» в Америке вошли составной частью в философию «американизма», феномен «аутсайдеров» первых поколений колонистов выродился в феномен «антиамериканизма» XIX—XX вв. Всеобщий конформизм, который прежде обеспечивался в рамках определенных общин принудительными мерами, постепенно стал осуществляться «добровольно» уже на общенациональном уровне.

Если первые поселенцы в лице охотников трапперов и следовавших за ними скотоводов, осваивавших на протяжении XVIII—XIX вв. огромные просторы от Атлантического до Тихого океана, были по своей натуре индивидуалистами, то фермер, позже заселявший эти пространства, при всей своей преданности индивидуалистическому идеалу, уже нуждался в обществе людей. Двигаясь вдоль границы, он не мог обходиться без их помощи, защищаясь от индейцев, земли которых он присваивал, при по-

стройке дома, при расчистке земли от гигантских деревьев. В прериях центральной равнины осуществлять подготовку пашни, проводить ирригационные работы в засушливых районах дальнего Запада одному человеку было не под силу. Такую помощь он мог получить только в общине. Вкладывая большие средства в землю, он был заинтересован в других поселенцах, присутствие которых подняло бы цену на землю. Оказание помощи новоприбывшему фермеру у пограничных фермеров стало в некотором роде признаком гостеприимства. Поэтому можно говорить лишь об относительной изоляции фермера.

Бурное развитие в XIX в. водных путей, появление пароходов, строительство шоссеиных дорог и особенно развитие железнодорожного транспорта, изменившие лицо Североамериканского континента, содействовали унификации социального облика Америки, вовлечению ранее изолированных друг от друга общин в общенациональные связи. Произошли важные перемены в стиле жизни американцев. Возрастала связь и зависимость ранее изолированных местных общин и городков с остальным миром.

Важное значение имели изменения, происходившие в отношениях между отдельным человеком и общиной. По мере укрепления буржуазных отношений и атомизации общества в XIX в. каждая единица — будь то индивидуальный человек или семья, компания или община, регион или вся страна в целом — в силу того, что она рассматривала экономический успех как меру своей ценности, получала право выбирать собственную дорогу и преследовать собственные цели без вмешательства какой бы то ни было другой стороны. Но тем не менее связь с общиной и преданность ее ценностям сохранялись. Люди решительно защищали свою общину от любого внешнего влияния, которое могло подорвать их специфические ценности и права.

В то же время, как указывалось, фермеры, которые вплоть до конца XIX в. составляли подавляющее большинство населения страны, не говоря уже о купцах и промышленниках, были агентами сформировавшихся в стране с конца XVII в. капиталистических отношений. Закономерности социального и экономического развития, присущие капитализму, способствуют формированию у основной массы членов общества стереотипных, стандартизированных представлений о мире. К. Маркс считал важнейшим условием нормального функционирования ка-

питалистической системы хозяйства наличие у субъектов экономической деятельности упрощенных стандартных представлений о себе и социально-экономических отношениях, таких, например, как вера в то, что каждый индивид в буржуазном обществе является независимым товаровладельцем, независимым агентом производства и т. д. Более того, подобные «иллюзии рядового агента рыночно-капиталистического хозяйства носят *объективно-принудительный характер*, соответствуют действительной *наличной видимости* экономических отношений. Они выступают как необходимая, самой социальной практикой заданная субъективная предпосылка индивидуального выживания, приспособления, хозяйственной инициативы»²⁸.

Другими словами, сознание и поведение индивида как субъекта частнопредпринимательской деятельности подчиняется «извне направляемой» модели предпринимательской субъективности, предполагающей веру в то, что капитализм есть общество «равных возможностей», а «успех более или менее пропорционален индивидуальным способностям, усердию и инициативе». Система свободного предпринимательства, «модель предпринимательской субъективности», способствуют выработке у индивида готовности принять ценности определенного порядка, ставящие «стремление к выгоде (к предпринимательской прибыли) выше всех других личных стремлений, превратить его в абсолютную цель индивидуального существования. Все прочее должно соответственно выступать в качестве средства, условия достижения этой цели, в качестве элемента внешней социальной конъюнктуры, с которой индивид просто «считается»²⁹. Такой инструменталистско-прагматический подход в свою очередь создает благоприятные предпосылки для нивелировки человеческой индивидуальности, уменьшения возможностей для выработки у человека критического мышления, возникновения «одномерного» мышления, при котором вырабатывается привычка мыслить сугубо практическими, эмпирическими категориями, воспринимать лишь данное непосредственно, здесь и теперь, склонность к некритическому приятию полюбившейся идеи или представления и возведение их в догму.

Такое «одномерное» мышление — залог успешной интеграции отдельного индивида в капиталистические производственные отношения и соответственно в структуру общества.

В то же время приверженность к приобретательству сделала американского буржуа, говоря словами Г. С. Коммейджера, «игроком и оппортунистом». Оппортунизм с его слепой приверженностью принципам всевозможных компромиссов оставляет человеку исключительно мало места для проявления своей индивидуальности, ограничивает пределы его свободы, часто заставляя идти на компромиссы и уступки за счет своих убеждений и принципов, и тем самым возводит в абсолют принцип беспринципности. В силу такого оппортунизма в сознании американского буржуа действительность конкретна и эмпирична. Американец выработал способность, скорее даже привычку, принимать лишь те идеи, мысли, принципы, которые уже многократно испробованы на опыте. Он, как отмечает Д. Бурстин, рассматривает «наличное» состояние как образец «должного».

Эмпиризм, прагматизм и практицизм способствовали преобладанию в складе мышления американского буржуа преимущественно количественных характеристик. Этим, в частности, объясняется американская страсть к статистике, говорящей «нейтральным языком чисел». Она позволяет классифицировать людей по группам, не прибегая при этом к установлению различий между ними: числа нейтральны, ни одно не лучше и не хуже, чем другое. Уже само перечисление (один голос, один человек) символизирует «равенство», которое будто является целью буржуазно-демократического общества. По самой своей природе числа предполагают «беспрерывные серии», отказ от резких разрывов между классами. Здесь нет классов, характерных для других обществ, есть лишь «средние» «нормальные» граждане. Причем в отличие от традиционных категорий социального класса и социальной иерархии с монархом на вершине статистические категории можно расширить вверх без ограничений, что сводит все к процентному соотношению. Такой, так сказать, «статистический», «количественный» склад мышления в определенной степени обуславливает американскую страсть к гигантизму, ко всему объемному, громадному. Эти же качества в совокупности с фепоменом героопочитания во многом способствуют тому, что американец обращает преимущественное внимание на внешние параметры интересующего его объекта, явления или личности.

Из обыденной жизни фепомен почитания внешней привлекательности все настойчивее переходит в сферу

политики. Интересно в этом отношении признание одного из лучших знатоков механизма функционирования политической машины США, бывшего губернатора Калифорнии Э. Брауна. Американцы наших дней, пишет он, склонны судить о ценностях того или иного явления не на основании его действительных, внутренних достоинств, а на основании стиля одежды и прически его защитников. Браун обращает внимание на то, что большинство избранных в 60-х годах губернаторов, сенаторов и мэров в США имеют ярко выраженные привлекательные физические данные и напоминают модели для журнальных снимков, «рекламирующих средства для укрепления мужских волос».

Значимость этого феномена еще более усилилась с восхождением средств массовой информации, особенно телевидения, которое привело к увеличению роли так называемой «символической политики», «политики театра», основанной на образах или «имиджах» политических деятелей, специально конструируемых на потребу господствующим умонастроением и вкусам. Под воздействием как объективных изменений в американском политическом процессе, так и специфики современных СМИ освещение избирательных кампаний выливается в своего рода спортивные репортажи со своими победителями, проигравшими, напряженными перипетиями борьбы, красочными зрелищами, монументальными форумами. Все это требует от кандидата умения быть чуть ли не актером, вести себя перед телекамерами, сыграть свою роль в спектакле, если он хочет добиться успеха. Известный обозреватель Р. Бейкер, убежденный в том, что «сейчас политика в значительной степени представляет собой телевизионное шоу», пишет: «В век телевидения победа приходит чаще всего к телегеничному деятелю — скорее к Кеннеди, чем к Никсону в 1960 г.; скорее к Никсону, осознавшему значение телевидения, чем к Макговерну в 1972 г.; скорее к Картеру чем к Форду в 1976 г.»³⁰

Поэтому неудивительно, что в избирательных кампаниях элемент регулирования и манипулирования приобрел столь важное значение. Все действия кандидата тщательно режиссируются менеджерами избирательной кампании и политическими консультантами. Их задача — не просто привлечь внимание общественности к претенденту, но создать его определенный образ (имидж) в глазах избирателей, который максимально соответствовал бы целям избирательной кампании, общественным представ-

лениям о наиболее желательном типе политического лидера на данном этапе, ожиданиям партийных заправил и расчетам деловых кругов. Специалисты по обработке общественного мнения, привлекая известных кинорежиссеров и актеров, используя технические приемы и методы, первоначально применявшиеся в рекламе бизнеса, разработали «технологию» создания и «продажи» имиджей политических деятелей. При этом они исходят из тезиса, высказанного еще в 1956 г. председателем Национального комитета республиканской партии Л. Холлом, согласно которому «Вы продаете своих кандидатов и свои программы так же, как бизнес продает свои товары»³¹. В настоящее время существует целая теория «идеального кандидата», на основе которой конструируются имиджи кандидатов. Помимо традиционных человеческих достоинств и личных качеств, она включает в себя ряд обобщенных политических характеристик: наибольшим успехом в качестве кандидата на пост президента пользуется, как правило, новое лицо на национальной политической арене, в большей степени общественный деятель, чем опытный партийный политик, обладающий достаточной независимостью, чтобы действовать как в рамках партийных организаций, так и вне их. Кроме того, такой кандидат должен обладать чертами характера, которые максимально соответствуют конкретно-политической ситуации в стране: так, в периоды социально-политических кризисов наибольшими шансами обладают «откровенные» и «честные» политики, способные на максимально «открытый» разговор с обществом. Отправляясь от этих и множества других обобщенных характеристик «идеального претендента», консультанты мобилизуют все различные пропагандистские средства, чтобы подчеркнуть наиболее выигрышные черты своего клиента и замаскировать неблагоприятные или не соответствующие ожиданиям избирателей.

Выяснению и корректировке имиджа кандидата в глазах избирателей служит изощренная техника опросов общественного мнения. В настоящее время в этой области действует более 200 специализированных фирм, которые довели методику зондажа позиций общественности по тем или иным проблемам до такой степени, что, например, последний перед общенациональными президентскими выборами опрос общественного мнения, по традиции проводимый институтом Гэллапа, определяет победителя со средней ошибкой всего 1,5%.

Опросы общественного мнения используются в качестве средства политической разведки. Они позволяют выявить, какого мнения избиратели придерживаются о том или ином политическом деятеле, какие конкретные проблемы их волнуют, определить действенность тех или иных внутри- и внешнеполитических акций правительства и т. д. Здесь широко используются методы и технические приемы выявления спроса и эффективности рекламы в бизнесе, особенно в торговле. Вместе с тем опросы общественного мнения превратились из средства выявления настроений избирателей в инструмент придания определенной направленности как этим настроениям, так и всей избирательной кампании.

Политические консультанты и менеджеры контролируют, что говорит и делает их кандидат, куда он идет, что телекамеры у него могут выявить. Картер и его «команда» придавали важное значение созданию и «продаже» широкой публике привлекательных имиджей кандидата, а затем президента. На выборах 1976 г. восхождение в Белый дом доселе малоизвестного «арахисового фермера» многими справедливо рассматривалось как чудо «упаковывания» и манипуляции с помощью средств массовой информации. В меморандуме Г. Джордана Дж. Картеру после вступления последнего на пост президента США особо подчеркивалась мысль о том, что важно не содержание, а то, как президент воспринимается публикой. Учитывая эти рекомендации, Картер устроил целую телевизионную трансляцию своего переезда в Белый дом в полном соответствии с внедренным в общественное сознание образом «простого фермера». По телевидению передавалось как новый президент собственноручно выгружает чемоданы из самолета, а затем пешком направляется в Белый дом. Во время одного из своих первых выступлений по телевидению в качестве президента Картер появился на экранах в свитере и джинсах, что, по его представлениям, должно было приблизить его к простым американцам.

Одержимость внешними показателями и театральностью нашла наиболее законченное выражение в Р. Рейгане. Как пишет Ч. Кротеммер, Картер уступил дорогу для «слияния театра и политики — Рональду Рейгану, человеку, избранному, чтобы вести консервативное движение, не в силу выказанной им способности мыслить и руководить, а в силу способности вести себя перед камерами»³². Как утверждал один из сотрудников штата по

проведению избирательной кампании Р. Рейгана 1976 г., эта кампания напоминала «голливудскую картину». Рейган проводит кампанию подобно оперной звезде в концертном турне. Он играет свою роль так долго, что это кажется ему реальным. Его выступления отличаются тщательной инсценированностью. У него всегда открытое улыбающееся лицо. Он легко парирует вопросы репортеров и корреспондентов. Одним словом, он «стоцентный американец», открытый, простой человек, «хороший парень»³³.

Концентрирование внимания на наиболее драматических событиях и действиях со стороны средств массовой информации ведет к значительному обеднению и упрощению действительного положения вещей в стране и мире. Ударение переносится на второстепенные вопросы и малозначащие противоречия между партиями, отдельными политическими деятелями, на хорошо известные или импозантные личности, на все то, что выглядит драматически, зрелищно, отвлекая внимание общественности от главных проблем, стоящих перед обществом. А это, в свою очередь, ведет к дальнейшему увеличению роли и влияния в избирательном процессе личностных характеристик кандидатов, расширению возможностей для манипулирования настроениями широких масс избирателей. В результате успех кандидата стал зачастую прямо пропорционален мастерству создателей имиджей и их передачи через каналы средств массовой информации.

Оппортунизм, практицизм, эмпиризм, «статистический», «количественный» склад мышления американского буржуа приводят к тому, что он, как правило, не приемлет человека с глубоким, независимым интеллектом. Боязнь необычного и нежелание ставить кого-либо выше остальных лежат в основе американской веры в «божественного» «среднего человека» — этого, по словам Д. Бурстина, продукта «американского оппортунизма». «Простой» или «средний» в некотором роде представляет собой философское кредо американца. Многие политические и государственные деятели делали и делают свою карьеру, апеллируя к «простому человеку». И любой политический деятель, игнорирующий мнение «простого человека», рискует оказаться в изоляции. Для американского буржуа зачастую образцом человека и гражданина становится не индивид с оригинальным мышлением, самостоятельностью суждений, действующий в соответствии с велениями своего разума и морального долга, часто вопреки господст-

вующим в его окружении мнениям, предрассудкам, а посредством стремящаяся любой ценой — даже ценой полной потери своей личности — конформироваться к мнению большинства. Это не индивидуалист в смысле оригинальности мышления и независимости волевых поступков и т. д., а конформист. При таком положении вещей общепринятое, стандартное, посредственное всемерно поощряется, а всякое оригинальное, индивидуальное вызывает подозрение и подавляется.

Американец твердо верит в неизбежность и самоочевидность моральных норм Америки и требует от всех следования этим нормам. По словам консервативного историка Р. Уайби, бесконечно рассуждая об индивидуальной свободе, американцы по сути дела внесли мало оригинального в трактовку сущности индивида, хотя многое сделали для понимания таких коллективных действий и организаций, как религиозные конгрегации, корпорации и административные структуры. Однако «чувство общности, основанное на чувстве единообразия, — пишет Л. Харц, — обманчивая вещь. Внешне оно выглядит индивидуалистично», но по своей сущности «глубоко антииндивидуалистично», поскольку в его основе лежит признание «общего стандарта, и отклонение от этого стандарта вызывает ... иррациональный страх. Человек, который так же хорош, как его соседи, оказывается в трудном положении, когда он приходит в противоречие со всеми остальными»³⁴. В итоге своеобразие американского общественного сознания состоит в том, что в рамках общепринятых морально-этических норм и принципов оно допускает самую широкую свободу мнений и действий. Например, критика высокопоставленных государственных и политических деятелей, включая и президента страны, стала своеобразной американской традицией. Так, по словам историка У. Манчестера, «Эндрю Джексона изображали нарушителем супружеской верности, Липкольна — обезьяной, Гарри Трумэна — пудачным торговцем галантереей, Томас Джефферсон был „сумасшедшим Томом“. Досталось даже Вашингтону. „Меня обвиняют в том, что я являюсь врагом Америки и нахожусь под влиянием иностранной державы, — писал Вашингтон „сумасшедшему Тому“, — и каждый шаг моего правительства искажается в таких преувеличенных и неприличных выражениях, которые вряд ли можно было бы употребить по отношению к Нерону, общественному банкроту или даже к обыкновенному карманному вору“»³⁵.

Иными словами, убежденный в превосходстве морально-этических норм и общественно-политических институтов США, американец способен терпеть плохое, недостойное поведение отдельных индивидов, в то же время предавая их анафеме, если они бросают вызов общепринятым нормам. На это обратил внимание еще де Токвиль, который, в частности, писал: «В Америке большинство ограничивает мысль грозным кругом. Внутри его пределов писатель свободен, но горе ему, если он осмелится выйти из него. Это не значит, что ему грозило сожжение; но он подвергается неприятностям разного рода и повседневному преследованию. Политическая карьера для него закрыта»³⁶. На всем протяжении XIX в. наблюдатели самых различных религиозных, философских и общественно-политических воззрений указывали на то, какое огромное, сравнимое только с религиозным фатализмом воздействие оказывало на умы американцев мнение большинства.

Проанализировав основные компоненты американского характера, один из виднейших буржуазных идеологов США начала XX в. Г. Кроули, пришел к следующему выводу: «Свобода мнений, которой мы гордимся, большей частью состояла в провозглашении приемлемых общепринятых мнений с такой вызывающей убежденностью, как будто мы провозглашаем самую дерзкую и возвеличенную ересь. Составляя такой парад единообразия интеллектуальной независимости, американец сознательно неискренен. Он готов бороться за свои убеждения, но его действительно фундаментальные убеждения ограничены рамками общепринятых мнений, стандартов и стереотипов. Его различия с остальными согражданами — это различия в отдельных интересах и деталях. Когда американец громогласно провозглашает свою веру, он во многом напоминает буйвола, который, вырвавшись из стойла, с фырканием носится вокруг скотного двора, при этом кидаясь на всех в пределах досягаемости своих рогов. Так, приводимый в пример буйвол вполне может считать, что он предлагает миру самое лучшее проявление агрессивной индивидуальности, в то время как в действительности он ведет себя так же, как все буйволы с начала своего приручения»³⁷.

В 1920 г. к аналогичному выводу пришли известные в тот период литературные критики Дж. Натен и Г. Менкен. «То, что лежит за внешней смелостью (американца), — писали они, — это в действительности не незави-

симый дух, а талант кричать вместе с толпой. Когда американец чрезвычайно самоуверен — это явный признак того, что он чувствует за собой толпу, слышит ее поощрительные крики и убежден в том, что его доктрина одобряется. Он вовсе не бескорыстный соучастник. Он присоединяется к чему-либо, будь то политическая партия, церковь, братская организация или же одна из идиотских организаций, которые постоянно опустошают страну, поскольку присоединение дает ему чувство безопасности, делает его частью чего-то большего и более надежного, чем он сам, представляет ему шанс дать выход своим чувствам и энергии, ничем не рискуя»³⁸. Об «историческом американском импульсе следовать за толпой» говорил известный американский философ Дж. Сантаяна.

Конформизм предполагает более или менее добровольное подчинение определенным общепринятым социальным нормам, стандартам, схемам, принципам. Он льстит, подкрадывается, обманывает, угрожает. «По своей природе механизм конформистского поведения связан с эффектом группового давления на психику индивида, в том числе и через санкции отрицательного эмоционального отношения. Подобный эффект обладает достаточно большой силой воздействия, если учесть, что любой человек склонен так или иначе переживать нерасположение или отрицательное отношение к себе со стороны других людей»³⁹. В значительной мере конформизм — это путь обеспечения респектабельности тем, кто не уверен в том, что они в достаточной степени респектабельны в данной общности, принятия в которую они домогаются. «Нонконформизм других в глазах таких людей выглядит как легкомысленный вызов всему порядку вещей, частью которого они стремятся стать... Вообще требование конформизма становится одновременно выражением неприятия и средством демонстрации своей непогрешимости»⁴⁰.

Особенно наглядно это проявлялось в процессе «американизации» следовавших друг за другом поколений американских иммигрантов. Очутившись зачастую среди незнакомого социального окружения непривычных природных условий, иммигрант оказывался перед объективной необходимостью быстро адаптироваться — по крайней мере внешне — к общепринятым нормам и стандартам поведения. Уже в 1796 г. один гамбургский купец, путешествовавший по США, отмечал, что недавние иммигранты, прибывшие сюда из Европы лишь несколько

лет назад, уже трансформировались в американцев. Каждая новая волна прибывающих в Америку иммигрантов, утверждал он, изо всех сил старается следовать примеру своих соотечественников, которые уже успели превратиться в американцев. Процесс «американизации» еще более ускорился в ходе дальнейшего развития капитализма и особенно в конце XIX в.— начале XX в. с резким усилением волны «новой иммиграции» из стран Южной и Восточной Европы. Сам этот процесс американизации содержал в себе значительный элемент конформизма, поскольку новоприбывшие пытались как можно быстрее адаптироваться к тамошним условиям. С этой целью они во всем подражали коренным американцам в манерах поведения, на работе, в быту, одежде и т. д.

Интересны в этой связи наблюдения натурализовавшегося американца, еврея по происхождению, А. Кэхана, изложенные в книге «Восхождение Дэвида Левицки» (1917 г.). Он в частности, констатировал, что европейские иммигранты, которые прибывали в Нью-Йорк в 80-х годах XIX в., чувствуя свою отчужденность от общей массы американцев, стремились как можно быстрее «американизироваться», покупая общепринятые готовые фабричные одежды, делая «американскую» стрижку и приобретая всякого рода мелкие товары, считавшиеся неизменными признаками настоящего «стоцентного» американца. Принимая порой чисто внешние атрибуты «американизма», иммигрант стремился как можно скорее избавиться от не совсем приятного названия «иностранец» и как можно скорее завоевать право называться «американцем», поскольку от этого в основном зависело его социально-экономическое и политическое самоутверждение в новой стране.

Очевидно, что индивидуализм американского буржуа носит по своей сущности конформистский характер, что в его поведении и сознании индивидуализм и конформизм взаимодействуют, предполагают друг друга. Именно этим объясняется, кстати, еще одна существенная черта американского характера: приверженность всему «новому», «модерновому» и в то же время консерватизм, приверженность наличному, общепринятому, склонность к экстравагантному, стремление во что бы то ни стало хоть чем-нибудь да отличаться от всех остальных, но и не отставать от других, действовать как «все остальные».

IV. ИДЕЯ АМЕРИКАНСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Нередко формирование той или иной нации, ее вступление на общественно-историческую арену обосновывается ссылками на божественное провидение. В поисках аргументов часто обращаются к Библии, особенно на те ее места, где говорится, что бог не только правит миром, но и избирает из среды всех народов только один народ, на который он посылает свою благодать. Крайние формы этого мифа отводят другим народам и странам лишь роль фона, на котором разворачивается история богоизбранного народа. Если эти народы и страны случайны и преходящи, то избранный народ и царство вечны и непреходящи, поскольку они выполняют божественное призвание.

История древнего и христианского мира показывает, что идея величия и богоизбранности в тех или иных вариациях была присуща каждому сильному и восходящему народу.

Так, например, автор «Сказания о князьях Владимирских», рассказав о преемственности мировых монархий от древнейшего царства до Римской империи, выводит мировую власть от римского императора Августа. Согласно этому сказанию, Русь является наследницей всех древних мировых монархий, а Рюрик ведет свой род от римских императоров. Постепенно сформировалась идея Москвы как третьего Рима, как наследницы Рима и Константинополя. В наиболее законченной форме эта идея была сформулирована в посланиях старца Филофея. Так, в послании к Мунехипу он писал: «Мала некая словеса изречем о нынешнем православном царствии пресветлейшаго и высокостольнейшаго государя нашего, они во всей поднебесной единого христианского царя и браздодержателя святых Божник престол, святых вселенских апостольских церкве, иже вместо римской и константинопольской,

иже есть в богоспасном граде Москве, святого и славнаго Успения Богородицы, иже едина в вселенней паче солнца светится... два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти, уже бо на христианской церкви исполнился блаженнаго Давида глагол: „покой мой в век века: zde вселюся, яко изволих“»¹.

Следует отметить, что важную роль в освоении и покорении Русским государством новых земель, стран и народов сыграло православие, которое давало возможность русским противопоставить себя на Востоке мусульманам, а на Западе католикам, которые представляли угрозу их политическому и религиозному существованию. Хотя религиозные принципы никогда не преобладали в ущерб политическим, религия всегда использовалась для обоснования власти и притязаний сначала русских князей, а потом московских царей. Пропагандируя грандиозную концепцию, рассматривавшую Москву как «новый Вечный город, наследницу Рима и Константинополя», церковная иерархия постоянно предупреждала московских князей об их священном долге превратить Московию в «новую христианскую империю», при этом четко не определяя ее границы. Эта неопределенность в конечном счете послужила для оправдания многих экспедиций, организованных для подчинения нехристианских народов. В значительной степени русский экспансионизм стимулировался также династическими амбициями русских царей. Если на Запад они двигались в качестве духовных наследников византийских императоров, то на Восток они шли как наследники ханов той огромной Евразийской империи монголов, частью которых они некогда были.

В той или иной форме религия использовалась и другими имперскими государствами. С этой точки зрения не являются исключением и Соединенные Штаты Америки. С самого начала формирования американского национального сознания важнейшим его компонентом было убеждение в исключительности путей общественно-исторического развития Америки и ее роли в мировой истории. «Американский вариант мифа о *Heavenvolk* (высшей расе), — пишет современный буржуазный историк Т. Бейли, — сопровождал нас с первых дней основания колонии Массачусетского залива. Убеждение в том, что мы являемся избранным богом народом и обладаем божественным мандатом распространить наши благородные демократические институты по всему остальному погруженному во мрак миру, поощряло нас нести на себе

бремя белого человека на Филиппинах и всюду на рубеже XIX—XX вв. Мы, американцы, продолжаем верить, что являемся могущественной нацией не потому, прежде всего, что нас наделили чудесными природными ресурсами, а потому, что в наших генах было нечто врожденное, которое дало нам возможность стать великими. Этот комплекс превосходства усилил убеждение, что мы можем навязать нашу демократию неграмотным крестьянам на далеких рисовых плантациях, включая и вьетнамцев»².

Казалось, что сама природа и мировоззрение эпохи предназначили английские колонии в Северной Америке для «великого эксперимента». Подобно ранним утопиям, в воображении европейцев XVII—XVIII вв. Америка представлялась сказочным островом, отделенным от остального мира морями и океанами. Пуритане и другие ранние поселенцы надеялись найти здесь «обетованную землю» для практического осуществления истинного закона божия, для повторения истории Ветхого завета. Последователи Руссо XVIII в. видели в Америке арену для реализации естественных законов, свободных от влияния коррумпированных аристократических дворов и больших городов Европы, убежище для истинного философа и достойного человека.

Прибывшие на Североамериканский континент поселенцы из Европы оставили там свои дома в поисках лучшей жизни, в поисках места для осуществления своих вековых надежд о совершенном и справедливом обществе. Они надеялись, как утверждал один из руководителей американских пуритан первого поколения Э. Джонсон, создать «новые небеса и новую землю, новые церкви и новое государство одновременно». Все их эмоции, мечты, умонастроения и идеалы переносились на Америку. Пуританская церковь да и другие общины верующих, основавших колонии Плимут, Пенсильванию и др., носили сектантский характер. Секта, как правило, настаивает на своей исключительности и придерживается эсхатологического подхода к объяснению мира.

Как показывает Э. Тювесон, эта тема приобрела особую важность в середине XVIII в., когда протестантские теологи во главе с Дж. Эдуардсом переносили библейскую эсхатологию на повседневные события и достигла апокалиптического накала в период революции. Концепция «нации-спасительницы» сохранила жизнеспособность и воплотилась в ожиданиях наступления тысячелетнего царства перед Гражданской войной, в надеждах превра-

тить первую мировую войну в «войну для уничтожения всех войн», а также в убеждении американцев в последние десятилетия в том, что бог не только на их стороне, но и вручил в их руки саму «судьбу человечества».

Специфические взаимоотношения американского протестантизма и американской политики начинаются с так называемой договорной теологии. Дело в том, что протестанты XVII столетия считали себя наследниками договора Авраама, согласно которому Америка завершает собой длинную цепь поколений, восходящих к Аврааму, современным «избранным народом» или «новым Израилем».

Такая оценка имела ключевое значение не только для американского протестантизма, но и для американского национализма, поскольку концепция нации, вступившей в договорные отношения с самим Авраамом, стала составной частью различных версий американского национализма, включая «Американский век» Г. Льюса, отождествление Дж. Ф. Даллесом Америки с «свободным миром» и характеристику Р. Рейганом Америки как «сияющего града на холме».

Пуританские историки и духовные вожди представляли дело таким образом, будто пуритане и пилигримы пересекли океан, боролись против индейцев, осваивали дикую природу и т. д., преследуя ясную и осознанную цель претворить в жизнь постулаты божественного провидения. От успеха этого предприятия, по их мнению, зависело ни больше ни меньше как выполнение самой божественной воли. Взоры всего мира, говорил Дж. Уинтроп своим спутникам на борту «Арбеллы», будут обращены на пуритан, которые призваны создать «град на холме». Их примеру последует весь христианский мир. При этом в многочисленных памфлетах «поощрительного» характера того периода настойчиво проводилась мысль о религиозном долге колонистов распространить Евангелие среди язычников-индейцев. В определенной степени попытки пуритан обратить индейцев в христианскую веру рассматривались как модель для обращения «язычников» в самой Англии, т. е. приверженцев англиканской церкви, в свою веру. Именно в этом русле сформировалась первоначальная американская мифология, героями которой стали участники индейских войн и покорители дикой природы.

В конечном итоге пуританское мессианство вылилось в грандиозную религиозную философию истории и про-

Гресса, согласно которой Америка представляет собой высший этап развития человечества и последнюю лучшую надежду всех людей.

В глазах колонистов Новая Англия выступала связующим звеном между историей западного мира и будущей реализацией божественного плана для всего человечества. С завоеванием независимости вера в особую судьбу Америки стала важнейшим компонентом формирующегося американского национализма. В народной мифологии американская буржуазная революция оцеливалась не иначе как кульминационный пункт библейского «исхода». Новая республика рассматривалась как эксперимент, призванный создать институты для коренной перестройки и переделки мировой истории. Еще Т. Пейн в своей знаменитой работе «Здравый смысл» излагал идеи и концепции, которые давно циркулировали в колониях: отдаленность Америки от Европы, коррупция Старого Света и чистота Нового Света, абсурдность наследственных привилегий и возможность возникновения будущей американской империи — ни одну из этих идей нельзя назвать оригинальной. Новой, как правильно отмечает историк левой ориентации Е. Фонер была манера, в которой Пейн их сформулировал. «Пейн,— пишет Фонер,— трансформировал язык грядущего тысячелетнего царства в секулярный образ утопии в Новом Свете»³. К господствовавшему в тот период взгляду на американское прошлое как этап в процессе установления царства божия на Земле Пейн присовокупил идею о будущей судьбе Америки как родины свободы. Он был убежден в том, что американская революция совершена не только для самой Америки, но и для всего остального человечества.

«Свобода человечества и слава человеческой природы в руках „избранного“ американского народа,— писал в конце революции Дж. Адамс.— Божественное провидение предназначало Америке стать той ареной, где человек проявит свои истинные способности, где наука, добродетель, свобода, счастье и слава будут мирно сосуществовать»⁴. Характерно, что континентальный конгресс в 1782 г. рекомендовал начертать на государственной печати США слова «*Novus ordo seclorum*» — «новый порядок на века» — заимствованные у Вергилия. Обосновывая исключительное место Америки в мировой истории, Джефферсон в 1785 г. предлагал изобразить на государственной печати США сынов Израиля, идущих вслед за лучом солнца. Почти все отцы-основатели были глубоко убеж-

дены в том, что Америке уготована особая судьба, особая божественная миссия.

Смерть двух отцов-основателей Т. Джефферсона и Дж. Адамса в один и тот же день — именно 4 июля 1826 г., т. е. в день пятидесятилетия принятия Декларации независимости стала одним из драматических моментов в процессе утверждения американского национального самосознания. Как отмечает историк М. Питерсон, это событие стало «легендой республики», великая потеря нации по сути дела превратилась в ее триумф, закрепивший веру американцев в провиденциальную судьбу своей страны. Это удивительное событие, заявил тогдашний президент Дж. К. Адамс в официальной прокламации, подтверждает, что деятельность этих двух замечательных людей по созданию республики «направлялась небом» и поставило «новую печать» на убеждение в том, что нация находится под особым наблюдением провидения. «В этом уникальном совпадении, — продолжал Дж. К. Адамс, — отчетливо виден перст провидения! Оно освещает Декларацию независимости, как слово божие, и является радугой на небосклоне, которая обещает, что ее принципы будут жить вечно и распространяться по всему Земному шару»⁵.

Упрочению уверенности американцев в коренном отличии судеб их страны от остальных стран земного шара, в ее особой, провиденциальной миссии в определенной степени способствовали также европейские мыслители, государственные и политические деятели различных направлений, начиная от консерваторов и кончая революционными демократами. С самого начала Америка занимала особое место в европейской мысли. Уже фраза Америго Веспуччи «Mundus novus» («Новый Свет») содержала идею особого, нового мира. В своей «Утопии» Томас Мор один из первых выразил идею об омоложении, возрождении человечества, стимулированную открытием Нового Света. «Новая Атлантида» английского философа Ф. Бэкона вновь возродила интерес к преданиям об «исчезнувшем континенте» Платона.

Вольтер приветствовал республику У. Пенна в Пенсильвании, где, по его словам, терпимость, простота, естественная моральность и религиозность сделали жизнь завидной и прекрасной. Рейналь доказывал, что американские республиканские институты и любовь к свободе примирили критику цивилизации Руссо с защитой ее благ Вольтером. Французский государственный деятель и уче-

пый А. Тьюго в 1778 г. писал, что американский народ — «надежда всего человечества», который может стать образцом для всех остальных народов». Видные деятели немецкого просвещения Г. Лессинг, И. Гердер и Ф. Клопшток называли Америку «сторожевым постом человечества» на Западе.

Предполагалось, что нация, сознающая свою исключительность и особое место в истории, должна служить примером всему остальному миру. Поэтому, неудивительно, что уже «отцы-основатели» соединили идею новой нации и национализм с идеей экспансии на огромные просторы неосвоенных, так называемых «свободных» земель запада североамериканского континента. Независимость США и экспансия стали неотделимыми друг от друга компонентами американского национального сознания. Как пишет историк С. Стейнберг, «судьба Нового Света и „американская миссия“ превратились во взаимозаменяемые и взаимодополняемые элементы американского мира». Приверженность идее «американской исключительности» стала основой для различных вариантов американского национализма и шовинизма, основой «имперской» идеологии, которую правящие круги США превратили в руководящий принцип в сфере внешней политики. Уже в середине XIX в. попытки обосновать и практически реализовать идею о превосходстве и избранности Америки, ее миссии руководить миром были предприняты в так называемой доктрине «предопределения судьбы» или «явного предназначения». Само выражение «manifest destiny» («явное предназначение» или «предопределение судьбы») было впервые использовано в 1840 г. журналистом либерально-демократического толка Дж. О'Салливаном. В него составной частью вошли всемерно культивировавшиеся мифы о превосходстве и избранности Америки, проповедовавшиеся, начиная от пуританских вождей до «отцов—основателей», от первых поселенцев до идеологов экспансии на Западе, которые особенно активно распространялись в первые десятилетия XIX в. Сущность этой доктрины состоит в утверждении, будто судьба американского народа с самого начала предопределена самим богом и ему суждено стать образцом подражания для народов земного шара.

В тот период начал осуществлять свой грандиозный замысел по созданию всеобъемлющей истории США Дж. Бенкрофт. Подобно всем националистически ориентированным историкам он стремился сообщить читателю не

столько то, что действительно имело место, сколько то, как это, по его мысли, должно было случиться, излагая исторические события в логической последовательности, призванной обосновать национальную идею, деяния и славу нации. Националистическая историография стремится не только описать жизнь народа, но и способствовать ее формированию, изображать его историю как процесс выполнения предполагаемой национальной судьбы. Такая историография в действительности менее важна для получения самого исторического знания, чем для понимания образа, который та или иная нация создает о себе.

В более вульгаризированной и одиозной форме подобные идеи проповедовались историками-популярizаторами, а иногда и просто ремесленниками от истории. Примечательна, например, 12-томная работа историка первой половины XIX в. Д. Рамсея, опубликованная под красноречивым названием «Американизированная история мира».

Теория «предопределения судьбы» служила удобным орудием оправдания и обоснования территориальной экспансии Америки, поскольку утверждалось, что главная цель экспансии — распространение принципов американской демократии и ее благочестия на новые районы. Так, «во имя распространения равенства» О'Салливан призывал захватить Орегон, Калифорнию, Канаду, Техас, Кубу, Мексику.

В определенной степени концепция «явного предначертания» была разновидностью национализма, который в тот период и в Европе стремительно набирал силу. В ней были синтезированы специфически американские религиозные, политические и экономические идеи и концепции, а также библейские легенды и мифы о новом земном рае. Составной частью и одновременно продуктом доктрины «явного предначертания» явились также отдельные мифы об американском Западе как «райском саде». Следуя за джефферсоновской традицией, американцы того периода рассматривали движение на Запад, освоение новых земель и территориальную экспансию как путь расширения пределов «свободного общества» и претворения в жизнь доктрины «явного предначертания».

Идея американской экспансии как средства распространения принципов свободы и демократии не только объединяла «экономические и философские силы, создавшие империю», — пишет историк левых взглядов А. Уильямс, — но также породила психологический настрой, который сами участники движения быстро окрестили как „явное

предназначение «Америки вести и реформировать мир»⁶. Это в конечном итоге подготовило почву для превращения концепции «гала на холме» первых поселенцев-пуритан XVII в. в концепцию «мировой империи» и одновременно для утверждения чувства евангелической правоты Америки, поскольку ее экспансия на все новые районы мира представлялась выражением самой логики божественного провидения.

Особенно сильный толчок концепция «явного предназначения» получила во второй половине XIX в., когда США все глубже и неотвратимее вовлекались в водоворот общемировых событий. Более того, эта концепция пережила как бы второе рождение. При всех разглагольствованиях о грядущей «американской империи», о будущем мире, облагодетельствованном американскими «свободами» и «демократическими» принципами, под теорией «явного предназначения» до этого периода в основном подразумевалось «континентальное предназначение», т. е. распространение американской системы на весь север континента. Теперь же в ней все явственнее стали звучать новые нотки о долге США вести за собой весь мир, которые все более усиливались с ростом империалистических устремлений правящих кругов Америки.

Само за себя говорило, например, название книги «Новый Рим, или Соединенные Штаты мира», опубликованной в 1853 г. некими Т. Пеше и Ч. Генном. Они утверждали, что в ближайшем будущем США станут центром, вокруг которого все нации объединятся в единый народ. Автор многих учебников XIX в. У. Макгаффи в одном из изданий своей «Избранной хрестоматии» выражал уверенность в том, что США, подобно солнцу, окажут «славное влияние» на «страны Европы и дальше на азиатские империи».

Частью идеологии «американской исключительности» является принцип расовой сегрегации, или «этнического аристократизма», который практиковался правящими кругами США, чуть ли не с самого основания североамериканских колоний. В особенно крайних формах этот принцип проявился в рабстве негров, которое вплоть до 60-х годов XIX в. служило основой хозяйства на значительной территории страны. В оправдание рабства приводились доводы из Библии, истории Древней Греции и Древнего Рима, где якобы под присмотром своих благочестивых и потцовски любящих их хозяев рабы вели вполне сносную или даже счастливую жизнь. Более того, наука XIX в.

всячески легитимизировала культурный белый шовинизм. Еще до гражданской войны исследования, проведенные антропологом Дж. Мартоном и другими, якобы установили более низкие по сравнению с белыми умственные способности негров. По мнению некоторых ученых, различия настолько велики, что можно предположить отдельное происхождение белых и негров. Один южанин даже утверждал, что негры созданы до Адама и что змей в раю в действительности был садовником-негром. Воззрения относительно неполноценности негров получили особенно сильный импульс после гражданской войны в условиях широкого распространения социал-дарвинизма. Первоначально именно пример рабства негров в значительной степени способствовал формированию американского варианта идеи о «бремени белого человека». Негры-рабы в самой Америке служили как бы живым и наглядным воплощением превосходства англосаксонской расы над всеми остальными, «низшими» народами живущими на земном шаре.

Показательно, что только американцы из всех западных народов изобрели такой изуверский механизм институционализованного насилия в отношении представителей негров или иных расово-этнических групп как виджиянтизм, наиболее известными выражениями которого стали «суд Линча» и Ку-клукс-клан. Виджиянтизм или виджиянтистские движения, основанные на принципе отправления «правосудия» самими гражданами, возникли как реакция на типично американскую проблему: отсутствие эффективного закона и порядка в зоне «пограничья». Продвижение «границы» на Запад стимулировало возникновение сотен виджиянтистских движений. Главная их цель состояла в том, чтобы воссоздать в каждой новой пограничной зоне структуры прежних поселений с ценностями индивидуализма, неприкосновенности частной собственности, закона и порядка. Характерно, что руководящие позиции в виджиянтистских движениях занимали правящие круги. Они включали сенаторов и конгрессменов, губернаторов, бизнесменов. Начиная с колониальных времен, любая угроза существующим социально-политическим структурам встречалась официальным и неофициальным насилием со стороны сил, выступающих в защиту «закона и порядка». В условиях еще не сложившихся структур жизни на «границе», обострения расовых, этнических, социальных конфликтов «солидные» граждане объединялись в защиту порядка. Сначала объектом вид-

жилянтистских движений были разного рода правонарушители, но постепенно они приобрели политическую и националистическую окраску, виджилянтизм стал орудием защиты и насаждения американизма. В этом качестве виджилянтистские движения в разные периоды американской истории делали объектами нападок католиков, негров, евреев, иммигрантов, политических радикалов, профсоюзных лидеров и вообще нонконформистов всех мастей. Так называемые «пейтивисты», антимасоны, клаписты, антикатолики в XIX в. и многочисленные «суперпатриотические» организации вроде «общества Джона Бёрча» и «минитменов» в наше время использовали и используют различные формы насилия для утверждения «стопроцентного» американизма.

Еще в 90-х годах XVIII в. французский путешественник де Лянкур обнаружил, что в глазах американца «никто, кроме американцев, не имеет мозгов, что разум, воображение и гений Европы уже одряхлели». В учебниках по географии середины XIX в. с презрением говорилось о «ленивых и никчемных» народах Востока, о «неполноценных» латиноамериканцах и народах Европы, неспособных сбросить бремя своего прошлого и следовать американскому примеру. В учебниках по истории опускались многие столетия европейской истории. Греция и Рим давали героев для сравнения с Вашингтоном, а Ватерлоо и Аустерлиц, естественно, стояли значительно ниже Саратоги и Йорктауна.

С появлением во второй половине XIX в. расистских и социал-дарвинистских концепций теория превосходства американцев над другими народами получила «научное» обоснование». «Из всех современных рас,— писал историк Ф. Шафф,— англосаксонская и англо-американская раса обладает самым сильным национальным характером, который наилучшим образом пригоден для мирового господства»⁷. Буржуазный политический философ Дж. Стронг превратил кнплинговскую формулу «бремени белого человека» в «христианский долг» американцев. Историк и теоретик военно-морской науки А. Мэкен рылся в истории в поисках аргументов для обоснования морского превосходства США, историк Дж. Берджес восславлял американский национализм, а Т. Рузвельт размахивал «большой дубинкой» для утверждения американского господства. Дж. Фиске всерьез предсказывал в 1885 г. наступление в ближайшем будущем такого времени, когда все страны мира «станут английскими по языку, религии, своим поли-

тическим обычаям и в значительной степени по крови населяющих их народов».

Свидетельством огромной популярности в тот период в стране идей «явного предназначения» является то, с каким энтузиазмом принимались слушательской и читательской аудиторией выступления Д. Фиске, Д. Стронга и других популяризаторов идей англосаксонского превосходства, американского экспансионизма и мессианизма.

Война США против Испании в 1898 г. стала началом нового этапа в экспансии янки за счет Испанской империи или испаноязычных народов. Явно империалистический характер носила аннексия США Филиппин и их действия в бассейне Карибского моря и Центральной Америке.

Другими словами, после завоевания континента правящие круги США перенесли идею «предопределения судьбы» на весь остальной мир. Отождествляя свои моральные ценности с нормами, якобы пригодными для всего человечества, американцы стали претендовать на решение проблем всего мира. Постепенно чувство материального прогресса США, которое укреплялось по мере интенсификации их экономического развития, перешло в чувство морального превосходства Америки над всеми другими странами. В итоге в глазах «среднего американца» сила приобретает обличье добродетели.

Сравнительная легкость территориальной экспансии явилась результатом односторонних действий американцев, которые не встречали должного сопротивления со стороны внешних сил. Действуя против практически беззащитных индейцев и мексиканцев, правящие круги США достигали своих целей ценой незначительных финансовых издержек и человеческих жертв. Даже на рубеже XIX и XX вв., когда США вступили на мировую арену и включились в действительно большую мировую политику, они имели дело с уже ослабленной в военном отношении, недееспособной, разлагающейся Испанской империей. Война с последней дала Америке большие преимущества ценой незначительных потерь. Победы, подобные той, которую американский флот под командованием адмирала Дьюи одержал над испанским флотом в Манильском заливе, можно было интерпретировать как признак «божественного одобрения». В первую мировую войну США вступили почти «триумфально», провозгласив своей целью «спасение мира для демократии».

Из второй мировой войны Америка вышла признанным

лидером капиталистического мира. После окончания войны она взяла на себя роль самой могущественной капиталистической державы. Все это в совокупности способствовало формированию у правящих кругов США и американских буржуа комплекса превосходства над остальными странами и народами. Они объявили о наступлении «американского века».

Идея «американской исключительности» с самого начала включала в себя двойственные и порой противоречивые элементы. С одной стороны, она опирается на миссионерские идеи «возрождения всего человечества» в соответствии со сформулированными самими американцами принципами свободы, индивидуализма, демократии, а, с другой стороны, она предполагала изоляционизм, который на первый взгляд отвергал идею американской миссии. С одной стороны, американец принял убеждение, что США заложили основы прогресса, свободы и демократии не только самой Америки, но и всего человечества, что в силу этого ей предназначено и даже вменяется в долг помочь другим народам преодолеть бремя своей истории и идти по американскому пути. С другой стороны, он подвержен страху, что, если США вовлекутся в борьбу за претворение этих целей в жизнь, они подвергнут риску сам успех «американского эксперимента». Если изоляционизм означал лояльность в отношении Америки с целью продвижения дела свободы внутри страны, доктрина «американской миссии» предусматривала продвижение дела свободы в остальном мире.

Политическая по своей сущности, американская националистическая идеология родилась в борьбе за независимость американского государства. Она опиралась на универсалистские по своему характеру идеи Просвещения и классического гуманизма. В то же время в становлении американского национализма заметную роль сыграла протестантская идеология. При всей своей близкой связи с американской культурой протестантская идеология носила во многом сверхнациональный характер, подчиняя политические структуры и территориальные образования божественной воле. Любопытно, что сама идея американской нации, независимости и государственности в период революции обосновывалась абстрактными универсалистскими и во многих случаях космополитическими аргументами и идеалами о равенстве и братстве всех народов, справедливости, свободе и т. д. Такая трактовка национализма позволяла ставить знак равенства между Америкой и де-

лом мировой свободы, придавать ему миссионерскую форму в глобальном масштабе.

Характерно, что идея прав английского народа, под лозунгом которой американцы вели войну за независимость от Британской империи, постепенно была трансформирована в идею свободы всех людей, независимо от национальной принадлежности, в идею прав человека. Завоевав в результате войны за независимость право на самоопределение, как они его сами понимали, американцы признавали «неотчуждаемые права на жизнь, свободу и стремление к счастью» и за всеми остальными народами земного шара. В начале XX в. Б. Харрисон сформулировал американскую концепцию индивидуальных прав. «Сначала,— отмечал он,— мы говорили об английских правах и лишь недавно мы начали говорить о правах человека. То, что даровали короли и парламенты они могут взять обратно. И поэтому наши отцы были вынуждены апеллировать к общественному дару и распространить его на всех людей, поскольку бог сотворил всех из одной крови». Признание этих прав за другими народами предполагало их право на самоопределение и недопустимость вмешательства в их внутренние дела. Однако Америка часто нарушала эти принципы, если это отвечало ее интересам.

Культ «американской исключительности» всячески пахаждается и подогревается тщательно разработанной системой внедрения в сознание подрастающего поколения национальных традиций и мифов, легенд и т. д. Большую роль в этом отношении играют церковь и школа. Для проповедников почти всех религиозных деноминаций американская история служит важным источником тем проповедей, стоящим по своей значимости на втором месте после Библии.

Приверженность идее «американской исключительности» в сочетании с такими особенностями американского характера, как склонность к конформизму, героепочитанию, гигантизму, о которых говорилось выше, послужили той питательной почвой, на которой пышным цветом расцвели различные варианты американского национализма. Следует отметить, что в целом в политических и идеологических лозунгах правящих кругов США и в массовом сознании американского буржуа миссионерские и экспансионистски-империалистические компоненты выступают в неразрывном единстве, во многом дополняя друг друга. Однако в мировоззрении отдельных социальных групп

или отдельных политических и государственных деятелей один из этих элементов выдвигается на передний план. Например, в лозунге «Американский век», провозглашенном Г. Льюсом, экспансионистски-империалистические элементы доктрины «американской миссии» выступают в более или менее чистом виде. Льюс убеждал американцев в необходимости навязывания после войны всему миру американских идеалов и мощи. По его словам, преследуя свои частные интересы и интересы всего человечества, легионы американских капиталистов, учителей, врачей, агрономов и инженеров, поддерживаемых американской мощью, должны взять на себя бремя белого человека, неся с собой повсюду «стабильность» и «прогресс» американского образца.

Следует отметить, что идея «американской миссии» включала в себя и абстрактно-гуманистический, космополитически-демократический элемент, который время от времени проповедовался отдельными группами либерально-демократической интеллигенции. Они выдвигали различные идеи «американизации» мира, подразумевая под ней содействие установлению во всех странах буржуазно-демократических порядков американского образца. Так, в 1941 г., когда США вступили во вторую мировую войну, леволиберальные круги в коалиции Ф. Рузвельта объявили войну как бы на два фронта: с одной стороны, для расширения и углубления «нового курса» внутри страны и, с другой стороны, для претворения в жизнь программы, которую позже окрестили «новым курсом для всего мира». Г. Уоллес противопоставил «американскому веку» Г. Льюса свою программу «мировой народной революции», которую по его словам, Америка начала в 1775 г. в первых битвах против Британской империи у Лексингтона и Конкорда.

С самого начала составной частью формировавшейся в конце XVIII — первой половине XIX в. идеи американской нации стало убеждение в том, что само существование американской нации как единого целого зависит от сохранения и укрепления принципов социальной и политической организации, сформулированных при ее создании. А главное условие достижения этой цели видели в дистанцировании США от европейских конфликтов, политике невовлечения в какие-либо обязывающие союзы с другими государствами. Наиболее отчетливо такая позиция была сформулирована в так называемых прощальных посланиях президентов Дж. Вашингтона и Т. Джефферсона

и проводилась в жизнь почти всеми президентами от Дж. Адамса до Ф. Рузвельта, когда это отвечало интересам американской буржуазии. Следует отметить также, что теория изоляционизма с самого начала носила противоречивый характер. Отчасти это объясняется тем, что в основе своей она восходит к воззрениям столь разных политических и государственных деятелей, как Вашингтон и Джефферсон. Вашингтон предостерегал против вовлечения страны в постоянные союзы, в то время как Джефферсон в принципе возражал против любых союзов. Вашингтон говорил лишь о гибкости и необходимости сохранения способности маневрировать. Его возражения против вовлечения в длительные союзы, дружбу и вражду с другими государствами были вполне совместимы с классическими правилами европейской внешнеполитической практики XVIII в. По сути дела он проповедовал сугубо прагматический подход к внешней политике. Прав советский исследователь Г. А. Трофименко, считающий, что уже первый американский президент «исповедовал не изоляционизм, а «просвещенный эгоизм», не концепцию «замыкания на Североамериканском континенте», а принцип свободы маневра, при котором всякий союз с иной державой должен рассматриваться как временный, т. е. соблюдаемый США лишь до тех пор и постольку, пока и поскольку Соединенные Штаты с помощью такого союза могут продвигать собственные интересы.

Джефферсон высказывал свои опасения по поводу того, что вовлечение США в дела других стран может ограничить американские свободы. Поэтому, как правильно отмечает Н. Д. Марковиц, можно выделить по сути дела две «изоляционистские» традиции, восходящие соответственно к Вашингтону и Джефферсону. В 20—30-х годах XX в., например, первой придерживались консерваторы и националисты вроде Г. К. Лоджа и А. Ванденберга, а второй — либералы, пытавшиеся ограничить вовлечение США в иностранные дела с целью поддержания внутренних приоритетов. По-видимому, не случайно то, что некоторые из сторонников «нового курса», такие как С. Чейз, Ч. Бирд, Дж. Фрэнк и др., высказывались против вступления США во вторую мировую войну, выдвинув изоляционистский лозунг «Америка прежде всего».

Но в целом как изоляционисты всех оттенков, так и универсалисты, империалисты и интервенционисты являются сторонниками концепции особой роли Америки в мире, расходясь между собой лишь в акцентах и способах

достижения целей американской буржуазии, а не в принципе.

После второй мировой войны тема американской исключительности активно разрабатывалась представителями так называемой консенсусной школы в историографии, политологии и социологии. Суть основных доктрин и концепций консенсусной школы состоит в идее «согласованности интересов» всех американцев, «бесконфликтном» развитии американской общественно-политической системы и непрерывной преемственности истории США.

Наиболее типичными представителями консенсусной школы в американской историографии и политологии являются Д. Бурстин, Л. Харц, С. Хантингтон и др. В. Бурстин предпринял попытку проследить связь характера и содержания государственно-политических и правовых институтов Америки с формами социальной жизни, с умонастроениями, господствовавшими в различных слоях общества в различные исторические периоды, историческими и географическими особенностями Североамериканского континента. Как утверждает Бурстин, в отличие от Европы, где борьба происходит между различными идеологиями, в Соединенных Штатах Америки имеет место столкновение двух партий, которые в принципе одинаково смотрят на общество, расходясь лишь в средствах достижения сохранности и стабильности этого общества. Такая двухпартийная система в сфере политики и отсутствие какой-либо господствующей государственной религии, по его мнению, является отражением «фундаментального согласия» между различными частями американского общества⁹.

В основе рассуждений Бурстина лежит понятие «данности» («givenness»), которое, по его мнению, определяет характер общественно-политических институтов Америки. Причем, само это понятие социально-психологический феномен, порожденный историко-географическими особенностями Североамериканского континента и особым пуританским духом отцов-основателей. В этом понятии автор выделяет три компонента.

Во-первых, говорит он, Америка получила свои ценности в качестве дара от прошлого, поскольку «самые первые поселенцы или отцы-основатели снабдили наш народ уже при своем рождении совершенной и законченной теорией, соответствующей всем нашим пущам в будущем». Во-вторых, Америка получила свои ценности в качестве дара от настоящего, поскольку «наша теория всегда им-

плицитно присутствует в наших институтах» или, иначе говоря, «американский образ жизни» в каждый данный момент питает «американский образ мысли». В-третьих, «непрерывность и гомогенность» американской истории, характер «исторического опыта» Америки, заявляет Бурстин, «заставляет нас рассматривать наше национальное прошлое как непрерывный континуум похожих друг на друга событий в том смысле, что наше прошлое незаметно перерастает в наше настоящее»¹⁰.

Все это, по Бурстину, обуславливало то, что американцы рассматривают свой исторический опыт как единое целое. При этом, по его мнению, «отдельные аспекты этого опыта — частное и общественное, религиозное и политическое ... „существующее“ („is“) и „должное“ („ought“), мир фактов и мир воображаемого, мир науки и мир морали, которые всюду резко отличаются друг от друга, здесь (в Америке), кажется, проникают друг в друга». «Если бы мы могли понять идеи первых поселенцев — отцов-пилигримов или отцов-основателей, — утверждает он, — то мы нашли бы в них не просто философию правительственного управления XVII или XVIII веков, а совершенную теорию в зародыше, теорию, которою мы в настоящее время руководствуемся. Поэтому мы убеждены в том, что зрелые политические идеалы нации существовали в ясном виде в мыслях наших предков, т. е. пуритан»¹¹. Если так, заявлял он, то Америка не нуждается в политической философии, поскольку сама ее история и общественно-политические институты содержат философию, адекватную для всех случаев.

«Истинная задача гражданина и государственного деятеля, — заявляет он, — заключается скорее в сохранении и реформировании, чем в изобретении новых институтов»¹². Поэтому любая философско-политическая доктрина, согласно Бурстину, должна представлять собою не руководство к действию, не «проект создания новых общественных и политических институтов», а всего лишь их «рационализацию», т. е. констатирование факта их наличия и того, что они функционируют в каждый данный период времени.

Большой популярностью в американской историографии и политологии пользуется так называемая концепция «либерального консенсуса» профессора Гарвардского университета Л. Харца, который использовал метод сравнительного анализа американского национального сознания и общественно-политической системы с общест-

венно-политическими системами других стран. Для сравнения он берет страны Латинской Америки, Канаду, Австралию, Южную Африку и др., при этом рассматривая их как продолжение истории социокультурных и общественно-политических традиций Европы.

Согласно Харцу, в Европе на всем протяжении ее истории действовал незаметно протекавший «процесс заражения», сущность которого, по его мнению, заключается в следующем. Вступая во взаимодействие и борьбу друг с другом, различные идеологические системы в Европе порождали новые идеологические системы, во многих своих аспектах «зараженные» элементами старых, породивших их идеологий. Включаясь в эту борьбу, они, в свою очередь, способствовали зарождению новых идеологий.

Так, утверждает Харц, на почве феодализма в Европе возник «вигизм» со своими «либеральными формулировками», последний породил «якобинизм», который, в свою очередь, подготовил почву для возникновения социализма и марксизма. В результате ни у одной из этих идеологий не остается «свободы развития». Та или иная идеология могла получить свободу лишь отделившись от европейского общества и переселившись на новую почву, свободную от каких бы то ни было иных идеологий. Причем, отделение от европейского общества какой-либо идеологии, или, как говорит Харц, «фрагмента» этого общества на определенном этапе его истории имело роковые последствия для последующей истории этого «фрагмента». Покидая Европу, «фрагмент» резко порывал с процессом «европейского заражения» на том этапе европейской истории, на котором он ее покидал, при этом он нес в себе отдельные фазы «европейской революции». Так, «фрагмент», из которого впоследствии образовались Соединенные Штаты Америки, отражал пуританскую фазу этой революции, а «фрагмент», служивший основой Австралии — ее «фазу чартистского радикализма»¹³.

Прервав процесс «заражения» и прибыв на новое место, «фрагмент» теряет стимул к переменам и переходит в состояние «неподвижности». Именно это состояние «неподвижности», согласно Харцу, определяет процесс превращения «фрагмента», бывшего раньше лишь отдельной частью европейского общества, в целое, т. е. процесс превращения группы переселенцев в самостоятельную нацию, а идеалов, принесенных этой группой, — в национальную идеологию. Одним словом, проис-

ходило как бы «бегство от истории», т. е. потеря «фрагментом» памяти о прошлом, когда он был частью европейского феодального общества, и «фиксация состояния неподвижности, где действовала одна — единственная идеология»¹⁴.

Так Соединенные Штаты Америки, этот фрагмент Европы, отколовшийся от нее в период «пуританской революции» были основаны английскими пуританами, убежавшими от феодализма Стюартов, на принципах пуританского протестантизма. Первые переселенцы, будучи в Англии, могли мириться со статусом части целого английского общества, но здесь в Америке быть только частью для них становится невыносимым. Поэтому перед переселенцами возникает проблема «самоопределения», превращения уже самих себя из «части» и «целое». Объединяющим началом для этого «самоопределения» послужил пуританизм, «иррациональный локковский либерализм», превращенный «социальными идеологами» в «новый национализм», «новый национальный дух», в более великое, чем «что-либо до сих пор известное» — «американизм».

Таким образом, «американский фрагмент» (как и «фрагменты» франко-канадцев, англо-канадцев, африканеров, австралийцев) развивает собственную, присущую только ему традицию «нового национализма», радикально отличную от «европейского национализма», поскольку она возникает, действует и развивается при отсутствии враждебных ей идеологий, способных бросить ей сколь угодно серьезный вызов. Причем этот новый национализм складывается в процессе «американизации» нового общества и членов этого общества, в процессе становления «американского демократа». В отличие от «федералистов» и «вигов», «американский демократ» специфически американское явление. Его нельзя объяснить и в терминах «европейской мелкой буржуазии» и отождествлять с «континентальными (европейскими) лавочниками Маркса и Энгельса», утверждает Харц. В отличие от «европейского мелкого буржуа», который якобы состоял из мелких торговцев и лавочников, «американский мелкий буржуа», «американский демократ» сложился из тех групп, которые в Европе стояли вне «мелкой буржуазии»: крестьянина, «трансформировавшегося в капиталистического фермера», и рабочего, переродившегося в предпринимателя. Америка расширила и трансформировала европейского мелкого буржуа, синтезировав лич-

ность, воплотившую в себе черты «крестьянина», «пролетария» и «южного аристократа».

Создав «американского демократа» на такой широкой социальной базе, Америка уничтожила и те опоры, на которые опирались отдельные его компоненты и создала «психологическую» основу, единую для всех «американских демократов». Необходимым следствием этого, по Харцу, явилось исчезновение прежнего разнобоя в мыслях, идеях, стремлениях и возникновение единства воли всех американцев. Иначе говоря, возникает не просто Геркулес, а Геркулес с мозгом Гамлета и «геркулесовская сила» Америки в результате этого стала направляться «гамлетовским умом» в русло «всеобщей воли» Америки.

Вот почему, по мнению Харца, невозможно объяснить американскую историю в европейских терминах раскола общества на противоположные классы, непримиримых противоречий и неизбежных конфликтов между различными классами и общественными группами. Американцам нравилось свое прошлое, и это знакомое им прошлое создавало в них «мистическое чувство руководства божественного провидения». К началу XX в., считает Харц, при всех разногласиях между различными группами по тем или иным социально-экономическим вопросам, в культурном отношении американское общество было едино как никогда раньше поскольку в его основе лежал «американский национализм» — этот новый «исторический абсолютизм». «Абсолютистский характер» этого национализма определялся тем фактом, что он не «аргумент, требующий доказательств, а эмоция», которая основывается не на доказательствах, а чувстве.

По словам С. Хантингтона, своеобразие и исключительность американского национального самосознания заключается в том, что оно имеет определенную доктринальную основу — «американизм», который сопоставим с другими идеологическими и религиозными системами, тогда как в приложении к любой другой нации невозможно выделить некий «изм», имеющий то же значение в определении ее исторической индивидуальности¹⁵.

Отождествление самосознания нации с политическим кредо, по Хантингтону, превращает США в уникальное государство: американская политика в отличие от политики в западноевропейских странах не знала столкновений между идеологиями, выражающими интересы «горизонтальных» общественных формирований или социаль-

ных классов, и национализмом, выражающим интересы «вертикальных» формирований или этнических и лингвистических групп. По той же причине исторический политический опыт американцев гораздо скромнее политического опыта других наций: политические идеи и убеждения, не согласующиеся с американским кредо, в американском обществе и в американском сознании пребывает «где-то на задворках», а за два столетия существования американского государства конституция и форма правления, принятые в момент его образования, ни разу не подвергались кардинальному пересмотру, тогда как в ряде западноевропейских стран конституция и форма правления за этот же период изменялись неоднократно.

Несмотря на расплывчатость и абстрактность американских идеалов и ценностей, они продемонстрировали в XX столетии свою огромную жизнеспособность и относительно безболезненную приспособляемость к потребностям сменяющих друг друга поколений. Постоянные же социальные перемены в США подчеркивают лишь их неизбежность. Различные социальные и этнические группы США, по мнению Хантингтона, должны стремиться к восстановлению, активизации и укреплению веры в эти ценности с тем, чтобы содействовать своему доступу к благам американского общества.

В воспроизводстве и распространении от поколения к поколению идеи американской исключительности важную роль играют такие институты социализации, как семья, церковь, община, школа, система образования в целом, важнейшие символы, атрибуты нации и государственности, политическая культура и т. д. Большое значение в утверждении и популяризации идеи американской исключительности имеют и средства массовой информации. Еще в 30-х годах XIX в. она была сформулирована известным в тот период журналистом Дж. О'Салливаном. Вслед за идеей американской исключительности газетным магнатом Г. Льюсом была выдвинута идея «американского века» которая пропагандировалась через ведущие органы его издательской империи, — журналы «Форчун», «Лайф», «Тайм». Вскоре к ним присоединилась вся индустрия средств массовой информации от местных газет до общенациональных радиотелевизионных корпораций-гигантов Си-би-эс, Эн-би-си, Эй-би-си.

Говоря об исключительности и особом пути общественно-политического развития США, многие исследовате-

ли среди прочих причин выделяют устойчивый иммунитет американского национального сознания к идеям марксизма, социализма и особенно коммунизма. Следует отметить, что США стали одной из первых капиталистических стран, в которых возникли рабочие политические партии. Начиная с последней четверти XIX в. США превратились в арену борьбы рабочего класса против капитала. В конце XIX — начале XX вв. здесь развернулось широкое рабочее движение, приведшее в частности к образованию довольно влиятельного профсоюзного объединения Американская федерация труда. К тому же времени относится формирование американского социалистического движения, которое в период до первой мировой войны пользовалось довольно широким влиянием. О размахе классовой борьбы в США свидетельствует хотя бы тот факт, что именно американский пролетариат подарил миру международный праздник солидарности трудящихся 1 Мая.

Однако несмотря на это Америка является все же одной из немногих стран Запада, где нет массовой социалистической партии с парламентским представительством на общенациональном уровне. Сложилось в некотором роде парадоксальное положение, когда социалистическое движение в принципе оказалось сравнительно слабым в самой развитой капиталистической стране. Во многом основываясь на этих фактах, уже со времен А. де Токвиля постепенно утвердилось убеждение о неудаче социализма в США в силу исключительности условий их исторического развития и особенностей американского национального сознания. Согласно этой точке зрения, политическая интеграция рабочего класса в существующую систему была предопределена уже до самого его рождения в силу сущности американской общественно-политической системы, характеризующейся отсутствием феодальных институтов, господством локковской либеральной традиции, наличием «грашцы», служившей в качестве «предохранительного клапана» для недовольных и т. д. Подобное обстоятельство препятствовало возникновению каких бы то ни было радикальных идеологических конструкций, призывающих к изменению существующего строя. Так, еще в 1867 г. редактор популярного и влиятельного журнала «Нейшн», который продолжает выходить и в настоящее время, Э. Л. Годкин пытался объяснить, почему, несмотря на волну стачек, в США отсутствовало «интенсивное классовое чувство», которое так

характерно, например, для Великобритании. В Европе, утверждал Годкин, трудящийся человек, участвующий в забастовке, не просто работник, который желает получить больший заработок, а «член определенного четко очерченного сословия в обществе», вовлеченного в борьбу с другими сословиями. В свою очередь, его «паниматель — не просто капиталист», а «член враждебного класса». Иное положение сложилось в США, где социальная линия разграничения между рабочим и капиталистом едва различима. Большая часть работодателей в прошлом была наемными работниками, а значительное число рабочих стремилось стать капиталистами. В случае же неудачи продвинуться вверх по социальной лестнице американский рабочий мог попытаться счастья на «границе», осваивая «свободные» земли¹⁶. Все это, согласно Годкину, притупляло социальные антагонизмы между буржуазией и рабочим классом и стремление последнего к изменению существующей системы.

Наиболее завершенную форму эта мысль получила у немецкого политэкономиста XIX — начала XX в. В. Зомбарта. В своей статье «Почему нет социализма в Соединенных Штатах» Зомбарт поставил вопрос: «действительно ли верно утверждение, что в Соединенных Штатах нет „никакого социализма“, в частности — никакого „американского“ социализма?»¹⁷ и ответил на него так: «Нельзя не признать, что утверждение: американский рабочий класс держится в стороне от социализма, в значительной степени правильно»¹⁸. Зомбарт объяснял это такими факторами как подвижность классовой структуры и линии разграничения классов, «открытая граница», которая способствовала такой подвижности, экономическое изобилие и неуклонное повышение жизненного уровня. Другими словами, Зомбарт приписывал неудачу американского социализма «успехам американского капитализма».

Эти идеи получили дальнейшее развитие в работах американского буржуазного политэкономиста начала XX в. Э. Перлмана. В книге «История тред-юнионизма в Соединенных Штатах» он делал особый упор на тезисе Зомбарта о подвижности классовой структуры американского общества, о наличии в США «возможностей для каждого трудящегося общества покинуть свой класс и организовать собственное дело»¹⁹. Перлман вслед за А. де Токвилем и В. Зомбартом подчеркивал фактор существования в США «демократической» буржуазии и от-

сутствия «старого режима», которые мешали ремесленникам и рабочим конституироваться в качестве самостоятельной политической силы.

На протяжении всего XX столетия, особенно после второй мировой войны, в разных вариациях и аранжировках эта идея разрабатывалась буржуазными обществоведами и пользовалась популярностью в массовом сознании. Особенно настойчиво она разрабатывалась такими известными обществоведами, как Л. Харц, С. М. Липсет, С. Хантингтон и др.

Отсутствие в Америке феодальной, реакционной идеологической традиции и трансформация «европейского мелкого буржуа» в условиях Америки за прошедший период ее истории в «американского мелкого буржуа», по Харцу, является гарантией сохранения либерального характера американского общества и американских реформистских движений, стало быть, и гарантией против возникновения социалистической идеологии. Как утверждает Харц, «скрытые корни социалистической мысли всюду на Западе следует искать в феодальном характере западного общества. Старый режим воодушевил Руссо, и оба они вместе — Маркса». Америка же, утверждает Харц, «не имея феодальной традиции», «не имела также и социалистической традиции, ...не имея своего Робеспьера, она не имела и Мэстра, не имея своего Сиднея, она не имела и Карла II»²⁰.

Несколько по-иному данный тезис обосновывается американским политологом С. М. Липсетом. По его словам, социалистическое движение легче формируется в обществе, где господствуют консервативные ценности, нежели в обществе с «эгалитарными» либеральными традициями, не только в силу того, что в первом случае есть противник, которого легко распознать, но также в силу близости между консервативными, аристократическими ценностями, признающими законность государства, и стейтистскими ценностями социализма. В Америке же, утверждает Липсет, «эгалитарная традиция связана с идеей индивидуализма и антистейтизма, а не с идеей коллективизма или планирования. Поэтому стремление навязать стейтизм эгалитарной либеральной традиции казалось многим американцам попыткой ввести своеобразный реакционный европейский принцип». Как считает Липсет, базовые ценности равенства и успеха, которые американцы унаследовали от пуританской и революционных эпох обусловили слабость классового сознания американ-

ского рабочего класса, он по сравнению с рабочим классом европейских стран главным образом ориентировался на индивидуальный успех и равенство и поэтому не был склонен рассматривать себя как представителя определенного класса. Не затрагивая вопрос об обоснованности или необоснованности тех или иных аргументов и доводов рассмотренных авторов, отметим здесь то, что они в принципе правы, говоря о слабости американского социализма.

В США в силу целого комплекса социально-экономических, демографических и общественно-исторических факторов главенствующая роль в формировании национального сознания и культуры принадлежала буржуазии. Процесс выделения пролетариата из преобладающей мелкобуржуазной массы фермеров и отчасти ремесленников как самостоятельного класса, сознающего свои особые интересы, по сути дела по-настоящему начинается лишь после Гражданской войны 1861—1865 гг. Это объясняется главным образом тем, что история США вплоть до конца XIX в. характеризовалась экспансией американского буржуазного государства на бескрайних просторах «свободных» земель огромного Североамериканского континента. Как известно, одним из главных условий возникновения рабочего класса является «экспроприация», отчуждение значительных слоев населения от земли, собственности, средств производства. Именно экспроприация в широких масштабах крестьянства на заре нового времени, как писал Ф. Энгельс, «положила начало современному классу наемных рабочих, которые не владеют ничем кроме своей рабочей силы и могут жить, только продавая эту рабочую силу другим»²¹.

Индустриализация пришла в Европу до того, как рабочие получили право голоса. А в США всеобщее право участия в голосовании всего мужского населения стало установившейся нормой до того, как индустриализация приобрела широкий размах. Америка обладала практически неограниченными возможностями для своего развития вширь и вверх. В процессе экспансии на безграничные просторы «свободных» земель американские поселенцы осуществляли экстенсивное воспроизводство частнособственнических отношений. Происходило нечто совершенно иное по сравнению с тем, что имело место в Англии. Количество владельцев земли в Америке вплоть до конца XIX в. не только не уменьшалось, а, наоборот, неуклонно росло. В некотором смысле шел про-

цесс, казалось бы, обратный тому, который требовался для формирования двух основных классов капиталистического общества — пролетариата и буржуазии. Налицо в некотором роде парадоксальная ситуация, когда в стране, где пережитки феодализма были весьма слабы и в силу этого становление и развитие капитализма протекало, так сказать, в чистом виде, становление класса буржуазии и особенно вычленение пролетариата как самостоятельного класса происходило замедленными темпами и носило весьма сложный и противоречивый характер. Примечательно, что Америку первой половины XIX в. К. Маркс характеризовал как общество, где классы, специфичные для буржуазной системы, «еще не отстоялись и в непрерывном движении постоянно обновляют свои составные части и передают их друг другу»²².

Что касается рабочего класса США, то вплоть до первых десятилетий XX в. он находился как бы в состоянии постоянного «обновления». Через более или менее длительный период времени часть прибывших в Америку неквалифицированных рабочих или же их потомков получала квалификацию. Новая волна иммиграции доставляла новые партии неквалифицированных рабочих. В определенной степени каждая волна иммиграции как бы подталкивала предшествующую волну «наверх», создавая барьер единству рядов трудящихся. Существовал и языковой барьер между рабочими разных национальностей. Трудности общения обусловили тот факт, что новоприбывшие иммигранты зачастую составляли национальные или языковые группы или же присоединялись к уже обосновавшимся здесь национальным группам. Национальная неоднородность американского пролетариата, существование между различными группировками американского рабочего движения расово-этнических, культурных, религиозных и иных противоречий, особенно на первых этапах его истории, стали фактором, в значительной степени тормозившим процесс формирования классового самосознания и чувства социально-политической и общественно-психологической общности. К тому же географическая и профессиональная мобильность, характерная для американских трудящихся, служила в некотором роде эквивалентом социальной мобильности, притупляя или задерживая формирование у пролетариата США классового сознания.

Базовые ценности равенства возможностей и успеха, вытекающие из «американской мечты» и концентрирую-

ние внимание на индивидуальной ответственности за успех или неудачу, способствовали тому, что американский рабочий порой был склонен рассматривать свой низкий социальный статус как результат собственных недостатков. Примечательно, что, хотя по многим данным, масштабы вертикальной мобильности представителей рабочего класса в США фактически немногим отличались от масштабов в других индустриально развитых странах Запада, вера в возможность достижения неограниченного успеха, будто открытого всем американцам, служила фактором, сдерживающим потенциальные социально-классовые конфликты и широкое распространение в стране радикальных, в том числе социалистических, общественно-политических установок.

Пребывание на фабрике, заводе многие рабочие часто рассматривали как временное состояние, необходимое для накопления сбережений, покупки в дальнейшем земли и обзаведения собственным хозяйством. Некоторой части рабочих удавалось осуществить на практике свои мечты, а подавляющая масса до конца жизни так и не могла претворить их в жизнь. Но тем не менее часть рабочих так и не смогла избавиться от мелкобуржуазных иллюзий о наличии в Соединенных Штатах равных шансов на успех, равных для всех возможностей продвигаться вверх по социальной лестнице, открыть свое собственное дело.

Определенный ущерб делу создания в США сколь-нибудь дееспособной радикальной рабочей партии нанесли и зигзагообразные изменения позиций американских коммунистов в отношении к социалистической партии и политики Ф. Д. Рузвельта.

Вместе с тем в ходе длительной классовой борьбы рабочий класс США вырвал у буржуазии ряд крупных экономических и политических уступок, что в определенной мере служило питательной почвой для иллюзий о возможностях разрешения в рамках капиталистической системы всех проблем трудящихся. Живучести подобных иллюзий способствовало и то обстоятельство, что в периоды более или менее глубоких изменений в социально-экономической структуре страны наиболее дальновидные представители американской буржуазии выдвигали программы реформ, призванные нейтрализовать пробуждающееся классовое сознание пролетариата посредством удовлетворения наиболее насущных требований. Все это способствовало тому, что, как говорил еще Ф. Энгельс,

«буржуазные предрассудки крепко засели также и в рабочем классе»²³.

На редкость благоприятные условия развития капитализма на территории США привели к укоренению представления о том, что главной движущей силой довольно быстрого выдвижения Америки на роль ведущей капиталистической державы было прежде всего частное предпринимательство в его ничем не стесненном «классическом» виде. В США морально-этические ценности и идейно-политические установки, ассоциируемые с капиталистической системой, сформировались и утвердились в наиболее завершенной и «чистой» форме. В некотором роде они стали интегральной частью американской национальной психологии. Поэтому неудивительно, что широкие слои рабочего класса США приняли и усвоили теорию американской исключительности и созданной на ее основе концепции «американского века».

Однако следует учесть, что в последние три десятилетия статус теории американской исключительности в сознании широкой публики нельзя оценить однозначно. В силу целого комплекса внутри- и внешнеполитических факторов, которые будут подробно проанализированы в последней главе данной работы, уже к началу 60-х годов стало очевидно, что «американскому веку» пришел конец. В последующие годы это осознание приходило ко все более растущим слоям населения. В результате в 70-х годах, как отмечает А. И. Никитин, «впервые в американской истории широко подверглись сомнению представления об „американской исключительности“ и существовании какой-либо особой „американской миссии“». Распространились суждения, что американская цивилизация уже миновала период своего взлета и теперь преисполненная неуверенности, пессимизма и беспокойства американская нация становится свидетелем крушения „американского века“, отставания Америки от других стран по многим параметрам, утраты не только качеств „державы номер один“, но и вообще превращения Соединенных Штатов во второсортную державу», в «вызывающего жалость беспомощного гиганта»²⁴.

Отражая эти умопастроения, в 1975 г., накануне 200-летнего юбилея независимости США известный социолог Д. Белл объявил о «конце американской исключительности». В статье под таким названием, опубликованной непосредственно за поражением во Вьетнаме и уотергейтским скандалом, Белл сетовал на то, что амери-

канцы более не верят в то, что их страна наделена уникальной моральной ролью в мировых делах. «Ослабление мощи и потеря веры в будущее нации», писал Белл, превратили США в «такую же как и все другие страны»²⁵. Под флагом преодоления «комплекса поражения, неудач и кризиса» многие представители интеллектуального истеблишмента стали подвергать острым нападкам все формы социального критицизма внутри страны. Например, в книге «Реальная Америка» Б. Уоттенберг обвинял авторов критических высказываний в адрес США «в распространении психологии пораженчества и национальной неполноценности, в идейном разоружении и моральной дезорганизации рядовых американцев. Он стремился внушить читателям, что настроения недовольства якобы свойственны в США лишь узкой прослойке левых «интеллигентов» и критиканов, создавших моду на критику, и тех безответственных журналистов и политиков, которые стали следовать этой моде»²⁶. «Господствующая сегодня риторика,— писал он,— это риторика неудачи, вины и кризиса. Объективные же данные говорят о прогрессе, экономическом росте и успехе»²⁷.

В период президентства Р. Рейгана Америка как бы снова обрела веру в себя. «Пламя американского патриотизма,— писали политологи Т. Дэвис и С. М. Линн-Джоунс,— которое потускнело и еще мерцало после Вьетнама и Уотергейта, горит так же ярко как и всегда и даже скандал с продажей оружия Ирану, кажется, не способен снова ослабить его»²⁸. Положительно оценивая этот факт, Дэвис и Линн-Джоунс считали, что идея американской исключительности не только провозглашает уникальность и особые достоинства Соединенных Штатов, но и поднимает Америку на более высокий, чем другие страны, моральный уровень.

Размахивание звездно-полосатыми флагами стало неизменным атрибутом всех политических и общественных мероприятий. Примечательно, что в 1984 г., который журнал «Экономист» характеризовал как «год патриота», Американская ассоциация адвокатов, отличающаяся, как правило, сдержанностью и элитизмом, раздала участникам своей конференции в Чикаго более 1 тыс. флажков для выставления на столах во время заседаний. Только на покупку таких флажков по случаю своего общенационального съезда в июле того года демократическая партия израсходовала около 30 тыс. долл.²⁹ Комментируя эти умонастроения, журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд ри-

порт» констатировал: «Занись в армию и продажа флажков процветают. Люди без смущения поют национальный гимн. После многих лет забвения любовь к Америке вновь входит в моду»³⁰. Об атмосфере шовинизма, порождаемой этой любовью к Америке свидетельствовали к примеру, большая популярность надписей-лозунгов на нагрудных значках вроде «Америка — люби ее или покинь ее!», «Долой мировое общественное мнение. Америка прежде всего!» и др.

Слепой «патриотизм» и шовинизм зачастую проявлялись в самых неожиданных формах, по поводу событий, которые, казалось бы, не имеют прямого отношения к политике. Как писал, например, журнал «Тайм» в номере от 10 марта 1980 г. импульс «нового патриотизма» в наиболее кристаллизованной форме проявился в ажиотаже американцев по поводу победы на зимней Олимпиаде того года хоккейной команды США над советской командой. «Это, — продолжает журнал, — была, конечно, только игра в хоккей, она не оказывала никакого влияния на американскую внешнюю политику, престиж или власть в мире. Но тем не менее это был настолько драматический и символически волнующий момент, что американцы буквально взорвались спонтанной, детской радостью. Нация ударилась в маленькие оргии размахивания флагами и пения гимнов. На супермаркете „Стоп энд шоп“ в Кэмбридже (Массачусетс) репродуктор неожиданно вышалил, что команда Соединенных Штатов побила Советы. Супермаркет взорвался, корзины с продуктами, бумажные кульки, все что было в руках, полетело в воздух, сопровождаемые оглушительными криками радости. Один психиатр рассказывал о своих пациентах, которые говорили ему, что в течение многих дней они не могли сдерживать слез, когда думали о тех американских парнях». Комментируя эти и подобные факты, «Тайм» сделал вывод, что американский патриотизм вырождается в грубую форму национального самовозвеличивания»³¹.

Примечательно, что в националистическом угаре сугубо политические события и явления переносились в плоскость спорта. С этой точки зрения интерес представляет оценка консервативным публицистом Дж. Уиллом реакции американской публики на возвращение заложников из Ирана. Он писал: «за кризисом, который начался из-за слабости (Америки — автор.), продолжался из-за замешательства и неразберихи и завершился вымогательством, последовала национальная истерия самооб-

мана, символизировавшаяся лозунгом, который нес один из встречавших: «Америка — 52, Иран — 0». Когда бедствие переводится на язык спорта и подкрашивается под победу, когда жертв называют героями и превращают в бутафорию телегеничных знаменитостей, тогда уместно вспомнить аксиому Джорджа Оруэлла о том, что великим врагом ясного языка является неискренность»³².

Значительную лепту в нагнетание ура-патриотических настроений внесли средства массовой информации США. Особенно отчетливо их националистическая направленность проявилась во время летних олимпийских игр 1984 г. в Лос-Анджелесе. Например, телевизионная корпорация Эй-би-си концентрировала главное внимание на американских спортсменах, всемерно подчеркивая их превосходство над спортсменами всего остального мира. У зрителей и слушателей могло создаться впечатление, что речь идет не о всемирных, а об американских олимпийских играх.

Показательно, что, по данным одного опроса Роупера, проведенного в 1983 г., 81% американцев были убеждены в том, что Америка наделена особой ролью в мире, в то время как лишь 14% считали ее такой же страной, как и все другие³³.

В еще более крайней форме эти идеи пропагандируются «новыми правами» и фундаменталистскими группами, составившими значительную часть электората Рейгана. Рейган с самого начала своей политической карьеры являлся решительным приверженцем идеи американской исключительности и особой миссии Америки. «Я всегда верил в то, — говорил, он, например, в обращении к стране в «день благодарения» 22 ноября 1982 г., — что этой земле (Америке. — К. Г.) была уготована особая судьба, что божественное провидение расположило этот великий континент между океанами, чтобы ее открыли выходцы со всех концов земного шара, превыше всего ценившие веру, свободу и мир. Давайте же вновь подтвердим предназначение Америки быть носителем добра и доброй воли». Сторонники Рейгана и поддерживающие его органы СМИ исповедовали максимум, согласно которой Америка — особая, избранная самим богом, единственная в своем роде нация.

Как бы оборотной стороной темы американской исключительности в последние годы стала проблема ослабления позиций США на мировой арене и даже упадка их влияния как великой державы. В данном контексте жур-

налист О. Харрис писал: «В течение последних двадцати лет американские интеллектуалы обвиняли Соединенные Штаты как империалистическую, самонадеянную, воинственную, эксплуататорскую, жестокую и наихудшую страну». Теперь, сетует журналист, «они добавили к этому перечню еще одно обвинение, а именно, то, что Америка находится на пути к неумолимому упадку, — что «хромой уткой» является не только президент Рональд Рейган, но и Соединенные Штаты как страна»³⁴. В данной связи симптоматично то, что весьма объемистая книга П. Кеннеди «Восхождение и упадок великих держав»³⁵, в которой обосновывается этот тезис, приобрела широкую популярность и стала бестселлером.

Сильнейшим катализатором, усилившим подобные умонастроения явились афганские и иранские события на рубеже двух десятилетий. Особенно захват американских заложников в Тегеране и их длительное пребывание в плену у иранских студентов оставили глубокую печать на национальной психологии американцев. «Казалось, — пишет журналист С. Робертс, — что американцы всюду подвергают сомнению своих лидеров, свою страну, самих себя.

Статьи веры, которые служили им руководством в послевоенном мире — вера в постоянное процветание и превосходящую мощь подверглась эрозии в результате непрекращающейся инфляции внутри страны и продолжающегося бессилия за рубежом. Для многих американцев усеянное звездами знамя нуждается в ремонте. Прекрасная Америка превратилась в уязвимую Америку. Мы встречаем трудности по оплате ежемесячных пособий на американскую мечту»³⁶.

Особую обеспокоенность как в средствах массовой информации, так и в массовом сознании вызывает факт все более растущего проникновения в экономику США иностранного капитала. Эта обеспокоенность в наиболее концентрированной форме проявилась в статье Дж. Фрайермана под характерным названием «Распродажа Америки продолжается», опубликованной в журнале «Форчун». «В следующий раз, когда американский исполнитель народных песен запоет „Это — ваша земля, это — моя земля“, — писал он, — ему следует заменить слова. Наша страна не принадлежит исключительно своим гражданам, отнюдь нет. Соединенные Штаты выставлены на продажу, и иностранцы водружают свои флаги повсюду — от Калифорнии до Нью-Йорка. Никогда еще их покупки не

принимали таких громадных масштабов. И никогда это не вызывало такой реакции у местных жителей»³⁷.

Примечательно, что в популярных, равно как и респектабельных изданиях появляются статьи, в которых пытаются обосновать мысль о том, что отказ от статуса державы номер один ничем не угрожал бы реальным интересам Америки на мировой арене. Показательна статья профессора Американского университета (г. Вашингтон) Л. Хоуэлла, опубликованная в журнале «Ю-Эс-Эй ту-дей». По его мнению, многие трудности внешней политики США порождаются испытываемым американцами чувством всемогущества и их уверенностью в том, что они способны единолично решать все мировые проблемы. Такой подход, предписывающий Америке исключительную роль державы номер один, как считает Хоуэлл, мало что дает США и, поэтому, ставит риторический вопрос о том, не пора ли отказаться от этой роли и примириться со статусом державы номер два³⁸.

Однако судя по материалам СМИ, большинство американцев весьма далеки от принятия такой точки зрения. Скорее всего, они согласны с точкой зрения вышеупомянутого О. Харриса, который «во имя самих себя и во имя свободных обществ всюду в мире» призывает американцев не поддаваться доводам об упадке Америке и не рисковать примириться со статусом «первой страны среди равных»³⁹. Американская экономика давно не выглядела столь благополучно, как во второй половине 80-х годов. С 1982 г. начался самый длительный в мирное время период экономического подъема. Удалось существенно укротить инфляцию, довести безработицу до самого низкого за последние полтора десятилетия уровня, увеличить потребление и т. д. Поэтому неудивительно, что в последние годы в средствах массовой информации появилось множество материалов, лейтмотивом которых является тема «возрождения Америки», «реиндустриализации Америки», «поиска новых границ» и т. д. и т. п. Начало широкомасштабной разработки этой темы было положено организацией корпорацией «Тайм инкорпорейтед» в феврале 1981 г. специальной программы под общим названием «Обновление Америки». Эту программу составила серия статей, в которых предлагались меры по реконструкции важнейших сфер социально-экономической и общественно-политической жизни для возвращения Америке лидирующей роли в мире. Показательно, что эти статьи были опубликованы всеми ведущими журналами корпорации:

«Форчун», «Тайм», «Лайф», «Дискавер», «Спортс иллюстриейтед», «Пирил». В дальнейшем данная тема была подхвачена и другими ведущими органами средств массовой информации.

Другими словами, реальное положение вещей не дает в настоящее время сколько-нибудь веских и убедительных оснований для выводов об одряхлении и неминуемом упадке американского капитализма в сколько-нибудь обозримой перспективе, особенно что касается социально-экономической сферы. Вопреки широко распространенному в марксистской литературе тезису о неуклонном и закономерном сужении возможностей капитализма, все более расширяющихся и углубляющихся его противоречиях, обнаружилось, что возможности его развития не сужались, а, напротив, с течением времени расширялись. По справедливому замечанию Ю. А. Борко, «как и любое общество, капитализм не просуществовал бы ни одного дня, если бы в него не были „встроены“ механизмы „саморегуляции“, посредством которых периодически преодолеваются накапливающиеся противоречия, разрешаются возникающие кризисы». Несмотря на экономические неурядицы, социально-классовые конфликты, политические скандалы и т. д., базовые институты капитализма — американского в особенности — сохраняют стабильность. Более того, в последнее десятилетие мы являемся свидетелями ряда процессов и явлений, указывающих на то, что капитализм сохраняет значительные ресурсы интенсивного роста и проявил немалые способности к выявлению и разработке источников, путей и средств для экспоненциального роста. Об этом, в частности, свидетельствует мощный рывок научно-технического прогресса, возникновение новейших энерго- и трудосберегающих отраслей экономики, развертывание «компьютерной», «информационной» и иных революций.

Верно, что кризисы, которые периодически потрясают экономику США, как и других капиталистических стран, остаются интегральной характеристикой капитализма. Более того, эти кризисы проявляют тенденцию к углублению и расширению масштабов. Но вместе с тем не будет преувеличением сказать, что кризисы при всех их негативных последствиях для трудящихся (да и не только для них), дают господствующему классу возможность избавиться от изживших себя узлов, механизмов, элементов капиталистического воспроизводства и форм хозяйствования и служат стимулом к дальнейшей рационализации

Экономической деятельности и адаптации к новейшим достижениям научно-технического прогресса.

Для правильного объяснения такого положения вещей необходимо отказаться от присущей порой некоторым нашим ученым склонности к количественным экстраполяциям существующих в каждый конкретный исторический период тенденций на будущее, к их отождествлению с закономерностями общественно-исторического развития, одинаково верных и для возможного положения вещей в будущем. Закономерность (в том числе и закономерность перехода от капитализма к социализму и связанное с этим разочарование в капитализме с соответствующим переключением симпатий и приверженности к социализму) нельзя представлять как фатальную предопределенность общественно-исторического процесса по какому-то одному-единственному пути, в частности, прогресса вперед и вверх, что чревато механистической трактовкой самой идеи прогресса. Тем более история человечества знает много примеров перерыва поступательного общественно-исторического прогресса и даже движения вспять. Закономерность, как отмечает Г. Шахназаров, проявляется не в том, что она не допускает отклонения от естественного течения событий, а в том, что она ставит таким отклонениям определенные границы.

Если рассматривать каждый данный момент в качестве исходного пункта движения к некоему предопределенному состоянию, закономерность оборачивается телеологием, не имеющим ничего общего с реальной действительностью.

Существующая в каждый конкретный период объективная реальность, реальное общественное бытие, будучи амальгамой различных классов, социальных слоев, партий, организаций со своими особыми интересами, потребностями, целями, которые находятся в постоянном взаимодействии, столкновениях, конфликтах, дает целый веер возможностей для дальнейшего развития. Какая из этих возможностей будет действительно реализована, зависит от сочетания целого комплекса факторов.

Немаловажную роль здесь играет фактор субъективный. Это и естественно, поскольку, усваивая социальный опыт, человек, человеческие общности являются одновременно и продуктом и субъектом культурно-исторического процесса.

Нужно сказать, что и у нас в отношении перспектив развития социализма бытовали упрощенные представле-

ния, согласно которым многообразие наций, народов, культур, языков и т. д. якобы мешает достижению единства человечества, его развитию по пути мира, демократии и прогресса. По мнению А. Н. Яковлева, навязывалось представление о нарастающем сдвиге по мере продвижения к коммунизму, об исчезновении, отмирании многообразия... сторонникам такого подхода прогресс виделся как нарастающее упрощение, спрямление всего и вся. Но реальное положение вещей оказалось значительно сложнее и в отдельных случаях далеко от этой схемы. Оно, в частности, свидетельствует о том, что при анализе как социализма, так и капитализма необходимо исходить из понимания сложности, многослойности и многовариантности их внутренних динамик, механизмов и процессов.

С этой точки зрения большое значение имеет то, что в 80-х годах ведущим капиталистическим странам, прежде всего США, удалось не только выйти из тяжелого экономического кризиса, но и достичь определенной стабилизации капитализма, причем на основе консервативных принципов. Показателем такой пример. В 1975 г. в разгар глубокого экономического кризиса и на фоне серии политических кризисов, прокатившихся по ряду стран Запада, небезызвестная «Трехсторонняя комиссия» выступила с нагнетавшим докладом о перспективах буржуазной демократии. Суть его состояла в том, что Запад переживает кризис легитимности основных общественно-политических институтов, в результате которого под вопросом оказалась возможность сохранения демократической системы правления. Всего лишь девять лет спустя, в 1984 г., когда господство консервативных сил достигло своего пика, та же комиссия обнародовала очередной доклад, в котором уже говорилось о достоинствах и жизнеспособности буржуазной демократии, ее способности приспосабливаться к новым условиям для обеспечения эффективного функционирования государства, а также основных прав и свобод человека.

Наоборот, либерально-реформистские и левые силы оказались в глухой обороне. Им не удалось найти сколько-нибудь удовлетворительного и приемлемого для широких слоев населения ответа на изменившиеся исторические реалии и порожденные ими проблемы. В либеральном и левом лагерях наметился раскол по вопросам о роли и масштабах государственно-монополистического регулирования, социальной политики «государства благосо-

стояния», охраны окружающей среды и другим вопросам, касающимся важнейших сфер общественной жизни. Охваченные раздорами и противоречиями, либералы и левые в целом оказались в растерянности и проявили неспособность свести концы с концами.

Нельзя не отметить и определенное негативное влияние застойных явлений в социально-экономической жизни Советского Союза и некоторых других социалистических стран, хронологически совпавших с кризисными явлениями на самом Западе, и способствовавших эрозии сложившихся в послевоенный период структур сознания. Если в 30-е годы успехи СССР в ликвидации безработицы и нищеты, введении социального законодательства, решении производственных задач на фоне экономического кризиса, потрясавшего капиталистический мир, производили огромное впечатление на трудящиеся массы, то в 70—80-е годы лозунги планирования, обобществления, централизации в какой-то степени утратили привлекательность в свете очевидных трудностей в строительстве социализма социалистическая альтернатива как возможный для развитых капиталистических стран путь отодвинулась в область сугубо теоретических рассуждений, что, видимо, тоже повлияло на формирование идейного фона и расстановку политических сил в пользу правого и консервативного лагеря.

С рассматриваемой точки зрения немаловажное значение имело то, что авангардную роль в этих процессах, имеющих основополагающее значение для судеб современного капитализма, сыграли США. Победа здесь консервативных сил во главе с Р. Рейганом и его «командой» в 1980 и 1984 гг. и в 1988 г. Дж. Буша в социально-психологическом и идейно-политическом плане предоставила немалые возможности для пропаганды своих идей и принципов не только для американских, но и западноевропейских правых и консервативных сил. В самих США эта победа вызвала подлинный порыв энтузиазма в консервативном лагере, который расценил ее как мандат на «рейгановскую революцию». С большим удовлетворением встретили переизбрание Рейгана консервативные силы других развитых капиталистических стран. Выражая свою радость результатами выборов 1984 г., канцлер ФРГ Г. Коль заявил, что они служат основой для продолжения «чрезвычайно широких отношений» между Бонном и Вашингтоном и предпосылкой для выработки единой позиции обеих стран по важнейшим во-

просам международного развития. В целом, по оценкам печати, в дни после президентских выборов в США 1984 г. идеологическая атмосфера в странах Западной Европы характеризовалась одним словом — «рейганомания». Буржуазные средства массовой информации развернули шумную кампанию пропаганды «рейгановской модели» как образца для подражания.

Естественно, все эти тенденции способствовали укреплению принципов и ценностей капитализма, усилению их влияния на сознание широких слоев населения, в том числе и рабочего класса США, что в свою очередь, не могло не укрепить значение и влияние идеи американской исключительности.

Все это свидетельствует о том, что характерные для США в последние десятилетия сдвиги в массовом сознании в сторону негативной оценки деятельности ряда ведущих общественно-политических и государственных институтов, конкретных политических деятелей и правительств не имеют антикапиталистической направленности.

Большинство населения не отвергает капитализм как общественно-политическую систему, с ее принципами частной собственности на средства производства, рыночной экономики, свободной конкуренции и т. д., а также систему буржуазно-либеральной парламентской демократии с ее важнейшими институтами, плюрализмом политических партий, организаций, идеологий, сложившимися, признанными большинством участников политического процесса, правилами игры.

Большинство американцев все эти институты и атрибуты видят через призму теории американской исключительности. Эта теория глубоко пронизывает все уровни американского национального сознания, как теоретического, так и обыденного. Она составляет интегральную часть сознания как подавляющей массы американцев, правящих кругов, так и значительных категорий интеллектуальной элиты. Если для простого или «среднего американца» она служит своего рода ориентиром в оценке всего американского в повседневной жизни, то для правящих кругов эта идея служит в качестве ориентира при разработке важнейших внешнеполитических доктрин и тех или иных аспектов внешнеполитической стратегии. Что касается интеллектуальной элиты, то она играет ключевую роль в постоянном воспроизводстве, дальнейшей разработке и передаче этой идеи от поколения к поколению.

V. СИМВОЛЫ И ИДЕАЛЫ АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

На протяжении всего XVIII в. вплоть до начала войны за независимость шел подспудный процесс формирования чувства идентификации американской нации, идеи американской нации. Этот процесс особенно интенсифицировался в ходе революции и после завоевания независимости. Неотъемлемой частью этого процесса являлось формирование национально-государственных символов и идеалов, призванных служить в качестве фиксаторов национального самосознания и идейных и социально-психологических факторов сплочения тринадцати разрозненных колоний в единое и сплоченное государство.

Символ представляет собой идейную или идейно-образную структуру, содержащую в себе в скрытой форме все возможные проявления вещи, для которой он является обобщением и неразвернутым знаком. Символ в широком смысле слова — это образ. Он содержит в себе определенный смысл, нераздельно слитый с образом, но ему не тождественный. В структуре символа предметный образ и смысл выступают как два неразделимо связанных друг с другом полюса. Символ характеризуется многослойностью и многозначностью и требует активной умственной или рассудочной работы воспринимающего субъекта. Символ составляет средство общения между людьми, призванный представлять тот или иной объект, социальную общность, идею и т. д. Символы можно изображать графически, как, например, христианский крест, серп и молот, разного рода черты и т. д.; человеческими фигурами, как например, Марианна (Франция), Джон Буль (Англия), Дядя Сэм (США) и т. д. Символы в лице, например, флага страны или сигнального света приобретают значимость не сами по себе, а как средство выражения нечто такого, что связано с обществом или действиями людей. Такие комплексные системы, как речь, письмо

или математические знаки, тоже охватываются понятием символ, поскольку звуки и знаки, используемые сами по себе, не имеют смысла и могут иметь значимость лишь для тех, кто знает, как их интерпретировать в понятных для них терминах.

Разного рода символы и знаки играют огромную роль в жизни человека, и без них невозможно представить себе практическую и духовную жизнь общества. Символы и знаки представляют собою орудия, с помощью которых люди взаимодействуют друг с другом, и в этом отношении они являются средствами регуляции социального поведения. Это определяется прежде всего тем, что любая информация, воспринимаемая субъектом, представляет собой некоторую совокупность визуальных или звуковых символов. Субъект, воспринимающий эти символы, расшифровывает их в формулах, имеющих для него смысл. На поведение людей зачастую гораздо более сильное влияние могут оказать значения, придаваемые им действиями правительства, политических партий и деятелей, чем действительное содержание этих действий. Важную роль в интерпретации этих действий как раз играет господствующая в обществе система символики.

Однако при этом нельзя упускать из виду тот кардинальный факт, что символы и знаки отражают реальные предметы, выступают в качестве средств, указывающих на определенные предметы, выполняют посредствующую функцию между людьми и объективной действительностью. Все это обуславливает двойственность природы символов, а именно их раздвоение на значение и его выражение, смысл и предмет, идеальное и материальное, идею и образ, сверхчувственное и чувственно данное. Такая двойственная природа зачастую чревата абсолютизацией одного из атрибутов символа и мистифицированным пониманием сущности символики, наделением их атрибутами «конечной сущности».

При упоминании об Америке и американцах прежде всего приходят на ум слова «Янки» и «Дядя Сэм». Этимология слова «Янки» еще точно не установлена. Как полагают, оно представляет собой производное от голландского Jan Kees, которое, в свою очередь, является модификацией имени Ján Kaas (Маленький Джон) — клички, которую немцы и фламандцы давали голландцам. Англичане называли этим именем голландских пиратов, а также презрительно всех голландцев. Возможно также то, что оно произошло от слова Yankee из шот-

ландского диалекта, которое первоначально означало «умный». Известен факт, когда один негр-раб, выставленный на продажу в Каролине в 1725 г., именовался «Янки». В XVIII в. этой кличкой английские солдаты презрительно называли жителей Новой Англии. К концу XVIII в. англичане стали использовать ее в отношении всех американцев, как северян, так и южан. Во время Гражданской войны южане использовали данную кличку также презрительно в отношении всех северян и солдат федеральных армий. Но постепенно она приобрела позитивный смысл. Во всяком случае в XIX в. слово «Янки» стало синонимом изобретательности, предприимчивости и бережливости, т. е. качеств, отождествляемых с американским характером. Поэтому неудивительно, что известный английский мыслитель Т. Карлейль называл Б. Франклина «отцом всех Янки». По-видимому, когда Марк Твен писал о «Янки при дворе короля Артура», он имел в виду не просто представителей жителей Новой Англии, а американцев вообще. В настоящее время понятия «Янки» и «американец» часто используются как синонимы.

Любопытно и происхождение символа «Дядя Сэм», также широко ассоциируемого (как в положительных, так и отрицательных аспектах) с Америкой. Он имеет своим прототипом Сэмюэля Уильсона — американского патриота и купца, родившегося в нынешнем Арлингтоне (Массачусетс) 13 сентября 1766 г. и умершего в Трое (Нью-Йорк) 31 июля 1854 г. Его отец Эдуард Уильсон и два брата участвовали в войне за независимость. Сам Сэм ушел из дома в четырнадцатилетнем возрасте, чтобы записаться в американскую армию и служил в ней вплоть до конца войны. В возрасте 23 лет, почти без единого пенса в кармане, он обосновался в Трое в штате Нью-Йорк, где в 1790 г. занялся бизнесом по упаковке мяса. В общине пользовался большим успехом за честность и здравый смысл. К началу войны 1812 г. с Англией стал заметной личностью в штате Нью-Йорк и был назначен инспектором снабжения армии США в Нью-Йорке и Нью-Джерси. Группа людей, включая губернатора Нью-Йорка Д. Темпкинс, посетивших его предприятие 2 октября 1812 г., спросила, что означают буквы «EA—US», изображенные на упаковках мяса. Рабочий ответил, что «EA» означают Элберт Андерсон, контрактор, на которого они работают, и шутя добавил, что «US» — фактически аббревиатура Соединенные Штаты, означает «Uncle Sam» — «Дядя Сэм», Уильсон. Об этом эпизоде рассказал

участник этой группы, бывший конгрессмен, а в то время почтмейстер штата Нью-Йорк Т. Бейли в нью-йоркской «Газетт энд дженерал адвертайзер» 12 мая 1830 г. Поскольку Уильсон был очень популярен и, казалось, воплощал в себе наиболее характерные для американцев черты — честность, опору на собственные силы, преданность своей стране и т. д. Этот эпитет прижился и получил быстрое распространение. Уже к концу войны 1812 г. кличка «Дядя Сэм» стала символизировать американский национальный характер и систему управления. В 1961 г. конгресс США принял резолюцию, в которой «Дядя Сэм» Уильсон приветствовался как воплощение национального символа Америки.

Усвоение родного языка, обучение его употреблению, составляют важную часть процесса социализации людей и в силу этого тесно связаны с формированием и развитием национального самосознания. С помощью языка формируются мысли, волеизъявления и действия отдельного человека и социальных групп. Язык, равно как и обычаи, традиции, мифы, стереотипы, неизбежно носит на себе печать истории этноса, национальности. Это верно и применительно к американскому варианту английского языка, который в ряде аспектов отличается от собственно английского его варианта. Показательно, что литературный критик Г. Менкен назвал статью, посвященную этой теме, «Американский язык». Известные своей пунктуальностью немцы также называют его «американским языком». И, действительно, у американцев особое произношение, отличающееся от английского. Есть в его лексическом составе много американизмов. Среди них в первую очередь следует назвать заимствования из индейских языков, к которым, в частности относятся такие слова как tobacco (табак), canoe (челнок, каноэ), potato (картофель), chicory (Чикори), hominy (мамалыга), moccasin (мокаси), corn (кукурузная лепешка), tomahawk (томагавк), totem (тотем) и множество других. Много индейских названий сохранилось в американской топонимике, например, Массачусетс, Кентукки, Миссисипи, Манхэттен и др.

Много заимствований в американском языке из языков неанглийских иммигрантов: portage (перевалка, перевозка), bureau (бюро), prairie (прерия) и др. из франко-канадского; scow (плоскодонка), hook (узкий), sleigh (сани), stoop (крыльцо), cooky (печенье), boss (хозяин), Santa Klaus (дед Мороз) и др. Множество заимствований

также из других языков приводит «Словарь американского английского языка», и «Истоки американского английского языка». Вместе с тем в языке американцев много неологизмов, созданных на основе самого английского языка, либо путем изменения первоначального смысла самих английских слов. Постепенно, преодолевая сопротивление блюстителей чистоты родного языка на Британских островах, американизмы стали неудержимо завоевывать одну позицию за другой в английском языке.

Помимо всего этого для американского языка характерны такие особенности, как демократизм и заземленность, обилие слэнговых элементов, что по-видимому, объясняется специфическими условиями освоения в течение более двух столетий дикой природы, что отнюдь не поощряло тягу к изяществу стиля и форм выражения мысли. Комментируя эти особенности, Г. Мэнкен писал: «Какова бы ни была цепь причин, американский английский упорно не желал становиться лоценым и продолжает оставаться чем-то вроде нарушителя грамматических, синтаксических и семантических законов вплоть до нынешнего дня». Верность этого тезиса подтверждается хотя бы очевидным упрощением написания многих слов и пренебрежением первоначальными грамматическими правилами в американском варианте английского языка.

Нации и государства как социальные и политические общности основываются не только на символах, но и на определенном комплексе идеалов. С рассматриваемой в данной главе точки зрения, национально-государственные символы более или менее тесно связаны между собой, они взаимодополняют и поддерживают друг друга. Идеал не существует сам по себе, а выражается с помощью какого-либо документа, произведения искусства, изречения и т. д. Например, одним из основополагающих идеалов Америки является индивидуальная свобода, которая воплощена в таких символах американской нации и государственности, как Декларация независимости и статуя Свободы.

Первым и самым основополагающим символом американской нации и государственности является Декларация Независимости, принятая Континентальным конгрессом 4 июля 1776 г. и объявившая разрыв тринадцати колоний с Британской империей и создание независимого государства — Соединенных Штатов Америки. Не вызывает сомнений и то, что многие отцы — основатели, в том числе и автор Декларации Независимости, испытали на

себе влияние Руссо и Монтескье, Кондорсе и Вольтера, Бэкона и Гаррингтона, Мильтона, Локка и других передовых мыслителей XVII и XVIII вв. Особенно созвучными их умонастроениям оказались идеи Локка о естественном праве каждого индивида на жизнь, свободу и собственность. И Локк, и Джефферсон говорили о политическом равенстве и политической свободе. Локковская теория как нельзя лучше подходила для обоснования независимости колоний и использовалась руководителями революции с неотразимой логикой. Она была созвучна идеям индивидуальных политических прав. Локк развивал и популяризировал постулат об ответственности правителей, но его теории касались главным образом проблемы индивидуальной свободы, в то время как Декларация независимости впервые в истории сформулировала принципы демократического идеализма, провозгласив, что правительства создаются и существуют для обеспечения счастья управляемых и что их власть основывается на согласии этих последних. Декларация независимости, в которой нашли отражение основополагающие идеалы и чаяния американского народа — свобода, равенство и национальный суверенитет, по сути дела явилась первым в истории официальным документом, в котором был провозглашен принцип народного суверенитета в качестве основы государственного устройства. Поистине революционное значение имело следующее положение Декларации Независимости: «Когда долгий ряд злоупотреблений и попыток узурпации власти, преследующих неизменно одну и ту же цель, свидетельствуют о намерении подчинить народ неограниченному деспотизму, то его право и долг — свергнуть такое правительство». Столь же революционное значение имело другое, основополагающее положение Декларации, в котором ее автор пошел значительно дальше многих предшественников буржуазной общественно-политической мысли своего времени. Это положение сформулировано следующим образом: «Все люди сотворены равными, все они наделены своим создателем некоторыми неотъемлемыми правами, к числу которых относятся право на жизнь, свободу и стремление к счастью». Очевидно, что здесь локковская формула «право на жизнь, свободу и собственность» подверглась существенной модификации, поскольку вместо «права на собственность» Джефферсон ввел «право на стремление к счастью», тем самым придав Декларации революционно-демократическое звучание.

В течение 101 года после подписания Декларация не имела постоянного места хранения. За это время она нашла приют в 10 городах и 5 штатах, два раза чуть не сгорела при пожаре, во время войны за независимость и войны с Англией 1812 г. едва не попала в руки англичан. В 1894 г. Декларацию поместили для хранения в библиотеку Государственного департамента, а в 1921 г. она была переведена в библиотеку Конгресса. С 1952 г. она хранится в выставочном зале Национального архива.

В течение длительного периода Декларация независимости стала самым подходящим с точки зрения сплочения нации символом, потому что идейные символы выше материальных, они не ограничены географическими рамками. В этом смысле она могла соперничать даже с конституцией, поскольку легалистский тон последней не совсем соответствовал атмосфере энтузиазма американцев в вопросах, касающихся революции, индивидуальной свободы и народного суверенитета. Как отмечал Р. Гэйбриель, «Декларация не была законом, а представляла собой скорее риторику, блестящую риторику. В течение многих десятилетий знаменитые фразы о том, что все люди созданы равными и наделены природой правом на жизнь, свободу и стремление к счастью, обеспечивали текстом для патриотических нравочений».

Декларация независимости стала образцом программных документов многих реформистских движений. Так, например, когда в 1841 г. было организовано движение за трезвость, его сторонники обнародовали «вторую декларацию независимости», которая начиналась с перефразированного выражения Декларации независимости: «Мы считаем эти истины очевидными, что все люди созданы трезвыми». Когда в 1848 г. началось женское движение, его сторонники тоже составили свою декларацию. Аболиционисты обратились к джефферсоновскому документу в поисках более высокого закона, чем сама конституция.

После Гражданской войны постепенно место главного символа нации Декларация независимости уступила Конституции с Биллем о правах. Это стало еще более очевидно после Октябрьской социалистической революции в России, а также прихода фашизма к власти в Италии и Германии. В глазах американцев Конституция стала символом стабильности. Их реакция на эпоху социальных и политических катаклизмов приняла форму апелляции к законопорядку и конституционным правилам. Конститу-

ция стала самым важным символом национальной идентичности. После принятия она служила нации объектом сильнейшего эмоционального притяжения. Большинство американцев и поныне рассматривает Конституцию наряду с Декларацией независимости и Геттисбергской речью президента А. Линкольна относительно целей Гражданской войны как своего рода священный документ. Характерно, что книгу, посвященную этим документам, политолог У. Герман и М. Адлер назвали «Американский завет». Объясняя смысл своего замысла, М. Адлер отмечал в другом месте: если назвать эти три документа «Американским заветом, то это значит, что взятые вместе и во взаимоотношении друг к другу, «они подобны священным писаниям нашей нации». Декларация независимости содержит «базовые статьи политической веры нации». Конституция формулирует эти статьи «в терминах целей управления, структур управления и политики управления». А речь Линкольна подтверждает веру американцев в «правление народа, осуществляемое народом и для народа». Экономист Миллер проводит аналогию между Конституцией и библией, называя их «теологическими документами», поскольку в глазах американцев Конституция, как и библия, священна. Подобно христианству, которое ассимилировало учения Коперника, Дарвина и Эйнштейна без изменения древнего библейского текста, утверждает Миллер, Конституция институционализовала любые изменения в американском обществе.

«Создание Конституции Соединенных Штатов,— писал романист Дж. Мичнер,— это акт такой одухотворенности, что философы до сих пор не перестают удивляться и завидовать его результатам». Такое отношение американцев к своей Конституции не трудно понять, если учесть, что в качестве основополагающих идеалов Америки рассматриваются свобода и права человека, правовые гарантии которых обеспечиваются Конституцией. Другой вопрос, действительно ли реализовались и реализуются в США в полной мере идеал свободы и всегда ли здесь соблюдались и соблюдаются в настоящее время права человека. О том, что эти идеалы нередко вступают в противоречие с американскими реальностями, много написано и у нас и в самих Соединенных Штатах. Здесь упомянем лишь то, что, говоря о свободе и правах человека, наряду с реальными свободами, американцы, особенно в XVII—XIX вв., имели в виду свободу беспрепятственно захватывать бескрайние просторы так называемых «сво-

бодных» земель Запада, покупая их у коренных жителей за бесценок или отнимая силой; иметь сколько угодно рабов; эксплуатировать дешевый труд иммигрантов; «освободить от коммунистического господства» крошечную Гренаду и т. д.

Но все же о том, насколько большое место свобода и права человека занимают в сознании американцев, свидетельствует тот факт, что они воплощены во множестве атрибутов и символов американского общества. Как уже говорилось, они занимают центральное место в Декларации независимости. Но это было лишь декларацией, провозглашением свобод и прав человека, но не подтвержденным каким-либо юридически-правовым документом. Этой цели как раз служил Билль о правах — 10 поправок к Конституции, — который касается главным образом рассматриваемых двух идеалов, хотя ряд гарантий прав личности можно найти в различных статьях основного текста Конституции. Но Конституция не содержала формального основного перечня или, как говорят американцы, билля прав. Эту задачу как раз и выполнял Билль о правах, зафиксировавший свободу религии, свободу слова и печати, свободу собраний и свободу обращений к правительству с петициями о прекращении злоупотреблений.

Наряду с Декларацией Независимости и Биллем о правах воплощением и символом идеала свободы является колокол свободы, который со времен революции стал одним из весьма почитаемых американцами реликвий. Статуя Свободы (Statue of Freedom) венчает купол Капитолия, как бы доминируя над всем Вашингтоном. Таких примеров можно привести множество. Здесь достаточно, как представляется, упомянуть, что понятия «свобода» и «права человека» у американцев превратились в клише и стереотипы и, кажется, что они часто произносят их не задумываясь об их смысле и содержании.

Самым завершенным и концентрированным воплощением идеалов свободы и прав человека стала статуя Свободы (Statue of Liberty). Для многих поколений американцев, да и не только американцев, статуя Свободы была символом свободы, «американской мечты», успеха, страны неограниченных возможностей, принимающей в свои объятия всех обездоленных и угнетенных со всех концов земного шара. По данным исследований феномена социализации подрастающего поколения, дети всех начальных школ США называют статую Свободы, наряду

с флагом, в качестве лучшей выразительницы духа Америки.

Статуя Свободы — это колоссальный монумент на острове Свободы в Нью-Йоркской гавани в 3 тыс. ярдах от Манхэттена. Первоначально ее название было «свобода, освещающая мир». Она явилась подарком французского народа Америке по случаю столетнего юбилея независимости. Автором проекта был Ф. А. Бартольди. Создание ее завершено в 1884 г. и в разобранном виде она была перевезена в Нью-Йорк, где в 1883 г. началось строительство пьедестала на деньги, собранные по подписке. Открытие состоялось 28 октября 1886 г. на котором присутствовал президент Кливленд. Статуя представляет собой фигуру женщины, стоящей среди разбитых цепей с факелом в высоко поднятой правой руке, в развевающихся одеждах. В левой руке она держит книгу законов, на которой начертана дата 4 июля 1776 г. Статуя весит 225 тонн и с основания до конца факела составляет в высоту примерно 55,4 м. Пьедестал, на котором воздвигнута статуя, достигает 36,7 м и расположен на высоте 18 м над уровнем моря. В результате весь комплекс с основания до вершины составляет 91,5 м. Огонь в факеле поддерживается правительственной службой маяков. Статуя по высоте значительно превосходит колосс Родосский, который достигал 30 м и, конечно, знаменитую статую Юпитера, изваянную Фидием и включаемую древними в число семи чудес мира (всего 18 м). Другими словами, статуя Свободы воздвигнута с поистине американским размахом. В 1924 г. она официально объявлена национальным памятником. Статуя открыта ежедневно для посещения и привлекает около 800 тыс. человек в год. Примечательно, что с присущей американцам склонностью все персонифицировать, со статуей ассоциируется имя американской поэтессы Эммы Лазарус, написавшей сонет «Новый Колосс», текст которого выгравирован на бронзовой пластинке, прикрепленной к пьедесталу.

Важнейшими символами американской нации и государственности являются так называемая большая печать или печать Соединенных Штатов Америки и Флаг страны, которые, пожалуй, как ни у какой другой страны, отражают исторические реалии формирования и современного состояния Америки как нации и страны.

Печать страны, которая официально называется «Печать Соединенных Штатов», или «Большая печать»,

была учреждена решением континентального конгресса 20 июня 1782 г. О том, какое большое значение отцы-основатели придавали государственной печати, свидетельствует тот факт, что в тот же самый день 4 июля 1776 г., когда была принята Декларация независимости, континентальный конгресс назначил Б. Франклина, Дж. Адамса и Т. Джефферсона для составления макета печати Соединенных Штатов. Им в помощь был назначен также филаделфийский художник Р. Е. дю Силтьер. Каждый из них составил собственный макет, которые, однако, были отвергнуты Конгрессом. После были назначены еще две комиссии, предложившие свои макеты. Наконец, 20 июня 1782 г. континентальный конгресс принял макет, составленный У. Бартоном из Филадельфии и секретарем конгресса Ч. Томпсоном на основе проектов всех трех комиссий с существенными собственными дополнениями. На печати был изображен орел с раскрытыми крыльями. В одной лапе он держит тринадцать стрел, что символизирует готовность Америки защищать себя силой оружия, в другой лапе — оливковую ветвь, что, в свою очередь, символизирует приверженность миру. На груди у орла щит с тринадцатью вертикальными красными и белыми полосами. В клюве у орла лента с надписью на латинском языке «E pluribus unum» Над головой орла изображен круг с тринадцатью пятиконечными звездами. Здесь тринадцать стрел и тринадцать полос означают количество первоначальных тринадцать штатов. Что касается девиза «E pluribus unum» — «Из многих единое», то он может означать как «из многих штатов единое государство», так и «из представителей многих народов, населяющих Америку, единая нация».

15 сентября 1789 г., уже после принятия и утверждения Конституции страны, избрания и вступления в должность первого президента Дж. Вашингтона, конгресс утвердил макет в качестве «Печати Соединенных Штатов» или «большой печати», назначив ее хранителем государственного секретаря. В дальнейшем образец печати неоднократно модифицировался, в общем сохранив первоначальные элементы и структуру. Последний, шестой вариант, который без изменений сохранился до настоящего времени, был принят конгрессом 1 июля 1902 г.

Хотя использование большой печати для заверения документов строго ограничено законом, изображение печати, как национальной и государственной эмблемы, на-

ходит широкое применение. Оно используется на печатях государственного департамента и зарубежных служб в других странах, Верховного Суда и Вирджинских островов, а также с некоторыми модификациями на президентской печати и печати Национального архива. Щит и орел в несколько ином виде изображены на печати Библиотеки Конгресса. Во всех этих случаях размер печатей меньше, чем большой печати, причем вокруг их ободка высечено название учреждения, которому печать принадлежит. Изображение печати или ее отдельных элементов часто используются на правительственных зданиях и публикациях, флагах и медалях, армейских пилотках и форменных пуговицах, денежных знаках и в качестве архитектурных украшений. С 1935 г. изображения лицевой и обратной стороны печати наносятся на все серии однодолларовой купюры.

Следует отметить также то, что в первые годы существования республики изображение печати было очень популярно в качестве украшения на мебели, обоях, драпировке и разного рода домашних предметах.

Одним из главных воплощений символа нации стал национальный флаг, известный как звездно-полосатый флаг, который был принят Континентальным конгрессом 14 июня 1777 г. Он состоит из 13 полос (7 красных и 6 белых) по числу первоначальных 13 штатов, которые после войны за независимость образовали новое государство, а также синего четырехугольного участка в верхнем левом углу, простирающегося вниз до нижнего края четвертой красной полосы. Этот участок разрисован пятьюдесятью белыми пятиконечными звездами (по количеству штатов), расположенными пятью рядами по шесть звезд в каждом и четырьмя рядами по пять звезд. Хотя к флагу в Америке относились всегда с великим почтением, только в 1916 г. был официально установлен день национального флага. 3 марта 1931 г. конгресс утвердил национальный гимн «Усеянное звездами знамя», а 23 июля 1956 г. национальный девиз «В бога мы верим». Флаг и гимн в сочетании с другими патриотическими песнями и маршами превратились в эмоциональное воплощение нации. В школах день флага отмечается торжественными речами и пением патриотических песен. Социализирующая роль флага усиливается тем, что многие гражданские ассоциации, братские организации начинают свою работу с клятвы верности флагу и пения национального гимна. Флаг является атрибутом не толь-

ко официальных встреч, но и многих неофициальных мероприятий, таких как бейсбольные, футбольные или иные матчи. Существует специальная присяга верности флагу Соединенных Штатов Америки, которая была впервые опубликована в молодежном журнале «Юсиз компаньон» 8 сентября 1892 г. в следующем виде: «Я клянусь моему флагу и Республике, которую он воплощает; единая и неделимая нация, гарантирующая всем свободу и справедливость». В 1924 г. вместо словосочетания «мой флаг» было введено выражение «флаг Соединенных Штатов Америки». В 1942 г. она получила официальное признание американского правительства. А в 1954 г. по настоянию тогдашнего президента страны Д. Эйзенхауэра было добавлено словосочетание «под богом», в результате чего текст клятвы принял следующий вид: «Я приношу присягу верности флагу Соединенных Штатов Америки и Республике, которую он воплощает, единая и неделимая нация под богом, гарантирующая всем свободу и справедливость».

Выразителями национального духа, фактором, способствующим формированию национального самосознания и в то же время воплощением лица страны могут выступать города. С данной точки зрения прежде всего следует, естественно, назвать город Вашингтон. Хотя г. Вашингтон в настоящее время в глазах многих американцев — «нетипичный американский город» (напомним, что здесь большинство населения составляют негры) — он все же сыграл немаловажную роль в качестве символа сплочения американского народа в единую нацию и утверждения федеративной государственно-политической системы.

Америка стала первой страной в мире, которая на заре утверждения национальной идентичности разработала и осуществила план строительства специального города исключительно для целей размещения правительственных учреждений нового государства. До 1800 г., когда конгресс и президент разместились во вновь построенном городе, США по сути дела не имели постоянной столицы, и конгресс молодой республики попеременно заседал в восьми городах — Филадельфии, Балтиморе, Ланкастере, Йорке, Принстоне, Аннаполисе, Трентоне и Нью-Йорке. Для строительства столицы была избрана так называемая территория Колумбия площадью в 10 кв. миль на берегу реки Потомак на границе штатов Вирджиния и Мэриленд, позже названная округом Колумбия. Состав-

ление плана города было поручено молодому французскому инженеру, участнику войны за независимость П. Ч. Ланфану, который в 1791 г. и завершил «План города Вашингтона». Касаясь перспектив города, Вашингтон писал Ферфаксу, что нация «создает город, хотя и не такой крупный как Лондон, но по своему размаху уступающий лишь немногим (столицам) в Европе». Джефферсон полагал, что через 100 лет после основания в столице будет жить 100 тыс. человек, а в конечном счете, возможно и 200 тыс. человек.

В 1800 г. все правительственные учреждения переселились в новую столицу страны на Потомаке. В последующие годы среди посетителей столицы, как иностранных так и американских, было модно подшучивать над грандиозными планами создания прекрасного города, которые выглядели нереализуемыми. Однако Вашингтон перекрыл все прогнозы, как оптимистические, так и, особенно, пессимистические. Ныне это крупный город с населением, численность которого в 1961 году перешагнула двухмиллионный рубеж. Кроме политического, он стал одним из важнейших образовательных и культурных центров США. Здесь сосредоточены, в частности, Национальный военный колледж, Высшая армейская школа медицинской службы, университет им. Джорджа Вашингтона, основанный актом конгресса еще в 1821 г. и организованный под нынешним названием в 1904 г. Здесь же находятся Джорджтаунский университет (основан в 1789 г.), тоже включающий в себя целый ряд учебных заведений, Католический университет Америки (открыт в 1889 г.); Американский университет (основан в 1893 г.); Гарвардский университет (1867 г.); Колумбийский институт глухих, Карнегиевский институт Вашингтона; Вашингтонская академия наук и др.

Но при всем том, Вашингтон в глазах как самих американцев, так и остального мира ассоциируется с политическим центром США, предстает как символ американской нации и государственности. И это вполне объяснимо, если учесть, что Вашингтон — это прежде всего конгресс, президент, закон; Капитолий, Белый дом и здание Верховного суда; Пентагон и Госдепартамент. Здесь в здании Национального архива хранятся важнейшие атрибуты американской нации и государственности, в Вашингтоне расположены памятники и мемориалы отцов-основателей и других выдающихся политических, общественных и государственных деятелей США. Не случайно, когда речь идет

о вопросах и проблемах политического характера, под Вашингтоном, как правило, подразумевают Америку вообще или же правительство США, подобно тому как при упоминании Москвы, Лондона, Парижа имеются в виду соответственно СССР, Великобритания, Франция.

Символами американской нации выступают также целый ряд других городов. Это прежде всего Нью-Йорк с его прямо-таки вавилонским смешением народов, рас, языков, религий, культур и в этом плане как бы представляющим саму Америку в миниатюре; с Бродвеем и внеБродвеем; Метрополитэн-музеем и Метрополитэн-оперой; Уолл-стритом и гигантскими корпорациями, охватывающими важнейшие сферы экономики; Гринич-виллиджем и Городским университетом Нью-Йорка; грандиозными небоскребами и фешенебельными гостиницами; Гарлемом и многочисленной когортой бездомных и многими, многими другими реалиями, силуэтами, атрибутами, которые делают Нью-Йорк именно Нью-Йорком и дают ему возможность отобразить те или иные грани облика Америки. Это Лос-Анджелес с Голливудом и великолепными спортивными сооружениями; другие города Калифорнии и всего Юго-Запада, особенно Силиконовой долины с аэрокосмической и микрокомпьютерной отраслями промышленности, где изобретательский гений Америки проявился с наибольшей силой; Лас-Вегас с его многочисленными игорными домами и другими всемирно известными значными местами; Мэмфис и Атланта с их частыми расовыми волнениями и многие другие города и села, которые в совокупности делают Америку такой, какая она есть.

Города, естественно, это прежде всего люди. Но продуктом их деятельности являются возводимые ими общественные или иные здания, которые так же как и города могут служить в качестве объединяющих нацию и страну символов. С этой точки зрения на первом месте, пожалуй, стоит Капитолий — здание в Вашингтоне, округ Колумбия, где размещается конгресс.

В силу своих огромных размеров и из-за того, что он расположен в центре города на возвышении на Капитолийском холме, Капитолий доминирует на линии горизонта Вашингтона. Внизу к востоку, на расстоянии 4 километров вдоль монумента Вашингтона и мемориала на берегу реки Потомак простирается широкая зеленая лужайка. Совсем близко к востоку от Капитолия располагается прекрасное здание Верховного суда и Библиотека конгресса.

В 2,5 километрах к северо-западу от Капитолия находится Белый дом.

Капитолий стал законодательным центром Соединенных Штатов Америки с 1800 г. Он построен из песчаника и мрамора в классическом, главным образом римском, архитектурном стиле с некоторыми архитектурными деталями Древней Греции и Ренессанса. Здание Капитолия, протяженностью в 213,76 метров и шириной в 106,68 метров, занимает площадь в 2/3 гектара. Его высота с огромным куполом, который завершается 6-метровой статуей Свободы, составляет 87,65 метров. В октябре 1800 г. было завершено строительство северного крыла Капитолия, и конгресс впервые провел в нем свою сессию 21 ноября того года. С тех пор Капитолий претерпел много изменений и реконструкций. Но в целом он приобрел окончательные очертания 2 декабря 1863 г., когда при стечении огромного количества народа на его купол была возведена бронзовая статуя Свободы.

Миллионы американцев гордятся Белым домом как национальным символом. Белый дом — официальная резиденция президента США — является самым старым из ныне существующих федеральных зданий. Его строительство началось 13 октября 1792 г. по проекту, составленному архитектором, ирландцем по происхождению, Дж. Хобаном. Первоначально дом назывался «Президентским домом», «Президентским особняком» и даже «Президентским дворцом», но в народе он получил название «Белый дом», по-видимому, вследствие того, что он построен из песчаника и снаружи покрашен в белый цвет. Это название официально закрепил в 1902 г. президент Т. Рузвельт.

В течение своей истории Белый дом претерпел много изменений. Первым в Белом доме поселился в ноябре 1800 г. второй президент Дж. Адамс. Во время войны с Великобританией 1812 г. Белый дом был сожжен англичанами, захватившими Вашингтон. Он был восстановлен в 1817 г. под руководством того же самого Дж. Хобана. Нынешний вид Белый дом принял в 1952 г. после капитального ремонта.

Важная роль с рассматриваемой точки зрения принадлежит зданию Национального архива США, который расположен недалеко от Капитолия на Пенсильвания-авеню. Каждый раз при вступлении нового президента в должность Национальный архив организывает специальную выставку документов, фотографий и прочих

исторических документов, относящихся ко вступлению в должность предыдущих президентов. Такая выставка, которая при вступлении на эту должность Дж. Картера была названа первыми словами присяги президента «Я торжественно клянусь...», призвана давать посетителю реальное ощущение непрерывности и стабильности института президентской власти с момента первой инаугурации на пост первого президента США Дж. Вашингтона в 1789 г. Небезынтересно, что в первые месяцы своего президентства, как утверждал один из старейших работников Национального архива М. Самуэльсон, Дж. Вашингтон, подписывая официальные бумаги, неизменно добавлял: «Президент Соединенных Штатов», по-видимому, для того, чтобы утвердить это новое название в сознании всех американцев. Один из посетителей, внимательно просмотрев документы, относящиеся к инаугурациям предыдущих президентов, не без удивления заметил: «интересно, как мало изменилась церемония вступления в должность президента за все это время. Америка видела 47 инаугураций, и все они протекали по одному образцу: принятие присяги, красочный парад, а вечером — балы, банкеты и прочие торжества».

Главная задача Национального архива — сохранить на вечные времена и сделать доступными американскому народу документы, отражающие его прошлое. Как пишет У. А. Суартуорт, «термин „Национальный архив“ имеет три связанных между собой значения.

Во-первых, это название огромного количества государственных материалов исполнительной, законодательной и судебной власти, сохраняемых потому, что они могут представлять историческую ценность.

Во-вторых, им обозначается то огромное здание на полпути между Белым домом и Капитолием, где хранится основная масса материалов.

И, наконец, это сокращенное название „Национального архива и службы документации“, управляющего сложной системой федеральных архивов под руководством Администрации общих служб, ведающей снабжением и хозяйственной частью деятельности правительства».

Большинству американцев Национальный архив известен прежде всего как место хранения трех основополагающих документов американской общественно-политической системы, документов, которые в их глазах воплощают сам дух американской нации: Декларация Не-

зависимости, Конституция и Билль о правах. Написанные на пергаменте каллиграфическим почерком, эти три «хартии свободы», как их называют американцы, выставлены на обозрение в монументальной ротонде здания архива вместе с другими документами, сыгравшими важную роль в исторических судьбах страны и нации. Три названных документа выставлены в одном и том же ковчегообразном сооружении: Декларация Независимости в вертикальном положении, Конституция и Билль о правах — в горизонтальном. Каждый из них заключен в герметически закрытый ящик из стекла и бронзы, наполненный гелием для их предохранения от обветшания. Световые фильтры предохраняют их от выцветания. Каждую ночь ящики опускаются специальными клещевыми электродомкратами в сейф из стали и железобетона, расположенный на глубине 6 метров под полом ротонды. Причем, в обычные дни выставлены лишь первая и последняя страницы Конституции. Что касается остальных трех страниц, то они выставляются лишь в День конституции — 17 сентября. В Архиве хранятся также такие знаменитые документы — символы американской нации, как Договор о покупке Луизианы в 1803 г., по которому США приобрели у Франции огромную территорию к западу от Миссисипи; «Доктрина Монро» 1823 г.; Манифест об освобождении рабов 1863 г.; Девятнадцатая поправка к Конституции 1920 г., предоставившая женщинам избирательные права; Акт о капитуляции Японии 1945 г., который положил конец второй мировой войне; План Маршалла 1948 г.; Акт о ратификации Советским Союзом договора 1972 г. с Соединенными Штатами об ограничении стратегических ядерных вооружений и др.

Здание Национального архива, представляющее собой одно из самых грандиозных зданий Вашингтона, возведено с поистине американским размахом. Оно окружено 72 коринфскими колоннами, каждая из которых весит 95 т. Каждая из двух колоссальных размеров дверей 11,5 м в высоту, 3 м в ширину и 28 см толщины, весит по 6,5 т каждая. На пьедесталах по две у каждого входа стоят две статуи, призванные как бы символизировать назначение самого здания архива. У одного входа стоят мужская и женская статуи, символизирующие охрану и наследие, такие же статуи у входа с другой стороны, символизирующие прошлое и будущее. На пьедестале теневой статуи высечены слова из пьесы Шекспира «Буря»: «прошлое — пролог будущего».

При упоминании о крупных городах США сразу возникает образ устремленных ввысь небоскребов — этих американских пирамид XX в. Разработка и реализация этой архитектурной формы приходится на начало нынешнего века прежде всего в Чикаго и Нью-Йорке. Здесь особой известностью пользуются такие исторические здания как Аудиториум билдинг, Трибюн Тауэр и Сиэрс Тауэр в Чикаго; Вульворт, Крайслер и Эмпайр Стейтс билдинг в Нью-Йорке. В настоящее время небоскребы самых причудливых конструкций, форм и очертаний составляют неперенные компоненты почти всех крупнейших городов.

Но вместе с тем не следует представлять Америку как состоящую сплошь из небоскребов. Наряду с ними существует Америка просто многоэтажная и Америка одноэтажная. Более того, большинство американцев живет в довольно скромных домах, отвечающих их финансовым возможностям. Нельзя не отметить также и то, что более 40% населения страны живет в пригородах — жилых районах, расположенных за пределами крупных городских центров. Примечательно, что американский рабочий проезжает более 9 миль в один конец от места жительства к месту работы. Следует подчеркнуть, что сабурбизация (от слова suburb — пригород) — типично американский феномен, начавшийся еще в XIX в., и перенятый другими развитыми странами значительно позже.

Американцы всегда искали преемственность, корни в историческом прошлом, при этом не удовлетворяясь историей и реальностями европейских стран — Англии, Ирландии, Германии, Италии и т. д. — откуда переселилось подавляющее большинство иммигрантов. Их взоры устремлялись дальше в глубь истории, в древность, в античную Грецию и Древний Рим. Руководители войны за независимость, отцы — основатели, участники континентальных конгрессов и конституционного конгресса апеллировали не только к правам английского народа и великой хартии вольностей, но и к деятелям республиканского и имперского Рима, часто используя их аргументацию и терминологию. «Я не могу удержаться от мысли, — писал, например, известный поэт XIX в. Дж. Р. Лоуэлл из Европы своему другу Дж. Холмсу, — что мы более других народов воплощаем древнеримскую силу и дух. Наша литература и искусство, так же как и у них, носят в определенной мере экзотический характер, зато наша одаренность в политике, праве и особенно

в колонизации, наше инстинктивное стремление к накоплению и торговле — все это черты римские»¹.

Показательно, что, утверждая новую нацию, отцы-основатели в поисках символов новой нации обратились к Древнему Риму. Так, по примеру последнего они назвали верхнюю палату конгресса сенатом. Следуя рекомендациям Т. Джефферсона, они использовали римские архитектурные формы при проектировании и строительстве Капитолия и Белого дома. Как отмечает Р. Гэйбриель, «куполообразный капитолий с его римскими колоннами настолько хорошо выражал лицо новой нации, что эта форма стала характерным признаком Соединенных Штатов»².

Девиз США, выгравированный на большой печати «E pluribus unum» — «Из многих единое», заимствован из произведения Цицерона «Об обязанностях», слова «novus ordo seclorum» (новый порядок на века), которые континентальный конгресс в 1782 г. рекомендовал начертать на государственной печати, были переняты у Вергилия.

Тяга американцев к древности непосредственно отразилась и на топонимике Соединенных Штатов. Так, здесь можно встретить, например, такие названия городов и городков, как Сиракуза, Троя, Афины, Цинциннати и др.

В революционный и послереволюционный период среди отцов-основателей весьма модным было подписываться римскими псевдонимами. Например, использовались такие псевдонимы, как Катулл, Агрикола, Катон, Публикола и т. д. В таком же духе известный писатель второй половины XIX в. О. У. Холмс утверждал: «Мы являемся римлянами современного мира, великим ассимилирующим народом».

В то же время американцы, как выше указывалось, убеждены в исключительности путей общественно-исторического развития своей страны, уникальности ее роли и места в мировой истории. Возможно, этим объясняется то, что чуть ли не все, что делается в США, в глазах американцев приобретает новизну. С самого начала своей истории, желая, с одной стороны, сохранить преемственность с родиной в Старом свете и, в то же время, подчеркнуть новизну своего эксперимента, американцы нередко присваивали местам проживания староевропейские названия, дополнив их прилагательным «нью», т. е. «новый». Этого не избежало и само Западное полушарие, получившее название Новый свет. Подобным же образом получили свои названия Новая Англия — терри-

тория, занимаемая северо-восточными штатами, штаты Нью-Йорк, Нью-Гэмпшир, Нью-Мексико, города Нью-Йорк, Нью-Орлеан, Нью-Москоу и др. Следует отметить также то, что идея исключительности и повизны американского опыта и американской нации нашла отражение и в названиях городов, местностей и населенных пунктов, которые, хотя и не содержат прилагательное «нью», но все же навеяны сознанием того, что американцы совершали нечто новое, призванное воплотить в жизнь вековые чаяния людей о счастливой жизни. Так, в штате Пенсильвания, например, имеются такие города с характерными названиями: Аркадия, Согласие, Райский город, Свобода, Гармония, Независимость, Трудолюбие, Новая Надежда, Филадельфия (город братской любви), Прогресс, Процветание, Сион и т. д.

С рассматриваемой точки зрения показательно и то, что, учитывая восприимчивость американского сознания ко всему новому, президенты США любят в названиях своих партийно-политических программ вставлять слово «новый». Это, в частности, программы «нового национализма» Т. Рузвельта, «Новой демократии», В. Вильсона, «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта, «Новых рубежей» Дж. Ф. Кеннеди, «Нового федерализма» Р. М. Никсона.

Приверженность американцев всему новому проявляется также в том, что они непременно фиксируют события, явления, случаи, имевшие место впервые в их жизни, семье, общине, городе, стране и обществе в целом. С этой точки зрения в поле их внимания неизменно находится жизнь именитых людей, особенно президентов страны. В данной связи не лишены любопытства тщательно регистрируемые американскими историками прецеденты в деятельности президентов. Так, Дж. Вашингтон (1789—1791) — единогласно избранный первый президент США.

При Дж. Адамсе, втором президенте США (1797—1801), было завершено строительство Белого дома в Вашингтоне и он был первым его жильцом. П. Джефферсон (1801—1809) положил начало присоединению к США новых территорий, купив в 1803 г. у Франции огромную Луизиану, что открыло неограниченные возможности освоения западных районов. Позже были куплены, уже при других президентах, Флорида и Аляска. Дж. Монро (1817—1825) — автор так называемой «доктрины Монро», положившей конец европейской экспансии в Западном полушарии; Э. Джексон (1829—1837) основал

демократическую партию; М. Ван Бюрен (1837—1841) — первый американский президент, родившийся гражданином США. При нем появилось крылатое слово «О кей». У. Гаррисон (1841) — первый президент в истории США, умерший на этом посту. Дж. Тайлер (1841—1845) первый в истории вице-президент, ставший, согласно конституции, президентом после смерти своего предшественника. Дж. Бьюкенен (1857—1861) — единственный в истории США холостяк, ставший президентом. А. Линкольн (1861—1865) — первый президент, павший от руки убийцы. Э. Джонсон (1865—1869) стал первым президентом, оказавшимся перед угрозой быть подвергнутым импичменту. Г. Кливленд (1885—1889, 1893—1897) — единственный президент, вернувшийся через четыре года в Белый дом, и первый демократ, ставший президентом после гражданской войны. У.—Х. Тафт (1909—1913) — единственный американец, занимавший два высших поста — президента и председателя Верховного суда. К. Кулидж (1923—1929) первым ввел в оборот крылатое выражение «бизнес Америки — это бизнес». Ф. Д. Рузвельт (1933—1945) — единственный трижды переизбиравшийся президент; Р. Никсон (1969—1974) — единственный президент, ушедший со своего поста в результате импичмента. Дж. Кеннеди — первый президент-католик. Р. Рейган — единственный в истории США президент, добившийся этого поста после развода и вторичного брака.

В США одним из путей соединения прошлого с настоящим, как и в других странах, стали праздники. Для этой страны характерно, что каждый штат устанавливает праздник по своему выбору и отмечает события местного значения разного рода церемониями. Федеральное правительство отмечает девять праздников. Это: Новый год, День рождения Вашингтона, День поминовения, День независимости, День труда, День ветеранов, День благодарения, рождество и День Колумба. Главные праздники США невозможно себе представить без исполнения песен Ирвинга Берлина «Боже, благослови Америку!», «Пасхальный парад» и «Белое рождество».

Естественно, первое место среди всех национальных праздников занимает «славное четвертое (июля)», которое празднуется во всех штатах. Церемония празднования включает парады и пикники, а вечером — красочные фейерверки. Неизменными атрибутами этого праздника являются патриотические речи, произносимые у памятника Дж. Вашингтону в столице страны и на площади у

Индепенденс-холл в Филадельфии, где была подписана Декларация независимости. Поистине вселенские масштабы приняло празднование четвертого июля в честь столетнего юбилея в 1886 г. и особенно в честь двухсотлетнего юбилея в 1976 г. Еще в 1966 г., т. е. за десять лет до торжественного события тогдашний президент Л. Джонсон учредил комитет по празднованию двухсотлетия Американской революции, который в 1973 г. был преобразован в Управление по празднованию двухсотлетия Американской революции. Как заявил руководитель управления Дж. Уорнер, «двухсотлетие будет праздноваться там, где ему и положено праздноваться: в каждом крупном городе, в каждом маленьком городке, в каждом округе и в каждом населенном пункте». Это будет, добавил он, — «цепной реакцией сотен тысяч индивидуальных праздников, больших и малых, организованных и стихийных, а участниками их будут люди, живущие в каждом уголке Америки». Как показали последующие события, по своей грандиозности масштабы самого действия празднования явно превзошли предварительные планы. В день 4 июля буквально вся Америка от мала до велика в экстазе торжества и радости вышла на улицы, скверы, парки, стадионы, театры благословляя Америку, восславляя революцию, вознося до небес героев Войны за независимость и отцов-основателей, прошлое и настоящее Америки.

Широко отмечается в США другой общенациональный и один из самых популярных семейных праздников — День благодарения, который приходится на четвертый четверг ноября. Традиция эта восходит к основанию первыми переселенцами — пилигримами в 1620 году поселения в Плимуте. Первоначально этот праздник был призван выразить их благодарность богу за то, что они остались живы в этой чужой и не совсем дружелюбно встретившей их стране. Как пишет Д. К. Аппелбаум, — «посвящение последнего четверга ноября благодарности стало частью установившегося ритма жизни нашей страны, новейшие иммигранты с удовольствием собираются в этот день на семейный обед, а коренные американцы не припомнят случая, чтобы когда-нибудь День благодарения, когда осень переходит в зиму, не был отмечен должным образом». Следует отметить, что в утверждении этого праздника немалая заслуга принадлежит индейцам. Дело в том, что половина из ста прибывшие сюда пилигримов не пережила первую зиму. Именно индейцы на-

чили их выращивать кукурузу и тыкву, приемам ловли рыбы и охоты. Получив следующей осенью обильный урожай, они обеспечили себя продуктами питания на всю зиму, после чего руководитель пилигримов У. Бредфорд объявил один день днем благодарности богу. Постепенно обычай праздновать этот день был принят во всех колониях Новой Англии. В 1789 г. президент Дж. Вашингтон провозгласил 26 ноября общенациональным Днем Благодарения. Много десятилетий спустя в 1863 г. президент А. Линкольн объявил последний четверг ноября «днем благодарения и славословия нашего благодетеля — отца небесного». В 1941 г. конгресс США провозгласил четвертый четверг ноября государственным праздником. На праздничный обед подаются индейка, брусника и тыква, т. е. то, что ели пилигримы в 1621 г.

День поминовения, когда американцы чтят память воинов, погибших в войнах, отмечается в мае. В день этот в знак траура приспущены флаги и могилы солдат украшаются цветами, а в воинских подразделениях дается салют из 21 залпа. Первый понедельник сентября — День труда, который в первый раз отпразднован в 1882 г. в Нью-Йорке. Этот день стал днем отдыха, когда устраиваются массовые гуляния, тавцы и пикники.

В День ветеранов 11 ноября президент, если он находится в Вашингтоне, кладет цветы на могилу Неизвестного солдата на Арлингтонском кладбище.

В течение нескольких десятилетий после революции образы отцов-основателей Америки — авторов Декларации независимости, «Статей конфедерации» и Конституции США, героев и руководителей революции стали своего рода выразителями и фиксаторами американского национального самосознания. Для завоевавших независимость американцев отцы-основатели в некотором роде восполняли отсутствие монарха и связанных с ним символов. Показательно, что и в лексиконе современных политических деятелей США, в том наборе феноменов, который используют в своей деятельности средства массовой информации часто встречаются понятия, морально-этические ценности, идейно-политические ориентации и т. д., почерпнутые из арсенала отцов-основателей США. Апелляция к их авторитету является непремешным атрибутом многих общественных и политических мероприятий. Создан настоящий культ отцов-основателей. Можно сказать, что в сознании американцев существует своеобразный комплекс отцов-основателей. Их воззрения сыграли боль-

ную роль в формировании духовного климата молодой республики. И сегодня, совершенно в других исторических условиях, они оказывают заметное влияние на массовое сознание американцев, способствуют воспроизводству в новых формах буржуазно-демократических, индивидуалистических и либертариистских норм, ценностей и идейно-политических ориентаций. Такую же роль сыграли и многие символы, знаки, ритуалы, порожденные и утвердившиеся под влиянием идей отцов-основателей и тех деятелей, которых по своей значимости стали приравнивать к отцам-основателям.

Естественно, в процессе формирования национальной идентичности Дж. Вашингтон выступал в качестве ее центрального символа. Уже с началом революции назначение его главнокомандующим революционной армией не вызвало у заинтересованных группировок сколько-нибудь серьезных споров. Выдвигая кандидатуру на этот пост на втором континентальном конгрессе Дж. Адамс заявил, что хочет назвать имя «джентльмена, который находится среди нас, джентльмена, способности и опыт которого как офицера, крупное состояние, незаурядный талант и превосходный характер найдут одобрение у всей Америки и приведут к единодушному объединению всех колоний,— джентльмена, который сделает это лучше, чем любое другое лицо»⁴. И, действительно, Вашингтон во всех отношениях был наиболее подходящей фигурой, способной продвинуть дело объединения страны и добиться национально-государственной независимости. К тому же времени он уже был широко известен во всех колониях, проявил себя талантливым военным начальником во время семилетней войны между Англией и Францией, решившей вопрос о территории Канады в пользу Англии.

В периоды самых тяжелых испытаний, когда, казалось, плохо вооруженная, голодная и почти полураздетая армия (как это было, например, в Вэлли Фордж в 1777 г. после захвата англичанами Филадельфии и сдачи армии Бэргайна Гэйтсу у Саратоги) вот-вот развалится или же потерпит окончательное поражение, авторитет Вашингтона сыграл решающую роль в сохранении единства и боевого духа армии и, следовательно, в достижении национальной независимости. Не менее важную роль в деле консолидации и формирования национального самосознания новой нации Вашингтон сыграл после завоевания независимости. Оценивая хаотическое состояние

страны после окончания войны и заключения мира с Великобританией в 1783 г. с большим пессимизмом и заявляя о необходимости принятия мер, чтобы система совсем не развалилась, Вашингтон не переставая писал письма своим друзьям и знакомым, а также именитым мужам страны, призывая их предпринимать шаги для создания «нерасторжимого союза». Эти письма содействовали осознанию их адресатами необходимости создать вместо рыхлой структуры, базировавшейся на положениях «статей конфедерации», более совершенного союза.

О роли Вашингтона в деле создания федерального союза наглядное представление можно составить по следующему эпизоду. Весной 1785 г. в имени Вашингтона Маунт Вернон собрались представители Вирджинии и Мэриленда для разрешения споров между двумя штатами по вопросу о навигации по реке Патомак. Вашингтон использовал весь свой авторитет и умение для достижения положительного исхода переговоров. Именно эта встреча, как считают американские историки, послужила стимулом для созыва федерального конгресса. Вашингтон заранее одобрил призыв к созыву встречи представителей всех 13 штатов в Филадельфии в мае 1787 г. для принятия федеральной конституции. Будучи председателем конституционного конгресса, он сыграл неопределимую роль в принятии конституции. Занимая исключительное положение в качестве возвышающегося над всеми героя революции, который весьма высоко оценивался всеми противоборствующими группировками, Вашингтон стал фигурой, служившей объединяющим всю страну и нацию символом, гарантией приятия подавляющим большинством населения страны нового режима и соответственно новой государственно-политической системы.

Со смертью в 1799 г. Вашингтон шагнул в легенду. Еще за три года до смерти конгресс объявил день его рождения национальным праздником. В многочисленной популярной литературе XIX в. сам факт появления Вашингтона именно в Америке рассматривается как симптоматичный. Каждый человек, писал, например, один автор, «будет проникнут удивлением и наполнится благодарностью, если он поразмыслит над тем, что наш земной шар просуществовал шесть тысяч лет до появления Вашингтона на мировой арене и после этого ему было суждено появиться в Америке, чтобы стать украшением, освободителем, защитником, достойным восхищения». Еще более характерна в данном отношении мысль

Д. Уэбстера, высказанная в 1843 г. и воспроизводимая вплоть до наших дней во многих книгах: «Америка дала миру такого человека, как Вашингтон! И если бы наши американские институты ничего больше не сделали, одно это обеспечило бы им уважение всего человечества». Эту же мысль в несколько иной форме подчеркивает современный американский правовед Дж. Янг. «Американская революция,— пишет он,— вывела на мировую арену великолепную плеяду людей: трудно себе представить другой пример, возможно, за исключением эпохи Перикла, когда столь много блестящих людей появилось в одной стране в одно и то же время. Бенджамин Франклин, Томас Джефферсон, Александр Гамильтон, Джон Адамс и Джеймс Мэдисон были экстраординарными людьми, которые оставили бы свою печать на любом обществе и они были лишь самыми блестящими звездами на небосклоне американской революции, чьи деяния и идеи ввели новый порядок в мире. Они составляли замечательное поколение, но одна фигура возносится над всеми ими: Джордж Вашингтон»⁵.

Уже в XIX в., констатирует известный историк Г. С. Коммаджер, каждый ребенок в Америке уже со школьной скамьи был отлично знаком с разработанными в учебниках и апологетической литературе стереотипными образами «отца страны» — Дж. Вашингтона: мальчик Джордж с топориком в руках, срубивший черешню и с огорчением признающий свою вину: «отец, я не могу лгать». Вашингтон, пересекающий Делавэр, молящийся в Велли Фордж, поправляющий очки во время своего обращения к революционной армии: «На службе моей стране я не только поседел, но и почти ослеп»; и, наконец, Вашингтон, возвращающийся в конце жизни в свое имение Маунт Вернон. Вашингтон — первый в сердцах своих сограждан, он храбр, благороден, трудолюбив, религиозен и обладает всевозможными семейными добродетелями. Он наделен всеми качествами человека, сделавшего самого себя».

Утверждают, что монумент Вашингтона в г. Вашингтоне достигает 555 футов в высоту, что делает его выше шпилей Кафедрального собора, выше монумента св. Петру в Риме и значительно выше египетских пирамид. После смерти Вашингтона новую федеральную столицу называли его именем. Именно Маунт Вернон, в котором он жил, является одним из мест паломничества туристов. Почитатели Вашингтона сравнивали его с «богоподобным Шекспиром».

В настоящее время его имя носят один американский штат, семь гор, восемь рек, десять озер, девять американских колледжей, сто двадцать один город и деревни. Его изображение красуется на монетах и банкнотах, а также почтовых марках, а портрет висит в бесчисленных коридорах и офисах.

За Вашингтоном следует Б. Франклин, который прошел путь от ученика печатника до крупного государственного и общественного деятеля. Обладая исключительным трудолюбием и целеустремленностью, Франклин с детства проявил сметливость, любознательность и умение найти быстрые и простые решения возникающих перед ним задач. Обосновавшись в Филадельфии, он основал собственное печатное и издательское дело, где обнаружил недюжинные организаторские способности. Одновременно он испытывал живейший интерес к естественным наукам и для содействия их развитию в колониях основал «Американское философское общество». В 1748 г. Франклин начал проводить эксперименты в области электричества, которые в течение последующих нескольких лет принесли ему международную известность. Учитывая его заслуги в этой области, он в 1756 г. был избран членом Английского Королевского общества, а затем членом Французской академии наук. Это имело огромное значение не только для самого Франклина, но и для Америки в целом, поскольку он приобрел хорошую репутацию и влияние среди кругов, определявших отношения Великобритании с североамериканскими колониями.

К 50-м годам XVIII в. оформился «многоликий Франклин», способный играть различные роли не только в Пенсильвании, но и на всеамериканской и более широкой международной арене, на которой разрешилась судьба Северной Америки. О масштабах деятельности Франклина в этой области свидетельствует, например, тот факт, что он 8 раз пересек Атлантический океан. Франклин — бизнесмен и ученый, втянутый в политику перипетиями и потребностями эпохи, в условиях постепенного ухудшения отношений между колониями и метрополией был вынужден по-повому оценить эти события. Горячий патриот колониальной Америки, он вплоть до начала войны североамериканских колоний против Великобритании продолжал считать последнюю «родиной-матерью» и предпринимал усилия к их примирению. В то же время он выступил одним из первых инициаторов объединения североамериканских колоний. Такой план был представлен

на конгресс представителей колоний в Олбэни в 1754 г. Однако он имел в виду объединение колоний в рамках единой англоязычной империи.

Когда неизбежность войны за независимость стала очевидной, Франклин отбросил «имперский подход» и принял деятельное участие в деле создания новой нации и нового государства. Вместе с Т. Джефферсоном, Дж. Адамсом, Р. Шерманом и Р. Ливингстоном он внес свою лепту в составление текста Декларации Независимости, возвестившей о разрыве североамериканских колоний с Великобританией и создании нового государства США. В развернувшейся войне за независимость на Франклина была возложена задача ее дипломатического обеспечения. Он был назначен в так называемый «комитет секретных сношений», который позже был переименован в «комитет иностранных дел», ставший предтечей нынешнего государственного департамента. Франклин, назначенный в 1776 г. представителем только что образовавшегося государства во Францию, сыграл выдающуюся роль в привлечении последней к военнополитическому союзу с Америкой. После окончания войны он принял активное участие в формировании государственно-политической системы и составлении Конституции США. Франклин обладал недюжинным «талантом добиваться успеха». Во многих начинаниях колониальной Америки своего периода он был первым или одним из первых. Он первым открыл электричество, стал первым представителем колоний в Великобритании, первым послом США во Франции. Начиная с 30-х годов он основал разные общества, библиотеки, школы, госпитали, которые способствовали превращению Филадельфии в процветающий город. Много дел и профессий испробовал Франклин и всюду добивался успеха. Показательно, что он довольно быстро усвоил максиму, согласно которой «финансовый успех составляет одну из самых важных вещей в мире». Уже будучи издателем газеты, памфлетистом, журналистом в Филадельфии, он организовал книжную торговлю. Более того, в книжном магазине он продавал также свечи, мыло и другие товары. В бытность представителем колоний в Англии последовательно отстаивал их интересы перед парламентом и королевским правительством, Франклин как истинный буржуа не забывал и собственные интересы. Так, он попутно вел переговоры с должностными лицами о предоставлении ему и его семье крупных земельных концессий.

Другими словами, социально-философские и идейно-политические воззрения Франклина питались и оттачивались социально-экономическими, политическими и идейными процессами восхождения молодой американской буржуазии, становления системы буржуазных ценностей и жизненных ориентаций. Сам Франклин как типичный представитель своего класса также многое сделал для развития и утверждения этих ценностей и ориентаций. Как выше говорилось, издававшийся с 1733 г. Франклином «Альманах бедного Ричарда» стал своего рода учебником для подрастающего буржуа. О его широкой популярности говорит хотя бы то, что он выдержал 70 изданий на английском языке. Идеи, высказанные в нем, находили отклик не только у жителей колоний и Британских островов, но и в других странах. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что он был издан 56 раз на французском, 11 раз — на немецком, 9 раз — на испанском языке. Он был переведен также на голландский, шведский, русский, китайский и др. языки. Когда Франклин прибыл в Париж в качестве представителя США в 1776 г., тысячи французов знали его как автора «Пути к богатству». Устами «бедного Ричарда» Франклин говорил молодому буржуа то, что он хотел слышать то, что находило понимание и живой отклик в его сознании. Иначе говоря, сам Франклин был порождением эпохи и типичным представителем молодой, напористой нации.

Когда «бедный Ричард» казался слишком скучным и банальным, то рядом оказывался зажигательный Патрик Генри, с пафосом и соответствующими жестами провозглашающий: «Дайте мне свободу или дайте мне смерть».

Особое место в пантеоне героев отведено Т. Джефферсону — «отцу демократии». Для многих американцев именно автор Декларации Независимости Т. Джефферсон — «первый американец и величайший мыслитель своего времени». Американцы, да и не только они, совершенно справедливо видят в нем само воплощение американского демократического идеализма. Небезынтересно, что другой великий президент США А. Линкольн называл принципы Джефферсона «определениями и аксиомами свободного общества». В отличие от Дж. Вашингтона, которого подавляющее большинство американцев, независимо от политических ориентаций, считают «отцом нации», Джефферсон был одновременно объектом ненависти и враждебности со стороны одних и объектом любви и глубокого почитания со стороны других. «Один из наиболее

горячо ненавидимых и любимых людей того времени, когда любовь и ненависть проявлялись с большой силой, — писал известный историк В. Л. Паррингтон, — он выступил глашатаем нового порядка в период перехода от зависимой колонии монархического государства к независимому республиканскому строю. За фигурой Джефферсона, мыслителя с головой аристократа на плечах плебея, стояли философия новой эпохи и молодого народа — эпохи и народа, которые еще не достигли зрелости, но уже нащупывали путь от первого опыта к прочным достижениям. В Джефферсоне идеалы великой революции — вера в человека, экономический индивидуализм, убеждение, что именно здесь, в Америке, политической демократии суждено изменить к лучшему долю простого человека, — воплотились полнее, чем во всех других представителях его поколения»⁶.

Джефферсон — один из тех немногих президентов США, которые причисляются к сонму великих. Однако он больше известен не как президент, а как автор Декларации независимости и воплощение демократизма, выразителя чаяний простого человека, прототипа «среднего американца» (несмотря на то, что он выделялся глубиной ума, широтой эрудиции, высочайшим уровнем интеллекта).

Именно Джефферсон провозгласил в Декларации независимости неотчуждаемые права человека на жизнь, свободу и стремление к счастью. Он был последовательным и решительным защитником свободы, самоуправления, человеческого достоинства. Когда во время предвыборной кампании 1800 года он сказал: «Я поклялся перед алтарем божьим быть вечным врагом любой формы тирании над разумом человека», — Джефферсон повторял свое кредо.

В других случаях он высказывался на этот счет еще более радикально. «Древо свободы, — говорил он, например, — каждые 20 лет необходимо поливать кровью тиранов».

Поразительно широк был круг интересов Джефферсона. Он был топографом, математиком, скрипачом, архитектором, геологом, этпологом, астрономом, агрономом, юристом, изобретателем, инженером, проектировщиком мебели.

С этой точки зрения, он как бы синтезировал в себе характеристики пионера — первопроходца, покорителя девственной природы, жителя пограничья, предста-

вителя и наиболее яркого выразителя духа новой восходящей нации. Не случайно, что известный историк С. К. Падовер в книге, посвященной Джефферсону, дал ему название «Душа Америки». Показательно, что, хотя Джефферсон в разное время занимал такие посты, как член конгресса, губернатор, посол, государственный секретарь, вице-президент и президент США он завещал начертать на своем надгробном камне следующие слова:

*Здесь похоронен
Томас Джефферсон —
автор Декларации независимости
и статута об установлении религиозной свободы
в Вирджинии,
основатель Вирджинского университета.*

Героизированные, часто мифологизированные образы отцов—основателей, легенда об основании республики постепенно вошли составной частью в ткань американского сознания, заняв важное место и в политической сфере. Как пишет историк У. Петерсон, политики взяли в привычку обращаться к оракулам и «маякам», внося тем самым легендарное прошлое в современный миф. «Почитаемые принципы,— пишет Петерсон,— стали оружием в борьбе за власть. Патриархи стали символом партий и интересов»⁷.

Сегодня, как и в прежние времена, консерваторы обосновывают необходимость сохранения статус-кво, прибегая к идеям и даже буквально к словам отцов—основателей. Либералы же в обоснование своих доводов в пользу реформ, призванных внести те или иные изменения в существующий порядок, также используют аргументы, заимствованные из разнородного идейного багажа отцов—основателей. Как считает американский историк К. Росситер, в общественном сознании Америки можно выделить, например, 7 образов Джефферсона, которого разные категории населения в зависимости от своих социально-политических ориентаций и установок трактуют каждая по-своему: Джефферсон — приверженец прав штатов; изоляционист; приверженец аграрной демократии; рационалист; сторонник гражданских прав; конституционный демократ.

Другими словами из образов патриархов каждая социальная группа брала лишь то, что в данный момент подходило, а то, что не подходило, либо игнорировалось,

либо подвергалось «исправлению». В этом отношении характерна деятельность историка начала XIX в. в П. Уимса, который, приступив к написанию биографии Дж. Вашингтона, ставил перед собой задачу «скопсгруппировать» героя, призванного стать моделью идеального, образованного американца; «редактируя» высказывания Вашингтона, он вычеркивал из его лексикона все сколько-нибудь «нехорошие» слова, которые, по мнению Уимса, в устах героя «не звучали». Любой намек, ставивший под сомнение мотивы отцов-основателей, рассматривается как непатриотичная и даже антиамериканская позиция. Поэтому неудивительно, что большинство их биографий было представлено как жизнеописания святых отцов церкви в глазах католиков или же жизнеописания богов и богинь в глазах древних греков.

Следует отметить, что отцы-основатели в большинстве своем были высокообразованными и широко эрудированными для своего времени людьми. Они заимствовали аргументы из самых разных источников: библейских, античных, вигских и т. д., переводя их на язык Просвещения. Задуманный ими «американский эксперимент» был призван во-первых, показать совместимость индивидуальной свободы и общественного порядка, и, во-вторых, продемонстрировать, что отдельный индивид может реализовать свои возможности лишь в обществе, которое предоставляет ему необходимые для этого возможности. Таким они считали общество автономных индивидов, основанное на принципах *laissez faire* в сфере экономики и представительной демократии в политической сфере с соответствующими правилами игры. «Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди созданы равными, что они наделены их создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, среди которых жизнь, свобода и стремление к счастью», писал Т. Джефферсон в Декларации Независимости. Исходя из подобного постулата «отцы-основатели» сформулировали и положили начало реализации комплекса прав и свобод человека, которые были зафиксированы в Билле о правах. В основе важнейших из этих прав и свобод лежит идея о самоценности отдельного индивида, о его разумной природе и недопустимости вмешательства в его дела каких бы то ни было внешних сил, в том числе и государства, до тех пор пока они не нарушают права и свободы других членов общества.

Паптеон американских героев кроме образов отцов-основателей пополняет целая галерея и других: Дж. Смит,

спасенный прекрасной Покахонтас, Р. Уильямс, совершающий переход в суровую зиму в Наррагансет Бей, и т. д. Все они проложили дорогу А. Линкольну — апофеозу американского типа.

Интересно, что по данным некоторых опросов, для американцев в качестве политического символа А. Линкольн более важен, даже нежели Дж. Вашингтон. Великий государственный и политический деятель, выходец из среды простого народа, всегда державшийся без претензий, герой и трагический мученик, павший от руки убийцы, А. Линкольн продолжает жить в сознании большинства американцев в виде мифа и иконы. Как пишет Дж. Меллон, «в лице Линкольна и в его биографии каждый американец видит частицу общего труда Америки... ибо Линкольн остается непревзойденным примером идеального характера, каким он представлялся американцам и который они всегда стремились выработать»⁸. Не менее проникновенные слова о Линкольне написал известный поэт и автор монументального труда о великом американце К. Сэндберг: «Есть человек, — говорил он, — в чьих словах, будь они сказаны или написаны, Запад с его обширными просторами и Восток со многими народами предстают как египетское целое. И не случайно вокруг имени и личности Авраама Линкольна возник легендарный ореол, подобно тому как ранее такой же ореол возник вокруг личности Джорджа Вашингтона. В Линкольне народ Соединенных Штатов смог наконец увидеть себя — каждого в отдельности и всех вместе»⁹.

А. Линкольн — шестнадцатый президент США ассоциируется с сохранением единства страны от раскола во время Гражданской войны между Севером и Югом. Как представляется, на второй президентский срок в 1864 г. он был избран скорее не как кандидат республиканской партии, нежели как кандидат, стоящий на страже союза, сохранения единства союза. За все время пребывания в Белом доме он настойчиво подчеркивал, что Соединенные Штаты представляют собой сугубо федеральное сообщество, что для этого сообщества штаты так же важны, как и центральное правительство и что он борется не для достижения господства Севера над Югом и не для централизации государства за счет штатов. Не в меньшей мере имя Линкольна ассоциируется с уничтожением рабства. Его Геттисбергская речь, в которой было провозглашено решение об освобождении рабов, часто упоминается наряду с Декларацией независимости, Биллем о правах и дру-

гими выдающимися документами американской истории.

Притягательность личности Линкольна в глазах простых людей во многом объяснялась также тем, что, несмотря на занимаемый им высший государственный пост, он был кладезем множества шуток и анекдотов, ставших весьма популярными в народе. Показательно, что среди дешевых книжек, опубликованных при втором сроке президентства Линкольна, одна книга была озаглавлена «Старик Эйб шутит», а другая — «Новые шутки старика Эйба, услышанные из его уст»¹⁰.

В глазах американцев Вашингтон — отец нации, воплощение ее независимости, суверенитета и единства; Джефферсон — символ свободы и демократии; Франклин — носитель здравого смысла, изобретательности, житейской мудрости, трудолюбия; Патрик Генри — неустойчивый борец за свободу; А. Линкольн — спаситель единства и демократии, само воплощение американской простоты, с ним ассоциируется освобождение от рабства негров.

Облик Соединенных Штатов трудно себе представить без оборотистых и предприимчивых, а порой и не брезгующих средствами для достижения цели бизнесменов, дельцов, миллионеров, мистеров-миллиардов. Зачастую именно их таланту и стараниям приписываются достижения Америки в материальной сфере, рассматривая их как живое воплощение американской мечты и доказательства наличия в США неограниченных возможностей. Это рокфеллеры, морганы, ханты, гетти и многие другие семейства или одиночки, которые действительно придали Америке присущий ей колорит и наложили своей отпечаток на национальное самосознание. Есть среди них своеобразные «постоянные величины», вроде рокфеллеров, которые, начиная с конца XIX в. занимают прочные позиции в экономической и политической жизни страны. Вместе с тем каждое поколение выдвигает на экономический олимп своих представителей. В наши дни речь идет, например, о современных, прямо-таки легендарных бизнесменах, как М. К. Эш (косметика), Дж. О'Нил (системы спутников), Ф. Пердью (империя по производству кур) и т. д. Наиболее типичным представителем нынешнего поколения, стремительно прорвавшимся на экономический небосклон, можно считать Ли Якокку — новую американскую легенду, решительного бизнесмена, который буквально спас гигантскую автомобильную корпорацию «Крайслер», стоявшую на грани банкротства, попутно став героем средств массовой информации.

Разумеется облик Америки трудно представить себе и без «Джеперал моторс», «Дженерал электрик», «Дженерал дайнемикс», ИТТ, ИБМ, радиотелевизионных корпораций «Си-би-эс», «Эн-би-си», «Эй-би-си» и других экономических гигантов, сопоставимых по своему размаху разве что с самыми грандиозными небоскребами — этими американскими пирамидами XX в.

В то же время символом американской нации является также Гарлем — в настоящее время всемирно известный негритянский в основном бедный городской район Нью-Йорка. Как показывает журналист Дж. Андерсон, раньше этот район был населен одними только белыми и в некотором роде являлся символом американской мечты. С начала XX в. Гарлем стал заселяться неграми. В период так называемого Гарлемского возрождения в 20-х годах здесь создавали свои произведения талантливые и новаторские американские писатели, музыканты, актеры и художники как Л. Хьюз, К. Маккей, Д. Эллингтон, Л. Армстронг, М. У. Фуллер, А. Даглас, П. Хейден и др. Они заявили о себе как талантливая группа творческой интеллигенции, которая составляет животворную часть американской культуры, выразившей в своем искусстве американский негритянский опыт. Вместе с тем Гарлем в наши дни представляет собой воплощение всех проблем чернокожего населения от бедности и преступности до сохраняющихся у значительной части белых расовых предрассудков.

Наряду с угнетенными национальными меньшинствами, которые в наиболее ярко выраженной форме представлены негритянским населением, в США насчитываются миллионы бедняков и обездоленных. По данным частных агентств в настоящее время в Америке только число бездомных достигает 3 млн. человек, хотя Федеральное правительство утверждает, что их всего 250 тыс. Основные причины бездомности — это отсутствие доступного по цене жилья, финансовые затруднения, проблемы эмоционального и психологического характера. Они вынуждены полагаться на благотворительные кухни и ночлежки, организуемые либо государством, либо общественными и церковными организациями.

Очевидно, что символический облик США имеет как свои светлые, так и темные стороны.

VI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА США

Частью национального культурного наследия и национального самосознания каждого народа является политическая культура. Каждой общественно-политической системе соответствует собственная базисная модель политической культуры, обуславливающая ее своеобразие по сравнению с другими общественно-политическими системами. В нашем случае такой базовой моделью является политическая культура буржуазно-демократической общественно-политической системы, которая в наиболее завершенной форме утвердилась в развитых странах Запада, в том числе США.

Политическая культура — это комплекс тех элементов и феноменов общественного сознания и в более широком плане общей культуры той или иной страны, которые связаны с общественно-политическими институтами и политическими процессами, и оказывают значительное влияние на формы, формирование, функционирование и развитие государственных и политических институтов, придают значимость и направление политическому процессу в целом и политическому поведению широких масс населения в частности. Как отмечает американский политолог Л. Пай, политическая культура дает отдельному человеку руководящие принципы политического поведения, а коллективу — «систематическую структуру ценностей и рациональных доводов», обеспечивающих единство и взаимосвязанность функционирования институтов и организаций. Она направляет «политические идеалы и оперативные политические нормы»¹, придает структуру и содержание политической сфере подобно тому, как «культура придает целостность и интегрированность общественной жизни».

Политическую культуру можно правильно понять лишь в том случае, если рассматривать ее как неразрывную часть более широкой общенациональной культуры.

Она тесным образом связана с общенациональной культурой, социокультурными, национально-историческими, религиозными, национально-психологическими традициями, обычаями, стереотипами, мифами, установками и т. д. и т. п. Фундаментальные компоненты национальной культуры оказывают большое влияние на формирование системы политических убеждений и политической культуры в целом. Но тем не менее, хотя политическая культура тесно связана с другими аспектами культурной системы, можно выделить ценности, установки и убеждения, связанные со специфически политической сферой жизни. Однако при этом следует учесть то, что общая национальная культурная система и политическая культура не совпадают друг с другом. Более того, в определенных условиях может иметь место расхождение между ценностями, ассоциируемыми с политическими взаимоотношениями и ценностями, ассоциируемыми с взаимоотношениями другого рода, например, межличностными или экономическими взаимоотношениями. Поэтому одним из важнейших аспектов изучения политической культуры является ее вычленение из общенациональной культурной системы общества.

В качестве составных элементов политическая культура включает в себя национально-культурные, социально-психологические и иные компоненты. В нее входят сформировавшиеся в течение многих десятилетий и поколений политические традиции, действующие нормы политической практики, идеи, концепции и убеждения о взаимоотношениях между различными общественно-политическими институтами и т. д. Она включает ориентации и установки людей в отношении существующей системы в целом, составляющих ее институтов и важнейших «правил игры», принципов взаимоотношений отдельного человека, общества и государства. Эти компоненты, обусловленные социально-экономическими, национально-культурными, общественно-историческими и другими долговременными факторами, характеризуются относительной устойчивостью, живучестью и постоянством, медленно поддаются изменениям в процессе глубоких сдвигов в общественном бытии.

Политическую культуру можно характеризовать как ценностную систему, которая разделяется большинством населения. Она включает базовые убеждения, установки, ориентации, символы, обращенные на политическую систему. Политическая культура, как отмечает американ-

ский политолог Д. Дивайн, это «историческая система широко распространенных, фундаментальных, поведенческих, политических ценностей»², которых придерживаются члены данной системы. Политическая культура охватывает как политические идеи, ценности, установки, так и действующие нормы политической практики. Она предполагает изучение таких категорий, как политическая идеология, легитимность, суверенитет, правление закона и т. д. Политическая культура в определенном смысле представляет некие рамки, в которых члены общества принимают законность существующей формы правления, чувствуют себя политически дееспособными, выражают согласие с действующими «правилами игры». Рамки, в которых убеждения, эмоции, нормы и ценности проявляются в политических процессах и политическом поведении, сами по себе составляют важнейший компонент политической культуры.

Цементирующим элементом политической культуры следует считать политическое мировоззрение, составляющее часть общего мировоззрения отдельного человека, отдельной группы или иной социальной общности. Большое влияние на характер политических ориентаций, симпатий и антипатий людей оказывает господствующая в обществе система мировоззренческих позиций и ценностно-нормативных установок, фундаментальные взгляды на человека, общество и мир в целом.

Однако же простая констатация реальности существования того или иного комплекса элементов, которые можно было бы объединить в категорию политической культуры, сама по себе не снимает вопрос о том, как эти элементы реализуются в конкретном политическом процессе, поведении различных групп и слоев населения. Дело в том, что одни и те же политические установки, ценностно-нормативные ориентации и идейно-политические принципы у разных людей и социальных групп в конкретном политическом поведении проявляется по-разному. Политическая культура позволяет правильно понять, каким образом разные формы политического поведения могут иметь место в похожих типах политических структур. Выяснение сущности этого феномена имеет кардинальное значение для выявления как сущности, так и механизмов функционирования и воздействия политической культуры на политические процессы. Решить эти вопросы можно лишь в том случае, если рассматривать политическую культуру не как основной детерминирующий фактор пар-

тийно-политической борьбы и конфликтов, а как опосредующее звено между социально-экономическими интересами людей, социальных групп и классов, вовлеченных в конкретный политический процесс, и их политическим поведением. Как правильно отмечает Д. Дивайн, «воздействие на практические дела не означает их детерминацию». Иначе говоря, культура способствует формированию, а не детерминирует. Политическая культура сама по себе не может определить сущность политических процессов, происходящих в обществе. Она лишь придает им определенную направленность в зависимости от социально-экономических интересов вовлеченных в них людей. Одна из серьезных трудностей при определении политической культуры состоит в выявлении линии разграничения между самой политической культурой и политической системой. Здесь, как представляется, следует исходить из того, что обе сферы развиваются в тесной взаимосвязи, оказывая друг на друга немаловажное влияние.

Демократическая по своей сущности политическая культура включает принцип «согласия не соглашаться» с мнениями и позициями других членов общества. Этот постулат в Соединенных Штатах, как и в других странах с буржуазно-демократической, парламентской системой, выражается в принятии большинством населения принципов представительства различных слоев и категорий населения в системе власти, плюрализм, т. е. наличие многих партий, разного рода организаций, средств массовой информации различных ориентаций, разнообразных религиозных или иных верований, идейно-политических, социально-философских течений, идеологий и т. д. Правилам игры буржуазно-демократической политической культуры, в том числе и американской, соответствует определенная система убеждений включающая, в частности, идеи о юридически-правовом равенстве всех граждан, неприкосновенности собственности, индивидуальной свободе и т. д.

Это, так сказать, важнейшие элементы базовой буржуазно-демократической модели политической культуры. Естественно, особенности общественно-исторического развития США, путей и факторов становления и развития американской нации и национального самосознания и т. д. наложили свой отпечаток на американскую политическую культуру. С данной точки зрения речь прежде всего идет об американизме и его важнейших компонентах. При

этом индивидуализм, идея индивидуальной свободы и весь комплекс проанализированных в предыдущих главах ценностей, норм, установок, ориентаций и т. д., составляющих американское национальное сознание, оказывали и продолжают оказывать влияние на политическую культуру американцев в целом, их политические позиции, предпочтения и поведение, их отношение к государству, правительству, партиям и другим политическим институтам, в частности.

Политическая культура как система может приспосабливаться, модифицироваться и в этом качестве она способна к саморегулированию и сохранению сути своей ценностной системы. Основополагающее значение для возникновения буржуазно-демократических ценностей, установок, ориентаций, принципов и соответствующих им государственно-политических институтов как в Европе, так и в Соединенных Штатах имели формирование и утверждение в сознании широких слоев населения идеи политического представительства. Просветительская идея равенства всех людей по своей природе предполагала, что ни один человек не вправе править другим человеком без согласия последнего. Поскольку же каждый индивид не в состоянии непосредственно участвовать в управлении государством, то республиканская форма правления предполагала принцип представительства различных социальных слоев в системе власти. О том, насколько большое значение в тот период придавалось принципу представительства, свидетельствует, например, тот факт, что в № 10 «Федералиста» Дж. Мэдисон отождествлял республиканизм с представительством. По его мысли, избранные представители смогут лучше защищать и отстаивать права и свободы народа, чем сам народ.

В Англии особенно после 1688 г. утвердилась так называемая теория «фактического представительства», суть которой состояла в том, что члены парламента представляют не просто отдельные слои и группы населения, а всю совокупность нации в целом. Поэтому не имеет значения как, из числа кого и где они избираются. Причем для виггов, которые сформулировали эту теорию, было характерно убеждение в том, что члены парламента, будучи избраны, не должны зависеть от своих избирателей. Обосновывая такой тезис, Э. Берк в своей известной речи перед избирателями в Бристолье в 1774 г. говорил, что парламента это «не конгресс послов от различных враждебных интересов, которые эти послы должны отстаивать

В качестве агентов и адвокатов против других агентов и адвокатов. Наоборот, парламент представляет собой совещательную ассамблею *единой* нации, с *единым* интересом единого целого, где руководством должны быть не локальные цели и локальные предрассудки, а всеобщее благо, вытекающее из всеобщего разума целого»³.

Против этой теории «фактического представительства» северо-американская буржуазия выдвинула концепцию географического представительства, в соответствии с которой члены законодательного собрания избирались бы в качестве представителей определенной территории и определенных групп населения, а не как представителей всего населения государства. Касаясь, например, палаты представителей, автор «Федералиста» № 52 (Мэдисон или Гамильтон) придавал особую важность тому, чтобы избранные представители «непосредственно зависели от народа». При этом «Федералист» считал, что главная функция этих представителей должна состоять в обеспечении секциональных интересов.

Как полагали отцы-основатели, такому пониманию республиканской формы правления как нельзя лучше соответствовала федералистская структура государственно-политической системы, признающая законность существования в стране наряду с центральной государственной властью территориальных единиц — правительств штатов и органов местного управления, облеченных более или менее широкими прерогативами публичной власти. В качестве важного механизма сбалансирования интересов различных фракций или группировок и предотвращения господства какой-либо одной фракции отцы-основатели сформулировали принцип разделения властей и систему «сдержек и противовесов». Однако сам принцип выборности на основе довольно широкого для того времени права голоса двух наиболее важных из трех ветвей государственной власти — законодательной и исполнительной — предполагал возможность выбора между альтернативными политическими курсами и лидерами, призванными представлять избирателей, выступающих в поддержку той или иной альтернативы. Именно здесь партии и партийная конкуренция стали играть ключевую роль.

Большое значение имела также законодательная легализация в большинстве штатов после провозглашения независимости таких буржуазно-демократических прав, как свобода слова, печати, собраний, вероисповедания, что

создавало правовые возможности для оформления политической оппозиции.

Принцип представительства приобретал особенно большую актуальность вследствие того, что революция и социально-политические перипетии послереволюционного периода способствовали вовлечению в политический процесс широких слоев населения, которые раньше как бы оставались в стороне от политических споров и конфликтов. О возросшей роли народных масс в общественно-политической жизни свидетельствует хотя бы тот факт, что в послереволюционный период мобилизация массовой поддержки тех или иных политических программ или же отдельных политических лидеров в американской политике постепенно приобрела решающее значение. Более того, политические партии первоначально сформировались как средство организации такой поддержки.

Следует отметить, что политические партии не всегда играли сколько-нибудь важную роль в общественно-политической жизни Америки. Более того, в Декларации независимости и Конституции США, заложивших основы государственной и политической системы молодой буржуазной республики, партии вовсе не упоминаются, а в «Федералисте» о них говорится в негативном смысле. Многие отцы-основатели считали партии в лучшем случае необходимым злом. Они видели в партиях источник конфликтов, раздоров и смуты, рассматривали их как инструменты в руках неразборчивых в средствах политиков. Как пишет историк Н. Каннигем, «одним из парадоксов политического развития Америки было то, что создание политических партий проходило в атмосфере недоверия к политическим партиям». Сама идея о двух или нескольких соперничающих друг с другом партиях как средствах представительства отдельных социальных групп и интересов в рамках определенной общественно-политической системы не принималась участниками политического процесса того времени.

Так, Б. Франклин предупреждал против опасности фракций и «бесконечных взаимных злоупотреблений партий, разрывающих на куски наилучшие из характеров». Вашингтон был избран президентом на непартийной основе и рассматривал себя стоящим над партиями и политикой. В своем «Прощальном послании» он говорил об опасных последствиях «партийного духа» и существования партий как «готового оружия» для подрыва власти народа и узурпации правительственной власти.

Другими словами, большинство политических деятелей того периода были убеждены в том, что партии совершенно не пригодны в рамках республиканской формы правления. По мере формирования каждая политическая партия лишь одну себя считала законной и ставила цель ликвидировать противную сторону. Т. Джефферсон и его последователи ожидали, например, что федералистская партия исчезнет после победы республиканцев, т. е. их собственной партии, в 1800 г. и ее действительное исчезновение в последующие годы воспринималось как должное.

Даже Дж. Монро, Дж. Адамс, Э. Джексон в первые десятилетия XIX в. высказывались против партий. Дж. К. Адамс провозглашал своей целью ликвидацию «остатков старых партийных различий». В аналогичном духе рассуждали и последующие президенты Дж. Монро и Э. Джексон. Показательно, что фактически вплоть до 1844 г. ни одна политическая партия, которая потеряла президентский пост, не завоевала его обратно. Позиции отцов-основателей и их современников характеризовались очевидным противоречием: с одной стороны, они принимали политические различия и идею политической свободы, а с другой стороны, отвергали политические партии.

Но тем не менее партии стали важнейшим компонентом общественно-политической и государственной системы США. Их возникновение было предопределено объективными процессами социального расслоения общества и эволюции общественно-политической системы США. Решающее значение в возникновении в послереволюционной Америке различных политических группировок, объединенных под названием федералистов и республиканцев, имел тот кардинальный факт, что «мы — народ», о котором провозгласила федеральная конституция, отнюдь не был единым, что он состоял из имущих и неимущих, эксплуататоров и эксплуатируемых. Более того, сама молодая американская буржуазия отнюдь не была единой и состояла из разнородных, зачастую конфликтующих между собой фракций и группировок со своими особыми интересами. Различия между этими группировками и фракциями касались важнейших сфер внутренней и внешней политики, а в более широком плане — характера самого государственно-политического устройства и дальнейших путей развития США. Споры по таким общенациональным вопросам, как принятие конституции, гампльтоновская программа экономического развития страны, проблемы государственных долгов, «свободных» земель и т. д. способ-

ствовавали вовлечению все более растущего числа людей в партийно-политическую борьбу, интенсификации расхождений, которые разделяли различные фракции и группировки буржуазии. Предметом ожесточенных дискуссий и конфликтов стали проблемы создания национального банка, тарифной системы, регламентации хозяйственно-экономических связей между штатами и т. д. В послереволюционный период весьма актуальным оставался вопрос об избирательном праве.

Как показывает исторический опыт, различие интересов неизбежно порождает разное понимание роли государства и взаимоотношений государства и отдельного индивида и, соответственно, разные социально-философские и идейно-политические установки. Люди с одинаковыми интересами и воззрениями в конечном итоге объединяются между собой для достижения общих целей совокупными силами. В ходе ожесточенных споров, развернувшихся вокруг вышеназванных вопросов, шел процесс консолидации двух главных фракций американской буржуазии и их партийно-политического размежевания. Признание законности существования соперничающих между собой интересов и фракций неизбежно приводило к признанию законности политических инструментов, призванных представлять эти интересы и фракции в государственно-политической системе, системе власти. Такие инструменты основатели и политические деятели молодой республики нашли в партиях, которые создавали путем приведения к общему знаменателю разнородных интересов и позиций основных фракций буржуазии.

Первые крупные политические разногласия появились уже в 80-е годы в результате экономических трудностей, возникших из-за отсутствия эффективной общенациональной государственной структуры. Так называемые «националистические республиканцы» средних штатов и имущих слоев населения Новой Англии, хотя между их руководителями, в частности, А. Гамильтоном и Дж. Адамсом, существовали довольно значительные противоречия, объединили свои усилия для создания сильного централизованного государства с верховенством общенационального правительства над правительствами штатов. Модель государства, предлагаемая этой группировкой, получившей название «федералистов» или партии федералистов, предусматривала также ограниченное избирательное право, основанное на имущественном цензе, учреждение национального банка по английскому образцу, введение высо-

ких таможенных тарифов, призванных оградить промышленность страны от проникновения иностранных товаров и т. д. Эта группа отстаивала интересы богатых собственников, крупных торговцев, кредиторов, т. е. тех слоев населения, которые были заинтересованы в создании сильной, централизованной системы правления, способной эффективно регулировать денежную систему, торговлю, сбор налогов и т. д. Федералисты во главе с их вождем А. Гамильтоном были убеждены в том, что правительство должно принадлежать «богатым, способным и благодарным» и быть способным защищать меньшинство имущих от неимущего большинства.

Политическая группировка, противостоящая федералистам, стала известна под названием антифедералистов или республиканцев. Она представляла мелких и средних собственников, ремесленников, южных плантаторов, часть нарождавшейся промышленной буржуазии, заинтересованной в развитии внутренней торговли. Эти группировки выступали против централизации федерального правительства, за «дешевое» правительство, низкие налоги, легкий доступ к «свободным» землям, сохранение за штатами как можно более широких полномочий, против протекционистских тарифов и отдавали предпочтение сельскому хозяйству перед промышленностью и торговлей. Идеи Т. Джефферсона, ставшие идейно-политической платформой этих слоев населения, в целом характеризовались приверженностью ценностям местничества, эгалитаризма, индивидуализма, отделения церкви от государства. Фермеры рассматривались Т. Джефферсоном и его последователями как наиболее добродетельные люди, на которых зиждется благополучие любого здорового и жизнеспособного общества.

Переориентация от консенсусного идеала на концепцию постоянной партийной конкуренции, согласно многочисленным исследованиям американских историков, происходила как на национальном уровне, так и на уровне штатов. Партийное размежевание в конгрессе и легислатурах штатов дополнялось партийными организациями, создаваемыми вне их в каждом штате. В разных штатах процесс формирования партий как по своему содержанию, так и в хронологическом отношении протекал по-разному. В целом, общим для этого процесса было то, что в отличие от старых фракций, организованных вокруг какой-нибудь отдельной аристократической фигуры или семьи, почти во всех штатах партия нового типа мыслилась как

массовая организация, ответственная перед всеми ее членами и дающая всем ее членам возможность участвовать в политическом процессе.

Важным фактором, способствовавшим возникновению партий, были организационные потребности функционирования больших политических систем, формирования определенных государственно-политических структур, призванных как-то отразить разнообразие интересов. Обращает на себя внимание тот факт, что прослеживается тесная взаимосвязь между возникновением политических партий и формированием буржуазной теории политического представительства.

В последующие годы шел процесс постепенного совершенствования партийного аппарата. Как правильно отмечает А. М. Шлезингер-мл., «первая партийная система явилась одновременно и созданием и создателем американской политической структуры»⁴. В этом отношении важную роль играло то, что две соперничающие партии и соответствующие им два направления буржуазной идеологии, хотя и предлагали свои альтернативные политические курсы, не подвергали при этом сомнению определенный комплекс политических, государственных и правовых принципов, легших в основу буржуазной общественно-политической системы. Несмотря на различия по широкому спектру идей и концепций общественного и государственно-политического устройства, большинство политически активного населения тринадцати штатов разделяло идеи конституционализма, индивидуализма, свободы вероисповедания, свободы слова и печати и т. д. Соблюдение и реализация этих принципов создавали предпосылки для признания каждой из противоборствующих сторон «законности» существования противной стороны. Так, касаясь места партий в общественно-политической системе, Дж. Мэдисон писал: «В цивилизованном государстве неизбежно выкристаллизовываются специфические интересы аграрных слоев, промышленников, торговцев, финансистов, а также других более мелких социальных групп, разделяя общество на различные классы, действующие под влиянием противоречивых взглядов и настроений». А это, продолжал Мэдисон, «вносит партийный дух в действия правительства». Хотя в последующие десятилетия дискуссия о неизбежности и необходимости партий не прекращалась, две соперничающие партии, действующие как бы в тандеме, стали важной реальностью государственно-политической системы США. В 30—50-х годах получило популяр-

ность убеждение в том, что в политической борьбе партия «приобретает дополнительную силу» в результате «надавок на нее со стороны другой партии» и что «партия только теряет, когда оппозиция слишком слаба». К концу XIX в. партии утвердились в качестве важных структурных и функциональных элементов политической организации буржуазного общества в США.

Партии в буржуазном понимании этого слова, как оно сложилось к тому времени, предполагают более или менее оформившуюся организационную структуру, определенную группу профессиональных политиков и партийных кадров, занимающихся делами партии, более или менее значительную и постоянную массовую базу, более или менее сформировавшуюся идеологию и идейно-политическую платформу и т. д. В идеале цель партии состоит в достижении представительства в политической системе тех слоев населения, интересы которых она выражает. Идея партии как законной оппозиции предполагает соблюдение и правительством и оппозицией «правил игры», суть которых состоит в общепринятом согласии на мирную передачу власти от одной (побежденной) партии другой (победившей) партии в ходе избирательного процесса. Партии в политической структуре буржуазного общества выступают в качестве носителей конкурирующих друг с другом политических курсов, при этом не ставя под сомнение законность существующего конституционного режима. В идеале партия, находящаяся в оппозиции, отвергает заговор, государственный переворот, бунт, восстание, революцию и т. д. в качестве средств завоевания политической власти и открыто апеллирует к избирателям. В то же время на действующее правительство налагаются определенные ограничения в отношении методов и средств, которые оно может использовать против оппозиции. Допускается выражение оппозиционных взглядов как внутри, так и вне парламента.

С принципом представительства и идеей партии как законной оппозиции тесно связана идея выборности, призванной обеспечить народный суверенитет и представительство всех заинтересованных группировок и слоев населения в системе власти через партии. Более того, именно через институт выборов, именно через избирательный процесс осуществляется воздействие политической культуры на политические реалии и процессы, на политические решения, на избирательный процесс, политическое поведение и т. д. Центральная проблема, которой запи-

маются партии — это избирательный процесс. Лишь выигрывая на выборах и завоеывая выборные должности, партия и ее руководство в состоянии утвердить свои позиции и добиваться власти для достижения своих целей. Успех на выборах является неперемным условием выживания партии и мерой ее эффективности и жизнеспособности. Для так называемого «среднего американца», как правило, мерилом положительной или отрицательной оценки всякой деятельности будь то отдельного человека или общественно-политического института является успех. В данном плане политические партии также не являются исключением. На это обратил внимание еще немецкий политэкономист XIX в. В. Зомбарт, «Для американца, — писал он, — это невыносимое чувство принадлежать к партии, которая из избирательной урны извлекает вечно ничтожные количества голосов, которая в близком будущем не может рассчитывать на какие-нибудь реальные успехи и заклеяна поэтому печатью смешного. Политический деятель, принадлежащий к партии, находящейся в меньшинстве, должен смиренно стоять в стороне, когда в дни выборов экстаз от цифровых успехов больших партий достигает крайней степени напряжения, когда все газеты исполинскими буквами отмечают избирательные победы своих кандидатов, когда переданные по телефону цифры лезут в глаза с огромных транспарантов, сооружаемых редакциями больших газет в дни президентских выборов»⁵. Именно успехи на выборах обеспечивают приток финансовых средств в партийную кассу и фонд избирательной кампании, что в свою очередь является необходимым условием эффективного функционирования и выживания партий. Преимущественное концентрирование внимания партий на проведении избирательной кампании и завоевании победы на выборах привело к тому, что здесь активность партийной организации растет и падает в зависимости от избирательных циклов.

Перечень разного рода должностей и постов, замещаемых с помощью выборов, в США довольно велик. Выборы как механизм замещения широкого круга должностей охватывают все уровни государственности от федерального до местного, от президента страны до местных шерифов. В США раз в четыре года проводятся общенациональные выборы, на которых избираются президент и вице-президент страны, члены палаты представителей и сената конгресса США; выборы на штатном уровне для избрания губернаторов, членов законодательных собра-

ний, генеральных прокуроров и других должностей, выборы на местном уровне для замещения выборных должностей местных властей. Часть должностей на всех уровнях, кроме президентского, заменяется на так называемых промежуточных выборах, которые проводятся через каждые два года после президентских выборов.

Поэтому, естественно, что партии и институт выборов утвердились в США одновременно и развивались в тесной взаимосвязи друг с другом. С самого начала одна из главных функций политических партий и избирательной системы состояла в формализации и институционализации политического участия граждан, замене спонтанных, стихийных, неорганизованных и зачастую «незаконных» (бунт, восстание и т. д.) форм политических действий «узаконенными», институционализированными формами участия через партии и избирательную систему. Введя принцип смены политической власти в процессе конкуренции между двумя или несколькими партиями, избирательная система и партии как бы отделяли конкретных людей, сменявшихся у власти, от самого режима. Партии и выборы, как правильно отмечает американский политолог Б. Гинзберг, стали важным средством «канализирования и контролирования политической активности масс, ...мобилизации массовой поддержки режиму»⁶. Партии в качестве институционализированного механизма завоевания власти и участия в политическом процессе дают правящим кругам возможность установить определенные «правила игры», призванные интегрировать народные массы в существующую систему.

Одной из центральных функций буржуазных партий стало достижение стабильности существующей системы, устойчивых отношений между правящим классом и широкими слоями населения. Даже тогда, когда партии не участвуют в деятельности правительства, они играют свою роль в стабилизации политической системы, выступая в качестве инструментов политической социализации граждан, регистрации их умонастроений и вовлечения в политический процесс. Партии служат орудием борьбы за власть между различными фракциями господствующего класса, с их помощью отбирается и формируется персональный состав правящей элиты. В отличие от большинства европейских стран, где партийно-политическая борьба развертывалась в форме соперничества множества противоборствующих партий и группировок, в США сложилась система двух главных буржуазных партий, кото-

рые, сформировавшись к 60-м годам XIX в., с довольно существенными модификациями сохранилась до наших дней. Хотя две главные партии американской буржуазии — республиканская и демократическая — противостоят друг другу (особенно в периоды избирательных кампаний) как непримиримые соперники, они составляют единую двухпартийную систему. Эти две партии пронизывают всю политическую жизнь и все политические институты страны. Они выполняют целый ряд функций по обеспечению связей между различными уровнями и различными ветвями государственной власти, вырабатывают компромиссные политические решения, выполняют посреднические функции между различными социальными группами, составляющими их избирательную базу, проводят мобилизацию общественного мнения в поддержку выдвигаемых ими проблем, идейно и организационно обеспечивают избирательные кампании и выдвигают кандидатов на выборные должности на всех уровнях власти.

Учитывая стабилизирующую роль выборов, правящие круги США уделяют большое внимание подготовке подрастающего поколения к участию в политическом и особенно в избирательном процессе. Большая роль в этом плане отводится системе образования, а также различным механизмом от официальных празднований национальных праздников до мероприятий частных патриотических и политических организаций. Избирательные кампании уже сами по себе обеспечивают возможности для пропаганды достоинств участия в голосовании. Мероприятия с целью стимулирования участия в выборах не только усиливают политический интерес, но и оказывают значительное влияние на установки граждан в отношении правительственного процесса. Акт участия в выборах уже сам по себе увеличивает веру граждан в законность и ответственность правительства. Для американцев сам факт участия в голосовании имеет чуть ли не ритуальное значение. Как не без основания отмечает Б. Гинзберг, влияние участия в избирательном процессе аналогично влиянию, которое оказывается на организованную религию отдельными индивидами, которые подчиняются принципу отправления веры в той церкви, которую они сами выбирают. Здесь сам факт отправления веры важнее выбора церкви, в которой этот акт осуществляется. Подобным же образом в ряде случаев значение имеет не столько характер и формы голосования, сколько само существование голосования как такового.

Одним из важнейших факторов формирования, утверждения и жизнеспособности политической культуры и принятия ее основных элементов большинством населения является принятие им идеи легитимности существующей системы и действующего в каждый данный период политического режима. Более того, в системе ценностей, ориентаций, установок, стереотипов, составляющих политическую культуру, центральное место занимают элементы, способствующие формированию и сохранению политической системы. Устойчивость и жизнеспособность политической системы зависит от степени соответствия ее ценностей ценностям политической культуры. Количество разделяемых всеми членами общества «позитивных» ценностей определяет степень консенсуса между его отдельными компонентами, его стабильность и жизнеспособность. Для большинства американцев и политических партий, во всяком случае двух главных партий страны — республиканской и демократической — характерна приверженность основополагающим принципам и ценностям существующей системы. Выше был дан подробный анализ идеи американской исключительности и было показано, что большинство американцев разделяют эту идею, считая общественно-политическую систему США наиболее совершенной и могущей служить в качестве образца подражания для других народов и стран земного шара. Выше указывалось также и на то, что несмотря на критическое отношение отдельных, порой значительных категорий населения к тем или иным общественно политическим институтам, отдельным политическим и государственным деятелям страны, большинство американцев не ставят под сомнение легитимность существующей системы, их позиции в данном вопросе не носят антисистемный характер. Поэтому, естественно, что конфликты и споры между главными социально-политическими силами, демократами и республиканцами, либералами и консерваторами происходят, как правило, не по вопросу о форме правления, а о том, кто именно лучше может реализовать эти формы. Как отмечают Г. Алмонд и С. Верба, в Америке «правые и левые одинаково поддерживают существующую систему и различаются лишь по своему пониманию природы политики и предназначения политического механизма»⁷. Другими словами, здесь споры и конфликты возникают и разрешаются на уровне власти, в сфере борьбы за власть, с целью реализации того или иного политического курса.

Мировоззренческий компонент политической культуры США концентрируется вокруг более или менее четко очерченных полюсов, которые условно можно обозначить как консерватизм и либерализм. Условно, потому что каждый из этих полюсов, смыкающихся в центре друг с другом, имеет свои левый и умеренный сегменты. В то же время существуют социально-политические силы, ориентирующиеся на правый и левый варианты радикализма, или, иначе говоря, выступающие за выход за пределы господствующей политической культуры. Преобладающее положение двух основных течений буржуазной общественно-политической мысли и, соответственно, двух мировоззренческих компонентов в политической культуре США обусловлено проанализированными в предыдущих главах особенностями формирования американской нации и национального сознания. Эти особенности, естественно, сказались и на формировании, характере и идеологической направленности политической культуры.

Как уже указывалось, в формировании и дальнейшем развитии американской нации, ее национального сознания, а также капитализма в США доминирующую роль сыграла буржуазия. Причем, буржуазия не едина по своему социальному составу: она включает разнородные группировки, слои и прослойки, отличающиеся друг от друга по своему социально-экономическому статусу, месту в социальной иерархии, по степени близости и доступа к рычагам власти, интересам и т. д. В вертикальном разрезе буржуазия в наши дни разделяется на крупную монополистическую, среднюю и мелкую, которые, будучи объединены стремлением к сохранению существующей системы, вместе с тем имеют свои специфические интересы. В горизонтальном разрезе острую конкурентную борьбу между собой ведут различные финансовые группы и капиталистические образования.

В США существенный отпечаток на облик буржуазии наложило наличие региональных различий, противоречий и конфликтов. Последние, в свою очередь, зачастую отражали длительную борьбу за власть между различными капиталистическими фракциями, в то время как появление следующих друг за другом индустриальных «границ» создавало условия для появления новых региональных центров капитала. Доминирующее положение Уолл-стрита ограничивалось конкуренцией со стороны таких финансовых центров, как Кливленд, Чикаго, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Хьюстон. В результате привилегирован-

ный доступ к федеральному правительству, которым пользовались более старые группы буржуазии, постоянно подвергался домогательствам со стороны более новых региональных капиталистических группировок. Этот конфликт ускорялся и обострялся относительно децентрализованной политической системой, которая благоприятствовала консолидации местных цитаделей власти капиталистов на штатной или муниципальной базе. Эта картина дополняется также местническими, расово-этническими, религиозными и иными различиями. Все это способствовало формированию конфликтующих друг с другом коалиций интересов в рамках буржуазии.

Важно учесть также то, что разделение между классами, имущими и неимущими не следует понимать как некую неизменную, статичную линию, не допускающую взаимных пересечений. Функционирование системы частного предпринимательства создает условия, при которых определенные категории наиболее предприимчивых и удачливых людей из низших слоев общества периодически пополняют ряды власть имущих и, в свою очередь, отдельные группы имущего класса опускаются до уровня наемных работников. Эти и ряд других факторов способствовали тому, что в США на различных этапах их исторического развития в зависимости от реальных социально-экономических, политических, идеологических и др. условий складывалось различное соотношение тех или иных фракций господствующего класса в экономике, политике и в социальной сфере. Это, естественно, отражалось на трактовке тех или иных компонентов политической культуры и, естественно, на социально-философских и идеологических позициях и, соответственно, на всем комплексе ориентаций, установок, ценностей и т. д., составляющих политическую культуру. В рамках двухполюсной схемы либерализм — консерватизм, да и мелких течений, либо примыкающих к ним справа и слева, либо совершенно отвергающих их постулаты, с рассматриваемой точки зрения в центре споров и дискуссий всегда стоял и продолжает стоять вопрос о роли государства и государственно-политических институтов в общественно-политической жизни страны.

На начальном этапе становления и утверждения господства буржуазии как класса ее наиболее передовые представители выдвинули комплекс идей, концепций и доктрин, получивший название «классический либерализм». Классический либерализм объявил потерявшими

силу все формы наследственной власти и сословных привилегий, поставив на первое место свободу и естественные способности отдельного индивида как самостоятельного разумного существа, независимой единицы социального действия. Свобода понималась приверженцами классического либерализма в негативном смысле, т. е. в смысле свободы от политического, церковного и социального контроля со стороны феодального государства. Борьба за свободу для них означала борьбу за уничтожение внешних ограничений, накладываемых на экономическую, физическую и интеллектуальную свободу человека. В соответствии с такими установками были сформулированы политэкономическая, юридическая, правовая система и государственно-политическая концепция, в которых право было превращено в инструмент гарантирования отдельному индивиду свободы выбора морально-этических ценностей, форм деятельности и создания условий для претворения в жизнь этого выбора. Эти идеи воплотились в принципах свободного рынка, свободной, ничем не ограниченной конкуренции и государства — «ночного сторожа». В политической сфере они нашли отражение в идее правового государства. По мнению либералов, закон должен гарантировать свободу личности, неприкосновенность жилища, духовную свободу. В обществе должен господствовать закон, а не люди, функции государства состоят в регулировании отношений между свободными гражданами на основе законов. В наиболее законченной форме подобная постановка вопроса нашла отражение в политической демократии и ее важнейших институтах, построенных на принципах политического и идеологического плюрализма, парламентаризма, выборности должностных лиц от местного шерифа до президента страны, ротации власти и т. д.

Характерные для того периода экстенсивное воспроизводство частнособственнического типа и утверждение идей индивидуализма, мифа о «человеке, сделавшем самого себя», и материальном успехе как главном критерии ценности человека оказали глубокое влияние на сущность и формы идейно-политических воззрений различных фракций господствующего класса и подавляющего большинства населения страны. Важнейшие постулаты классического либерализма — принципы индивидуализма, «свободного рынка» и свободной конкуренции — к последней трети XIX в. в США получили настолько большую популярность, что их исповедовало большинство американских

избирателей независимо от того, к какой партии они принадлежали. Причем, демократы были более последовательными сторонниками свободно-рыночных отношений и свободной конкуренции. Руководители обеих партий придерживались доктрины, согласно которой лучшей гарантией благосостояния общества является здоровая экономика, основанная на принципах частного предпринимательства, свободного рынка и свободной конкуренции. Придя к власти, они избегали сколько-нибудь значительных федеральных расходов, особенно в области социальной помощи нуждающимся, проводили политику минимальных налогов, сбалансированного государственного бюджета и низкого государственного долга.

Однако следует отметить, что названные постулаты, составившие ядро, сердцевину американской национальной политической культуры, на протяжении всей истории США существенно изменялись в зависимости от изменяющихся социально-экономических, общественно-исторических, политических и иных условий.

Не следует забывать то, что важнейшие понятия, которыми мы оперируем в политических и идеологических дискуссиях, — такие как «либерализм», «консерватизм», «левые», «правые», «центр» и т. д. — вошли в обиход еще в первые десятилетия XIX в., и с тех пор вкладываемое в них содержание претерпело значительные изменения. Поэтому определение политической культуры, равно как и того или иного течения общественно-политической мысли, как некоторого комплекса неизменных и однозначно трактуемых идей, концепций и доктрин, может лишь исказить его действительную сущность, поскольку одни и те же идеи и концепции в разные исторические периоды и в различных социально-экономических и политических контекстах могут быть интерпретированы и использованы по-разному для достижения разных целей.

В процессе развития капиталистического общества в последние десятилетия XIX в., сопровождавшегося сужением сферы действия механизмов свободной конкуренции и свободно-рыночных отношений, произошла инверсия функций важнейших постулатов классического либерализма. Если в период борьбы с феодализмом или его остатками и утверждения капиталистических отношений идеи свободного рынка, государства как «ночного сторожа» и т. д. объективно играли прогрессивную роль в борьбе против жестких ограничений средневекового корпорати-

визма, общинного мышления и институтов внеэкономического принуждения, то в условиях утвердившихся буржуазных общественных отношений эти идеи превратились в требование неограниченной свободы конкуренции и эксплуатации наемного труда. Они приобрели консервативную функцию защиты статус кво.

При таком положении вещей представители наиболее динамичной и дальновидной части правящих кругов стали сознавать, что так называемая свободная игра рыночных сил отнюдь не обеспечивает, как предполагалось, гармоничное развитие общества. Выдвинулась целая плеяда политэкономистов, социологов, политологов, таких, как Дж. Кроули, Ч. Бирд, Дж. Дьюи и др., выступивших с предложениями о пересмотре важнейших положений классического либерализма и осуществлении реформ, призванных ограничить произвол монополий и облегчить положение наиболее обездоленных слоев населения. Они сформулировали ряд новых важнейших принципов либерализма, который получил название «новый либерализм».

Водоразделом, сделавшим классический либерализм достоянием истории и бесповоротно утвердившим принципы государственного вмешательства, стали великий экономический кризис 30-х годов и новый курс Ф. Д. Рузвельта. Основополагающее значение с этой точки зрения имело завоевавшее в тот период широкую популярность и большое влияние кейнсианство, построенное на постулате об идеологическом, политическом и социально-экономическом банкротстве основных доктрин классического либерализма — индивидуализма, свободной конкуренции, свободного рынка и т. д. — и необходимости усиления роли государства в важнейших сферах жизни общества. В результате целой серии мероприятий, осуществленных в течение первых четырех—пяти десятилетий XX в. в США преимущественно демократической партией, были созданы по сути дела новые производственно-экономические структуры, составившие основу государственно-монополистического капитализма. Концентрация и централизация экономической и политической власти получили официальную санкцию. За государством была признана функция регулятора экономических и социальных процессов. В противовес концепции государства — «ночного сторожа» либералы выдвинули концепцию «государства благосостояния», которая проповедовала идею о необходимости и возможности преодоления социальных конфликтов посредством обеспечения с

помощью государственного вмешательства нормальных условий жизни всех слоев населения путем реализации программ социальной помощи, принятия мер, направленных на решение проблем безработицы и т. д.

В сфере политической теории концепция «государства благосостояния» нашла выражение в идее плюрализма и «плюралистической демократии», рассматривающей политическую систему как арену столкновения различных конкурирующих друг с другом групп, вступающих в разного рода союзы, коалиции, компромиссы, соглашения. Согласно этой идее, различные группы уравнивают друг друга, удерживая всю политическую систему в равновесии, препятствуя отклонению вправо или влево. Если либерализм и социализм с самого начала возникли в качестве классовых идейно-политических течений соответственно буржуазии и рабочего класса, то в этом смысле значительно сложнее обстояло дело с консерватизмом. Как тип политического сознания и идейно-политических ориентаций консерватизм представляет собой идеологию тех категорий населения, положению которых угрожают объективные тенденции общественно-исторического и социально-экономического развития, тех привилегированных социальных группировок, которые испытывают все возрастающие трудности и давление со стороны не только революционно-демократических сил, но и наиболее динамичных фракций собственного класса. Нередко консерватизм был своего рода защитной реакцией тех средних и мелких предпринимателей, которые испытывали страх перед будущим, перед динамизмом капиталистического развития, несущим с собой усиление противоречий и конфликтов, разорение, ухудшение условий жизни. В наши дни важнейшие принципы консерватизма исповедуются представителями той части буржуазии, которая, добившись высокого экономического статуса, власти и привилегий, стремится превратить их в охраняемые и законом и традицией «естественные права» от притязаний как своих конкурентов по классу, так и социально-политических сил, выступающих против капитала.

Следует подчеркнуть, что консерватизм в некотором смысле представляет собой нечто большее, чем просто защиту интересов той или иной фракции господствующего класса. В качестве «сознательного традиционализма» он отстаивал традиционные формы жизни. Поэтому консерватизм мог и может апеллировать и к отдельным группировкам из других классов, например, к фермерам, ла-

вочникам, ремесленникам, к жителям сельской местности вообще. Большое значение имеет и то, что консерватизм выдвигается в контексте религиозной социальной философии. Принимая основные ценности, идеалы, наличные институты существующей общественно-политической системы, консерватизм делает ударение на необходимости сохранения традиций и существующей иерархии власти и богатств. В духе гегелевской формулы «Все действительное разумно, все разумное действительно», консерватор рассматривает существующий мир как наилучший из всех возможных миров.

Все это отнюдь не означает, что консерваторы отвергают все без исключения изменения. Как пишет представитель современного американского консерватизма С. Хантингтон, «консерватизм означает не просто отсутствие перемен. Он представляет собой четко очерченное, систематическое, теоретически обоснованное противодействие определенным переменам», т. е. переменам, угрожающим привилегированному положению господствующего класса. Для консерваторов трудные дилеммы создал уже сам факт наличия в их позициях антикапиталистического компонента, поскольку, будучи черзвычайно динамичной системой, капитализм подрывает традиционные ценности и институты, отстаиваемые консерватизмом. С изменением наличных структур изменяется и содержание консерватизма. С этой точки зрения, идеологические и социально-философские позиции консерватизма характеризуются эклектизмом и прагматизмом. Показательно, что в конце XIX — начале XX вв. консерватизм инкорпорировал в себя ряд важнейших постулатов классического либерализма, таких как *laissez faire*, свободной конкуренции, индивидуализма и т. д. Ряд существенных изменений консерватизм внес в свои социально-философские и идейно-политические доктрины после второй мировой войны. Так, послевоенный консерватизм при всех оговорках принял в целом систему государственного вмешательства в экономику, «государство благосостояния», профсоюзы и т. д.

Поэтому неудивительно, что в 50-е годы сформировалось своеобразное либерально-консервативное согласие или консенсус между умеренным крылом консервативного лагеря и либералами по некоторым важнейшим вопросам социально-экономической политики, консенсус, который сохранился до середины 70-х годов, а некоторые его элементы сохраняются и поныне. Эта проблема до-

вольно подробно изучена в нашей литературе. Здесь отметим лишь то, что либерально-консервативный консенсус базировался на принятии представителями важнейших фракций буржуазии некоторых существенных принципов государственного вмешательства в социальную и экономическую жизнь.

Поэтому неудивительно, что в американской политической культуре сложилось противоречивое отношение различных категорий населения к роли государства в экономической и социальной сферах, а также неоднозначный подход к связанным с этим другим вопросам. Здесь, пожалуй, в наиболее отчетливой форме проявилась противоречивость американского национального сознания, о которой говорилось выше. В процессе формирования американской нации и национального самосознания в соответствии с идеей индивидуализма и индивидуальной свободы одновременно формировался идеал минимального государства или государства — «почтового сторожа», согласно которому наилучшим считалось государство, функции которого ограничиваются сохранением общественного порядка и обеспечением условий для реализации индивидуальных интересов всех членов общества в соответствии с принципами личной свободы и неприкосновенности. Для американской политической традиции стали характерны недоверие и даже неприязненное отношение к государству, государственным институтам и отождествляемой с ними политике вообще. Общеизвестен еще тот факт, что американцы отдают предпочтение правительствам штатов перед федеральным правительством, органам местного правительства перед правительствами штатов, семье, общине и индивиду перед обществом в целом. Это отчасти объясняется тем, что в Америке община была организована раньше графства, графство — раньше штата, а штат — раньше союза.

Однако, как выше говорилось, в результате утверждения государственно-монополистического капитализма государство приобрело широкие прерогативы по регулированию экономических и социальных процессов, в научной литературе и массовом сознании сформировались новые установки и воззрения в отношении государства и его роли в общественной жизни. В итоге первоначальный американский идеал государства пришел в противоречие с реально установившейся в XX столетии формой государства, что обуславливает очевидную противоречивость политического сознания американцев.

По данным опроса общественного мнения, проведенного Дж. Гэлланом в 1944 г., на вопрос «хотели бы вы, чтобы ваш сын после окончания школы избрал в качестве пожизненной профессии политику?» лишь 21% ответили положительно. Большинство из тех, кто дал отрицательные ответы считали политиков «нечистоплотными», «правственно испорченными», «коррупцированными» или «неэтичными»⁸. В последующем процент лиц, ответивших на подобный вопрос, возрос незначительно. Так, в ходе опроса, проведенного среди студентов колледжей институтом Гэллага в декабре 1969 г., обнаружилось, что среди общественно-политических институтов страны политические партии входили в число наиболее низко оцениваемых институтов. Лишь 18% опрошенных считали, что политические партии выполняют отличную или хорошую работу.

О сравнительном безразличии американцев к политике и политикам свидетельствует и то, что они довольно мало знают о них. Результаты опросов показывают, что за весь послевоенный период вплоть до наших дней в среднем лишь 55% взрослого населения знает сколько сенаторов США имеет каждый штат, менее 50% знает имя своего конгрессмена, лишь 35% может дать приемлемое определение коллегии выборщиков, менее 20% может назвать все три ветви федерального правительства, менее половины может дать хотя бы приближенное определение американской экономической системы.

Партийные структуры в традиционном европейском понимании служат для более или менее спаянной организации сторонников определенного комплекса социально-философских, идейно-политических концепций, идей, убеждений и принципов, их дисциплинирования. Однако позиции американцев, апеллирующих к своим индивидуальным правам и свободам, оказываются несовместимыми с сильной и дисциплинированной партийной организацией. В Англии, например, лейбористская и консервативная партии могут предписывать своим членам в палате общин голосовать в соответствии с общей линией партии. А в США члены конгресса могут голосовать в оппозиции к собственной партии, но в то же время переизбраться на выборах в своем избирательном округе, в отличие от членов палаты общин, которые имели бы мало надежд на переизбрание, поскольку английские партии располагают различными санкциями для дисциплинирования своих членов. Члены палаты общин избираются

потому, что от них ожидают поддержки политического курса и программ партии. Отход от партийной линии рассматривается как игнорирование предоставленного им мандата. В Америке же все обстоит совершенно иначе.

В США кандидаты в конгресс выдвигаются местными партийными организациями. Национальные комитеты партий, находящиеся в Вашингтоне, почти не имеют возможности контролировать более или менее автономные штатные и местные партийные организации. Члены конгресса, губернаторы, кандидаты на штатном и местном уровнях могут получить денежные средства из фондов партийных организаций своих штатов и из частных источников. Поэтому естественно, что общенациональная партийная организация не в состоянии жестко контролировать действия и голосование своих представителей в конгрессе.

Географическая партикуляризация общенационального электората способствует выпячиванию местных проблем, поскольку каждый представитель в конгресс страны избирается электоратом определенной местности. А это означает, что судьба избранного от данной местности кандидата на следующих выборах непосредственно зависит от факторов, специфически присущих его району. Подобное обстоятельство усиливает позиции местных организаций и их руководителей, что, естественно, усложняет выявление политических предпочтений основных категорий населения, особенно что касается важнейших государственно-политических институтов, вмешательства государства в экономические и социальные процессы. Достижение ясности в этом вопросе затрудняется также тем, что здесь противоречия, так сказать, в горизонтальном разрезе совмещаются с противоречиями по вертикальной линии между идеологическим и практическим, теоретическим и обыденным уровнями сознания. Как показывают многочисленные исследования, большинство американских избирателей не придерживается четко и последовательно сформулированных идейно-политических позиций. В данной связи большой интерес представляют результаты исследований 50-х годов, в которых ставилась задача определить «уровень концептуализации», или степень четкости и последовательности идейно-политических ориентаций различных категорий избирателей. Этот «уровень концептуализации» строился на своеобразной «точке отсчета» при оценке избирателями тех или иных событий или действий правительства или партий. Опра-

ливаемые были квалифицированы по четырем уровням, включающим характеристики уровня сложности и идеологической зрелости понимания ими общественных проблем в политике партий. Для самого низкого уровня концептуализации был характерен совершенно невнятный ответ вроде: «Я всегда был демократом (республиканцем)». По данным исследования, в 1956 г. около $\frac{1}{3}$ избирателей США принадлежали к этой категории.

Второй уровень был представлен теми, кто был способен делать общие рассуждения, которых можно объединить под рубрикой «дух времени». Они давали примерно следующие ответы: «не люблю республиканскую партию, потому, что мы всегда имеем кризисы, когда она находится у власти» или же «не люблю демократическую партию потому, что мы всегда вовлекаемся в войны, когда она стоит у власти». Утверждения такого рода носят слишком общий характер, но тем не менее они указывают на осознание опрошиваемыми наличия связи между политическими партиями и происходящими событиями. Около $\frac{1}{4}$ избирателей принадлежали к этой категории.

Третья категория, которая охватывала 40% американцев, была близка к проявлению интереса к политике. Она включала людей, которые в целом сознавали то, каким образом групповые интересы представлены в правительстве. Самые «идеологически» настроенные из данной группы были убеждены в наличии конфликта между различными заинтересованными группами. Значительная часть их полагала, что та или иная партия склонна служить интересам какой-либо одной заинтересованной группы. Например, — «демократы представляют собой партию рабочих», «республиканцы заботятся о фермерах» и т. д. Самый высокий, четвертый, уровень концептуализации был представлен 12% американцев. Этот уровень, обозначенный как «идеологический», включал тех, кто по тому или иному комплексу социальных и политических вопросов высказывал более или менее четко сформулированные идеологические позиции по линии левые — либералы — консерваторы — правые радикалы.

Очевидно, что «идеологически» ориентированные избиратели составляют лишь незначительную часть американского электората. Аналогичная картина складывается и по результатам других исследований. Так, используя данные, собранные в 1956, 1958 и 1960 гг. Мичиганским центром анализа опросов, известный социолог П. Конверс поставил перед собой задачу выделить и измерить в со-

знаний американских избирателей некую «систему убеждений» или «конфигурацию» более или менее последовательно объединенных идей и установок. При этом Конверс исходил из того, что, если опрашиваемый выступает против расширения системы социального страхования, то его следовало бы причислить к консерваторам и на этом основании предположить, что он является противником и национализации частных отраслей промышленности, федеральной помощи системе образования и прогрессивного подоходного налога. Однако Конверс пришел к выводу, что такая логическая связь играет незначительную роль в «системе убеждений» большинства американцев. По его данным, лишь от 10 до 17% американцев имеют логически связанную, «стандартную» либеральную или консервативную «систему убеждений». Лишь 17% опрошенных имели четкое представление о различии между «либералами» и «консерваторами», 37% могли более или менее спосно обосновать его, а 46% имели об этом весьма смутное представление.

Поэтому неудивительно, что зачастую большинство американских избирателей могут выступать по одним вопросам как либералы, а по другим — как консерваторы. Это, в частности, подтверждается результатами исследования социологов Л. Фри и Х. Кэнтрила. В опросах общественного мнения, проводившихся перед президентскими выборами 1964 г., они поставили перед опрашиваемыми два комплекса вопросов. Причем первый комплекс был составлен в «идеологическом» ключе, а второй комплекс включал по существу те же проблемы, что и первый, но был составлен более конкретно. Обнаружилось, что при идеологической постановке вопроса 50% американцев оказывались консерваторами, в то время как при конкретной практической постановке вопроса 65% американцев занимали либеральные позиции. При оценке этого, казалось бы, неразрешимого противоречия следует учесть, что во многом оно вытекает из самой противоречивой природы социально-философских и идейно-политических установок американцев. Дело в том, что в подходе к важнейшим общественно-политическим проблемам многие американцы руководствуются своеобразным двойным стандартом. Живучесть традиционных идей индивидуализма, мифа о человеке, «сделавшем самого себя», согласно которому в Америке каждый человек, опираясь исключительно на свои собственные усилия, способен достичь богатства и власти, все еще существенным образом обус-

ловливает их негативную оценку роли государства в экономической и социальной сферах, централизации и бюрократизации. Поэтому на более абстрактном идеологическом уровне большинство американцев оценивает свои позиции как консервативные.

Иначе обстоит дело при оценке американцами конкретных программ правительства в различных областях общественно-политической жизни, тех или иных правительственных мер по решению конкретных социальных проблем в сфере медицинского обслуживания, строительства дешевого жилья, оказания помощи безработным и т. д. Результаты этих исследований, ставшие классическими для американской политологии, подтверждаются новейшими исследованиями профессора университета штата Кентукки С. Фелдмана, профессора Алабамского университета Р. Ласкина и др. в области массового политического сознания, а также базовых идейно-политических ориентаций и установок на материалах 70—80-х годов. Они убедительно показывают, что значительные категории американцев, независимо от идейно-политических ориентаций, могут высказываться одновременно и за ограничение роли федерального правительства и за расширение его функций в тех или иных сферах. Следует учесть также и то, что у значительной части американских избирателей идейно-политические позиции по линии консерватизм — либерализм, правые — левые в отношении двух важнейших комплексов проблем не всегда совпадают. Один из этих комплексов составляют проблемы социально-экономического характера: прогрессивное налогообложение, социальное обеспечение, медицинская помощь и др. Консерваторы высказываются против вмешательства государства в экономику и его действия, направленные на перераспределение доходов, в то время как либералы поддерживают позитивные функции государства в этих сферах. Второй комплекс составляют так называемые общественные проблемы, такие как гражданские права для национальных и иных меньшинств, закон и порядок, разрешение или запрещение абортов, порнография и т. д. Лица, придерживающихся консервативных позиций по обоим комплексам вопросов, С. М. Липсет справедливо называет «последовательными консерваторами». Это представители тех слоев населения, которые группируются вокруг «мейнстритовского» варианта консерватизма и составляют правое (голдвотеровско-рейгановское) крыло республиканской партии. Лица, зани-

мающие либеральные позиции по обоим комплексам,— это последовательные либералы, составляющие левое крыло демократической партии. Часть членов АФТ—КПП занимают либеральные позиции по многим социально-экономическим и консервативные позиции по социокультурным проблемам. Они образуют умеренное крыло демократической партии (в 60—70-х годах оно идентифицировалось с покойным сенатором Г. Джексоном) ⁹.

Подобных же позиций придерживаются отдельные, порой значительные группы низко- и среднедоходных слоев населения «солнечного пояса» (они в основном голосовали за деятелей типа Дж. Уоллеса). Они руководствовались (и продолжают руководствоваться) своеобразной двойной философией, исповедуя либеральные принципы по социально-экономическим и реакционные принципы по расовым вопросам. С одной стороны, белые бедняки «солнечного пояса» активно участвовали в популистском движении 90-х годов XIX в., поддерживали «новую свободу» В. Вильсона и «новый курс» Ф. Рузвельта, государственные расходы на социальные нужды. В целом, по жизненным вопросам, касающимся «хлеба и масла», они поддерживали демократическую партию. С другой стороны, расовая проблема, столь характерная для Юга, толкала их вправо. Они участвовали в Ку-клукс-клане и поддерживали демагогов—расистов, вроде Дж. Уоллеса и т. д. Кризис, вызванный проблемой расовой интеграции, способствовал их сдвигу в лагерь правых радикалов. Показательно, что штаты глубокого Юга, которые в 1960 г. проголосовали за представителя либеральных демократов Дж. Кеннеди, в 1964 г. и 1968 гг. поддержали праворадикальных кандидатов на пост президента Б. Голдуотера и Дж. Уоллеса и за Рейгана в 1980 и 1984 гг. Либеральные же республиканцы, идентифицируемы с Н. Рокфеллером и бывшим сенатором Ч. Перси, являются консерваторами в социально-экономических и либералами в социокультурных вопросах.

Все это делает весьма неопределенной и условной линию идеологического разграничения между республиканцами и демократами. В данной связи следует отметить и тот факт, что в США в отличие от западноевропейских стран, где господствуют многопартийные системы, конкретные идейно-политические доктрины и идеологические течения не носят «организованный» характер. Если в западноевропейских странах идеологические течения в целом ассоциируются с определенными партиями или

политическими организациями, то в США идеологическое размежевание не всегда совпадает с линией разграничения партий. В США результаты выборов на всех уровнях политической жизни — от местного до федерального — отражают разнородные причины, зачастую не связанные и даже противоречащие мотивациям, связанным с лояльностью партиям на общенациональном уровне.

Все это оказывает существенное влияние как на характер социальной базы республиканской и демократической партий, так и на их идейно-политические ориентации и партийно-политические платформы. В целом, выделяются два типа межпартийного соперничества. Западногерманский исследователь Ф. Ленер называет эти два типа «гомогенной конкуренцией» и «гетерогенной конкуренцией». При первой соперничающие партии оспаривают друг у друга поддержку одних и тех же групп избирателей, а при второй — каждая партия опирается на «свой» электорат и выступает на выборах с программой, в которой в максимальной степени отражены его интересы. «Гомогенный» тип в большей степени характерен для многопартийных систем, господствующих в большинстве развитых капиталистических стран. В США же утвердился «гетерогенный» тип межпартийного соперничества. С этой точки зрения показательно, что республиканская и демократическая партии по своему социальному составу являются конгломератами разнородных, зачастую противоборствующих друг с другом социально-политических группировок. Причем, состав, соотношение различных компонентов в социальной базе двух партий в каждый конкретный исторический период существенно изменялся в зависимости от социально-экономических и общественно-политических факторов. В настоящее время обе эти партии включают бизнесменов, фермеров, учителей, юристов, студентов, врачей и т. д. Другими словами, в США партии — это политические организации, построенные на сочетании интересов различных, зачастую противоречивых социальных слоев и групп независимо от их классовой принадлежности. Если в европейских странах разного рода коалиции образуются между более или менее близкими по своим позициям партиями, то в США они создаются в рамках двух главных партий. В Европе коалиции различных групп избирателей образуются большей частью после выборов между двумя или несколькими партиями для формирования правительства, в Америке же — до и в период избирательных кампаний.

Неоднородность и гетерогенность социальной базы обуславливают идеологический эклектизм республиканской и демократической партий, что дает им возможность довольно легко приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни. Важное значение в этом плане имеет терпимость в рамках двух партий к местным и региональным идеологическим расхождениям. Например, в рядах демократической партии могли сосуществовать консервативные сторонники прав штатов на юге и антиинтеграционисты, с одной стороны, и приверженцы либеральной организации «Американцы за демократические действия» и сторонники немедленной интеграции негров и белых, а либеральной ориентации сенатор Дж. Джавитс и правоконсервативный сенатор Б. Голдоутер уживались в рамках республиканской партии. Другими словами, обе главные партии смыкаются друг с другом как «слева», так и «справа». Эта смычка как раз и создает основу двухпартийной системы США, ее эффективности и дееспособности в отстаивании интересов господствующего класса, основу их взаимозаменяемости у кормила власти, давая им возможность «канализировать» социально-экономические и общественно-политические конфликты в безопасном для системы направлении. Она позволяет сочетать в рамках двухпартийной системы принципы консенсуса и альтернативы.

Отсутствие сколько-нибудь устойчивой корреляции между партийной принадлежностью и определенным идейно-политическим направлением приводило к тому, что способность существующих или могущих возникнуть партий или движений апеллировать к крупному контингенту людей на основе четко сформулированных политических программ слева или справа ограничивались. Поэтому политические партии избегали выдвигать чисто консервативные или чисто либеральные программы и, как правило, апеллировали к проблемам, выходящим за пределы обычного деления на правых и левых, что препятствовало поляризации американского электората на резко противостоящие оппозиционные группы на партийной основе.

Важной особенностью партийно-политической системы США является наличие разветвленной сети так называемых заинтересованных групп. Мощное влияние на общественно-политическую жизнь Америки, на функционирование и деятельность важнейших государственно-политических институтов, в том числе и политических

партий, оказывают заинтересованные группы бизнеса, предпринимательские ассоциации — массовые организации американской буржуазии.

В настоящее время в США существует множество предпринимательских ассоциаций, среди которых наиболее крупными являются Торговая палата США (объединяет 27 тыс. штатных и местных палат, 200 тыс. компаний-членов и 13 тыс. предпринимательских ассоциаций) и Национальная ассоциация промышленников (в нее входят 75% всех промышленных компаний США), представляющая мелких и средних предпринимателей и компаний.

Испытанным средством воздействия заинтересованных групп на курс государственно-политических институтов и политических партий является так называемое лоббирование*. В соответствии с первой поправкой к Конституции США каждый американский гражданин вправе обратиться с ходатайством к правительству о восстановлении нарушенных кем-либо его прав. Разного рода заинтересованные группы используют это положение для оказания давления на должностных лиц исполнительной ветви федерального правительства, на законодателей.

В последние полтора-два десятилетия сдвиги в общественно-политической жизни США способствовали определенным изменениям в отношениях между заинтересованными группами и политическими партиями. Так, ослабление партийной приверженности сопровождается тенденцией к повороту людей к заинтересованным группам. Рост заинтересованных групп ускорился в такой степени, что некоторые политические наблюдатели высказывают серьезные опасения, что эти группы могут взять на себя отдельные важные функции партий. Некоторые наблюдатели даже утверждают, что в недалеком будущем заинтересованные группы придут на смену партиям, в качестве связующего звена между народом и правительством.

Начиная со второй половины 70-х годов наблюдается тенденция к резкому возрастанию численности и влияния так называемых комитетов политического действия, своеобразных институтов сбора денежных средств в пользу тех или иных политических партий и деятелей и пропаганды определенного политического курса.

* Более подробно см.: *Зяблюк Н. Г.* США: лоббизм и политика. М., 1976.

Касаясь проблем формирования и эволюции национального сознания, следует отметить, что здесь участвует не только стихийное, но и целенаправленное начало, не только идеи, концепции, стереотипы, традиции и т. д., но и информационно-идеологическая деятельность, осуществляемая через различные общественно-политические институты, такие как семья, школа, церковь и т. д. Одно из центральных мест среди этих институтов занимают средства массовой информации — вся печатная продукция, радио, телевидение, кинематограф, а в последние годы и видеоманитофоны. В данном случае мы имеем дело с куда более мощным и всесторонним социокультурным, духовным и социально-психологическим, нежели просто идейным воздействием. К тому же в данном случае речь идет о влиянии, оказываемом не только на чувства, умонастроения, социальные установки, ценностные ориентации и т. д., но также на формы и пути их распространения среди различных социальных групп, на проявления их в деятельности и поведении последних.

Особенно большой вес аудиовизуальные средства массовой информации приобретают в современных условиях, когда развитые капиталистические страны и в первую очередь США переживают крупномасштабный информационно-коммуникационный взрыв. В результате беспрецедентных изменений в сфере коммуникаций и печатного дела средства массовой информации приобрели невиданную до сих пор способность перерабатывать и исключительно быстро распространять огромный объем информации, оказывая тем самым влияние на широкие массы людей.

Оперативность и динамичность, широкое использование документальных и художественных форм дают СМИ возможность эффективно воздействовать на духовную жизнь общества, на сознание широчайших народных масс. Они могут способствовать возбуждению общественного мнения в поддержку определенных целей, кампаний, того или иного политического курса и т. д. В то же время они могут выполнять интеграционные функции, поощряя людей благосклонно воспринимать и усваивать господствующие ценности, идеалы, идейно-политические установки и т. д. Важное значение имеет то, что СМИ, особенно телевидение, характеризуются универсальностью. Они способствуют стандартизации и гомогенизации культуры, унификации мнений, ориентаций, установок, поведенческих ориентиров. Воздействие СМИ моди-

фицируется влиянием семьи, школы, церкви, общины и других институтов. Но здесь нельзя не учитывать и то, что сами эти институты также испытывают на себе воздействие СМИ.

Учитывая возрастающую роль средств массовой информации в общественно-политической жизни страны, ряд политологов характеризует их такими пышными титулами, как «великий арбитр», «четвертая ветвь власти», наряду с законодательной, исполнительной и судебной и т. д. Вера во всемогущество телевидения настолько велика, что многие политические деятели считают: тот, кто контролирует телевидение, контролирует всю страну. Под сомнение ставится значение партий как промежуточных звеньев между избирателями и политическими деятелями и институтами. Так, политолог Дж. Бенджамен утверждает, что «репортеры и другие лица, которые принимают решения об освещении новостей по телевидению, приняли на себя роль привратника в политическом процессе, которая раньше принадлежала партийным деятелям». Более того, журналистов изображают как «новых творцов идей и мифов».

Однако, правильно подметив саму тенденцию к ослаблению организационной структуры и влияния политических партий и усилению роли средств массовой информации в политическом процессе, сторонники рассматриваемой концепции явно преувеличивают масштабы этого явления. Анализ реального положения вещей показывает, что политические партии пока что сохраняют важное значение в качестве главных инструментов реализации политических функций, особенно в качестве центрального элемента избирательного процесса.

Показательно, что в настоящее время 99% американских семей имеют как минимум один телеприемник. Ежевечерне телевизор смотрят более 80 млн. человек, а в особых случаях (например, выступление президента) до 100 млн. человек. По данным одного исследования, ежедневно 72% американцев смотрят телевизор, 70% читают газету и 24% читают книги. На основе этих данных авторы исследования пришли к выводу, что телевидение представляет собой «новый американский очаг — центр семейной активности, бесед и общения». В одном из опросов, проведенных в 1987 г. для «Телевизионной информейши оффис», выяснилось, что половина американцев назвала телевидение своим единственным источником информации¹⁰.

VII. ИДЕОЛОГИЯ АМЕРИКАНИЗМА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Внешняя политика того или иного государства определяется множеством детерминант, включая уровень социально-экономического и общественно-политического развития, географическое положение страны, ее национально-исторические традиции, цели и потребности обеспечения суверенитета и безопасности и т. д. Все они в переложении на внешнюю политику фокусируются в концепции национального интереса. Можно сказать, что реальные, объективные национальные или государственные интересы, затрагивающие суверенитет, территориальную целостность, принцип невмешательства во внутренние дела и т. д., составляют главный движущий фактор внешнеполитической деятельности государств и реализации международных отношений. При формулировании национальных интересов и принятии на их основе тех или иных внешнеполитических решений руководители государств учитывают объективные экономические, политические, географические и иные факторы, внутривнутриполитические интересы, политические маневры различных социально-политических сил, заинтересованных групп, организаций и т. д. Учитываются также и возможные реакции на эти решения на международной арене со стороны тех государств, которые они так или иначе затрагивают.

Столкновение реальных интересов порождает реальные конфликты, но реальные конфликты на международной арене могут быть вызваны и на основе так называемых ложно понятых и превратно сформулированных национальных интересов или соображений национальной безопасности.

Примером может служить развязанная Соединенными Штатами вьетнамская война, когда обширные районы земного шара были объявлены зонами национальных интересов Америки.

Таким образом, главной детерминирующей силой внешнеполитической деятельности является национальный или государственный интерес. Но сама концепция национального интереса пронизана ценностными нормами и идеологическим содержанием. В формулировании обеих категорий интересов и в формировании внешнеполитической стратегии, призванной их реализовать, немаловажное значение имеет система ценностных ориентаций, установок, принципов и убеждений государственных деятелей, то, как они воспринимают окружающий мир и как оценивают место своей страны в ряду остальных государств, составляющих мировое сообщество. В значительной степени важнейшие нормативные элементы, определяющие содержание и направленность системы убеждений людей, в том числе и государственных деятелей, принимающих политические решения, обеспечивает идеология.

Поэтому очевидно, что большое значение для понимания внешнеполитических реалий современного мира приобретает вопрос о соотношении идеологии и внешней политики, роли идеологии в формировании и реализации внешнеполитической стратегии того или иного государства.

Среди обществоведов — как наших, так и западных — утвердилось мнение, согласно которому государства с различными общественно-политическими системами и режимами проводят свой внешнеполитический курс в соответствии с преобладающими в каждый конкретный исторический период в их идеологическом арсенале установками и ориентациями. Как отмечает профессор университета Упсала, сотрудник Шведского института международных проблем в Стокгольме В. Карлснес, согласно этому взгляду, внешняя политика государства по своей сущности представляет собой выражение его особой идеологии, и такая политика в том или ином смысле составляет «идеологическую экстраполяцию его институтов и базовых ценностей на международную арену»¹. Сторонники этой точки зрения считают, что каждый режим — демократический, авторитарный, коммунистический, социал-демократический и т. д. — проводит собственную внешнюю политику в соответствии со своими идеологическими установками. Это положение приобрело значительную убедительность в условиях раскола современного мира на два противоположных лагеря — социализм и капитализм, отождествляемых прежде всего с

СССР и США. «Долгосрочный характер и исключительная потенциальная опасность конфликта между Востоком и Западом,— писали, например, американский исследователь Д. Азраэль, западноберлинский исследователь Р. Левенталь и бывший посол Японии в СССР Т. Накагава в докладе, составленном под эгидой «Трехсторонней комиссии»,— вытекает из того факта, что этот конфликт соединяет в себе соревнование двух сверхдержав современного мира и „идеологический конфликт“ между противоположными политическими, экономическими и социальными системами, основанными на фундаментально различных ценностях. Именно благодаря такому сочетанию конфликт между Востоком и Западом на протяжении длительного времени является осью современного мира»².

В чем же состоит суть этого «идеологического конфликта» и как он отражается на характере советско-американских отношений? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим основные идеологические установки США и Советского Союза в их экстраполяции на внешнюю политику. В идеологическом оформлении внешнеполитической стратегии Вашингтона важную роль играет феномен «американизма», составной частью которого является концепция «американской исключительности», которая, как выше говорилось, прошла длительную эволюцию и в своих крайних проявлениях превратилась в идеологию американского национализма. Как можно убедиться из материала гл. IV данной работы, подход, основанный на концепции американской исключительности и других подобных ей концепциях, исключает возможность реалистической оценки социальных, политических и иных факторов, детерминирующих и регулирующих отношения между государствами. Отвергая саму мысль о каком бы то ни было компромиссе, этот подход не оставляет места для тех, кто занимает нейтральную позицию, он предполагает перевод всех конфликтов на язык противопоставлений «мы—они», «друг—враг» и т. д.

С самого своего возникновения идея американской исключительности экстраполировалась сначала на Западное полушарие, а затем и на весь мир. Но после Великой Октябрьской социалистической революции своеобразной ее оборотной стороной и в то же время важнейшим интегральным компонентом стали миф о «советской угрозе» и «образ врага» в лице Советского Союза. Уже на заре Советской власти руководители США заявили, что

новая республика — это «ненормальное» государство, не признающее общепринятые «правила международной игры», стремящееся к мировой революции и экспансии для реализации принципов коммунистической идеологии и поэтому представляющее угрозу всему миру.

Подхватив эти инсинуации и игнорируя тот факт, что Советское правительство во главе с В. И. Лениным с первых дней своего существования провозгласило принципы мирного сосуществования, будущий президент США Г. Гувер еще в марте 1919 г. обосновывал необходимость непризнания Советской власти следующими доводами: «Существует опасность того, что большевистские центры, возбужденные сейчас большими эмоциональными надеждами, предпримут широкие военные крестовые походы в стремлении навязать свои доктрины другим беззащитным народам»³.

До второй мировой войны американская буржуазия усматривала в Советском Союзе главным образом идеологическую угрозу устоям капиталистической системы. Сыграв главную роль в разгроме гитлеровской Германии, Советская Армия показала, что она способна преградить путь любому агрессору. «До войны,— пишет в этой связи Дж. Кеннал,— Вашингтон имел дело с Советским Союзом прежде всего как с революционной политической силой, теперь же он вынужден был иметь с ним дело и как с великой военной державой, неожиданно возникшей на самом острие новой сферы собственных американских военно-политических интересов»⁴. И действительно, укрепив свое военно-политическое могущество, СССР в послевоенный период с самого начала не выступал против законных интересов США, его усилия были направлены на то, чтобы решительно воспрепятствовать любым имперским и гегемонистским амбициям. Правящий класс США усмотрел в этом «вызов» со стороны Советского Союза его целям и интересам, самой идее «американского века». Американская буржуазия четко осознала, что отныне главным препятствием на пути реализации ее имперских, гегемонистских устремлений является Советский Союз. В мифе о «советской угрозе» окончательно оформились как бы два взаимодействующих друг друга слоя: идеологический и военно-политический. В итоге, в послевоенные десятилетия миф о «советской угрозе» приобрел свой, так сказать «классические» формы.

В соответствии с концепцией американской исключительности и мифом о «советской угрозе» внешняя поли-

тика Вашингтона строилась на всепоглощающем антикоммунизме и универсализме «теории домино», согласно которой защита мира и свободы составляет неразделимое единство и что угроза со стороны коммунизма какой-либо одной части свободного мира представляет собой угрозу всему свободному миру. Таким образом, Америка, убежденная в непогрешимости своих идеалов и благородстве своих целей, брала на себя ответственность за безопасность и свободу все новых и новых стран земного шара и шла по пути экспансии, которая привела ее в конечном счете во Вьетнам.

Для оправдания такой политики, как свидетельствует Дж. Кеннан, была поставлена задача в лице Советского Союза создать образ «абсолютно бесчеловечного и злобно-го противника», наделенного злостными намерениями уничтожить общественно-политическую систему США. «Нет нужды, — подчеркивал Кеннан, — задаваться вопросом: почему он (СССР. — К. Г.) должен предпринять какие-либо враждебные действия или намереваться предпринять их. Достаточно того, что он обладает силой, чтобы предпринять их... Таким путем образ абсолютно бесчеловечного, злобно-го противника формировался отнюдь не из целей военной безопасности. Этот образ создавался ежедневно, еженедельно, из месяца в месяц, из года в год, до тех пор пока он не вошел в плоть и кровь, пока не стал повседневным спутником тех, кто культивировал его. И любая попытка с чьей-либо стороны отрицать реальность этого образа воспринимается как акт измены или легкомыслия. Тем самым манекен Советского Союза, созданный военными, заменил реальный образ, и на нем основывалась глобальная стратегия США и американские военные усилия»⁵.

При этом мнимую агрессивность Советского Союза пытались вывести из самой сущности социализма, который, мол, не приемлет статус-кво и постоянно толкает советский режим привести остальной мир в соответствие со своими ценностями «посредством революции». В послевоенный период подобные установки в тех или иных формах нашли отражение в зигзагах внешнеполитической стратегии, в важнейших внешнеполитических доктринах и программах Вашингтона — от «доктрины Трумэна» и «Плана Маршалла» до «доктрины массивованного возмездия», и «отбрасывания коммунизма», «реальной политики» Никсона-Киссинджера и риторики Дж. Картера относительно «защиты прав человека».

Как отмечает известный специалист по международным отношениям С. Хоффман, в послевоенный период американцы воспринимали противоречия между США и СССР в «противоборствующем, почти шизофреническом свете». Господствовала тенденция интерпретировать любые действия противной стороны как «часть хорошо продуманного и широкого плана», направленного против США. Например, корейская война рассматривалась как прелюдия к нападению СССР на Западную Европу, а кубинский кризис — как прелюдия к захвату Западного Берлина. При этом, писал Хоффман, приписывая противнику всякие козни, «мы, американцы, в действительности не ставили под вопрос наше моральное и материальное превосходство»⁶. Очевидно, что в основе такой позиции лежал тот же «черно-белый» подход, при котором все люди делятся на «хороших парней» и «плохих парней», а в сфере международных отношений все страны — по тому же принципу — на «хорошие» и «плохие» (разумеется, «хорошие парни» — американцы). Все события в мире рассматривались через призму этого деления. В случае, если «плохие парни» не подчиняются и, более того, ставят препоны на пути «хороших парней», т. е. Америки, им приписывались различные козни и заговоры. Как отмечает английский политолог левой ориентации Дж. Кригер, «Рах Америка давал Соединенным Штатам возможность контролировать институциональные рамки ... координации мировой (капиталистической) экономики в соответствии с американскими политическими целями». К тому же США использовали миф о «советской угрозе» для «дисциплинирования» союзников и обеспечения своей гегемонии в капиталистическом мире. Во внутривнутриполитической сфере реализация кейнсианских принципов регулирования экономики и «государства благосостояния» давала возможность обеспечить сравнительно высокие темпы экономического роста и путем уступок трудящимся добиться классового компромисса и относительной стабильности существующей системы.

По крайней мере до тех пор, пока вьетнамская война не сигнализировала конец бесспорного геополитического превосходства, кейнсианство обеспечивало подходящее равновесие внутри страны для поддержания доминирующего положения на международной арене. В последующий период взаимосвязь между целями внутренней политики и международными геополитическими проектами становились все более трудными. К периоду президентства

Дж. Кеннеди Pax Americana уже подходил к концу. Стал все более очевидным тот факт, что многие внешнеполитические установки Вашингтона периода «холодной войны», на которых были построены теории американской исключительности и Pax Americana становятся анахронизмом. К тому времени впервые в истории США фактор неуязвимости их территории потерял силу. Ликвидация атомной монополии США поставила их перед реальной угрозой полного уничтожения в случае развязывания ими войны против стран социалистического содружества. В этих условиях многие реалистически мыслящие деятели из правящих кругов США были вынуждены признать необратимый характер происходящих в мире сдвигов и необходимость пересмотра ряда наиболее одиозных догм внешнеполитических доктрин американской буржуазии. В сознании широких слоев населения выкристаллизовывался новый по сравнению с предшествующим периодом, антиинтервенционистский образ мышления. Они начинали сознавать пагубность установок правящих кругов страны на то, чтобы США любой ценой оставались «державой номер один», «самой сильной нацией в мире». Все более растущую поддержку в общественных настроениях встречала идея отказа от политики «холодной войны» и углубления разрядки международной напряженности. Усиливалось понимание того, что путь к безопасности и миру лежит не через противоборство с мнимой «советской угрозой», а через улучшение отношений США с Советским Союзом, через разрядку напряженности между Востоком и Западом.

Однако, начиная с середины 70-х годов в общественно-политической жизни страны и массовом сознании стали прослеживаться иные тенденции. Идея американской исключительности и особой миссии Америки в мировой истории в той или иной степени использовалась всеми послевоенными администрациями США в качестве важнейшего компонента идеологического обоснования внешнеполитического курса. Но в силу целого комплекса причин, которые довольно подробно проанализированы в нашей литературе, хождение теории американской исключительности приобрело беспрецедентные масштабы при Р. Рейгане, особенно в период первого срока его пребывания у власти. Здесь отметим лишь то, что события 70-х годов на международной арене — поражение в Юго-Восточной Азии, неудачи американской дипломатии в Африке и Латинской Америке, Иранская революция,

Афганистан и др.— оставили глубокую печать на национальной психологии американцев, вызвали чувство «оскорбленной национальной гордости» и «национального унижения», стали как бы символом утраты Соединенными Штатами былой мощи на международной арене. Такое убеждение еще более усиливалось официальным признанием паритета между СССР и США в области стратегических ядерных сил. Подобное обстоятельство окончательно развенчало идею о географической изолированности Североамериканского континента от возможных театров военных действий, которая на протяжении почти всей истории Америки жила в сознании американцев.

Все это порождало у разных слоев населения и социально-политических сил те или иные формы социально-философской, идейно-политической и социально-психологической реакции. Часть реалистически мыслящих кругов начала сознавать необходимость отказа от притязаний Америки на военное превосходство и мировую гегемонию и достижения разрядки напряженности между США и СССР. Однако для значительной части правящего класса США признание этой реальности оказалось трудным, а то и недостижимым делом. Под надуманным предлогом «ракетного отставания» Америки от Советского Союза, «бреши в ракетных вооружениях», «окне уязвимости» и т. д. с середины 70-х годов были предприняты широкомасштабные усилия для подрыва разрядки. «Если не обратить процесс ослабления Америки вспять,— сетовал один из ведущих идеологов рассматриваемой фракции американской буржуазии Н. Подгорец,— результат может быть один: политическое и экономическое подчинение Соединенных Штатов превосходящей советской силе»⁷.

Обращает на себя внимание своего рода реидеологизация мифа о «советской угрозе», который насквозь пронизан идеологическим содержанием. Н. Подгорец, И. Кристал и другие идеологи консервативных и правых сил подчеркивали, что Америка участвует не только в великодержавном соперничестве с Советским Союзом, но и в идеологической борьбе с коммунизмом. «Рассматривая Советский Союз как конкурирующую сверхдержаву, с которой мы можем заключить прочные мирные соглашения вместо того, чтобы представить его как коммунистическое государство, враждебное нам по своей природе и пытающееся распространить свое правление и свою политическую культуру на все более обширную часть мира,— писал Н. Подгорец,— администрация Никсона, Форда и

Картера лишили советско-американский конфликт его морального и идеологического измерения, ради которого правительство может обоснованно потребовать жертв, а народ — с готовностью принести их»⁸.

Показательно, что Рейган с самого начала претендовал на некое «моральное перевооружение мира» путем экспорта и утверждения повсюду идеалов американизма. Обосновывая необходимость дальнейшего наращивания гонки вооружений, Рейган всерьез утверждал, что Америке предназначено руководить миром и даже спасти «больное человечество» от грозящих ему опасностей. Он считал, что коммунизм и Советский Союз обречены уже в силу того, что они не приемлют бога. Поэтому, неудивительно, что, рисуя мир в мрачных пророческих тонах, как арену борьбы между добром и злом, между справедливостью и несправедливостью, Рейган окрестил Советский Союз «злом в современном мире», «империей зла». Когда в мире есть такое «зло», утверждал он, по велению священного писания и Иисуса Христа мы должны противиться ему всеми силами. С этой точки зрения примечательно, что в рейгановской администрации первого срока довольно влиятельные позиции занимали деятели типа Р. Аллена, Р. Пайпса и др., которые считали, что в мире нет места одновременно для американцев и русских, что «либо русских надо разгромить, либо русские должны капитулировать».

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что идеологизация внешней политики США со второй половины 70-х годов в совпавшее с ней по времени обострение советско-американских отношений были тесно взаимосвязаны, дополняли и усиливали друг друга.

Немаловажную роль в подогревании взаимного недоверия и подозрительности между США и СССР сыграла и чрезмерная идеологизированность внешней политики нашей страны, выразившаяся прежде всего в не совсем продуманной экстраполяции основных положений Марксовой теории классовой борьбы на сферу международных отношений. У нас долгое время господствовал взгляд, согласно которому с образованием Советского государства классовая и, соответственно, идеологическая борьба перешагнула государственные границы и приобрела международный характер в форме борьбы между двумя общественно-политическими системами. Эта идея по сути дела противоречила ленинской концепции мирного сосуществования капитализма и социализма и в течение длитель-

ного исторического периода, как отмечает Э. Поздняков, явно или неявно допускала возможность экспорта революции и контрреволюции в другие страны и, следовательно, вмешательства во внутренние дела других стран, что противоречило международно-правовым нормам.

Американские деятели правоконсервативной ориентации, требующие от СССР изменения его общественно-политической системы не случайно столь настойчиво вменяли нам в вину то, что мы поставили идеологию марксизма-ленинизма на службу своих государственных интересов для территориальной экспансии и проталкивания пролетарской революции на мировой арене.

Коминтерн, созданный в обстановке революционного подъема в европейских странах, мыслился его основателями в качестве штаба надвигающейся мировой революции. Более того, среди деятелей Советского государства и Коминтерна были и такие, которые говорили о правомерности распространения революции путем «красной интервенции». Однако реальности жизни оказались значительно сложнее подобных теорий, и Советскому Союзу пришлось буквально завоевать себе право на существование в капиталистическом окружении. На своем XX съезде, отвергнув тезис о неизбежности новой мировой войны, КПСС провозгласила политику мирного сосуществования между странами с разными общественно-политическими системами. Но тем не менее в идеолого-пропагандистской сфере мы продолжали придерживаться концепции классовой борьбы между капитализмом и социализмом на международной арене. Главный принцип, лежавший в основе идеологической борьбы, — «кто — кого», пропихивавший отношения между СССР и США, Востоком и Западом, по сути дела не был снят с повестки дня. Более того, вскоре после съезда Н. С. Хрущев обронил сакральную фразу: «Мы вас похороним», имея в виду победу социализма над капитализмом в исторической перспективе. Это дало дополнительный вес аргументам тех буржуазных деятелей, которые без конца твердили об «экспансионистской» сущности советской системы. К тому же в 70-х годах утвердилось догматическое толкование мирного сосуществования как формы классовой борьбы. Исходя из этого тезиса утверждалось, якобы, что мирное сосуществование способствует разворачиванию классовой борьбы в капиталистических странах.

В действительности же, рассматривая ее как внутреннее дело каждой конкретной капиталистической страны,

Советский Союз всегда выступал как принципиальный противник экспорта в какой бы то ни было форме революции и классовой борьбы. И не случайно, чтобы окончательно внести в этом вопросе ясность, в новой редакции Программы КПСС снято определение мирного сосуществования государств с различным общественным строем как «специфической формы классовой борьбы». И это естественно, поскольку на международной арене отношения между государствами складываются не на основе законов борьбы различных классов, а на основе взаимодействия и столкновения различных национальных и государственных интересов. Поэтому неверно рассматривать сферу международных отношений как арену классовой, и, соответственно, идеологической борьбы. Здесь недопустимо переносить формационные антагонизмы, которые действительно пронизаны идеологическим содержанием на взаимоотношения между государствами. Иначе и быть не может, поскольку мирное сосуществование — это сфера межгосударственных отношений, где невмешательство во внутренние дела составляет универсальный принцип⁹.

Но тем не менее — и это следует признать, — нашим средствам массовой информации, зачастую и научной литературе тоже не было чуждо упрощенное и порой сплошь негативное толкование общественно-политической системы США и всего того, что касается США и СССР. Бездумно веруя в исключительность так называемого реального социализма, мы, не жалея красок, описывали процесс загнивания американского капитализма. Как правило, мы делили американцев на «хороших» и «плохих», «ястребов» и «голубей», милитаристов, жаждущих развязать войну, и участников антивоенных движений. Америку зачастую символизировали портреты алчного монополиста-эксплуататора, противостоящего оборванному бедняку или безработному, в то время как в действительности для характеристики подавляющего большинства американцев необходимо многообразие красок и оттенков. Между тем, как показали годы застоя, у нас, особенно в экономике, не все обстояло благополучно. Что касается Америки, то в последние полтора-два десятилетия, несмотря на периодические кризисы, потрясающие ее экономику, она добилась внушительных успехов, особенно в сфере наукоемких, энерго- и трудосберегающих производств.

В нашей печати совершенно справедливо была дана критика выпущенных в США фильмов «Красный рас-

свет», «Америка» и др., как низкопробных, антисоветских затей. Однако нельзя не отметить, что в СССР также был выпущен ряд фильмов, изображающих американцев довольно в неприглядном виде, как людей со склонностью к насилию. К числу таких, американские журналисты, в частности, относят «Случай в квадрате 36—80», «Одинокое плавание», «ТАСС уполномочен заявить». Если судить о первых двух фильмах, то, вероятно, тема «конфронтационного взаимодействия» военных объектов — кораблей, подводных лодок двух стран, «балансирование на грани ядерной войны» не только не способствует улучшению настроений в пользу развития советско-американских отношений, но и не несет воспитательного заряда. Сегодня нельзя, по-видимому, соревноваться с США в степени примитивности кино, средств, нацеленных на формирование у населения определенных военных, внешнеполитических, вроде бы патриотических по идеям установок, оборачивающихся против нас. Как отмечал известный социолог К. Мангейм, признание «сущностно (inherently) идеологического характера всей мысли», того факта, что «мысль всех партий во все эпохи носит идеологический характер», способствовало разрушению «доверия человека к человеческой мысли вообще». Идеологизация внешней политики и созданные на ее основе стереотипы, которые после второй мировой войны неизменно подкреплялись трудными, порой драматическими отношениями между двумя странами, создавали переизбыток взаимной подозрительности, недоверия и даже враждебности, способствовали возведению «железного» или иных занавесей, степ психологического противостояния. Идеологические разногласия использовались и продолжают использоваться для создания и поддержания «образа врага».

Это и естественно, поскольку идеологизированная внешняя политика по крайней мере в теории имплицитно предполагает изменение существующего баланса сил в пользу той или иной противоборствующей стороны, отказ от осторожного, реалистического и прагматического стиля дипломатии, основанной на равновесии сил между великими державами. Обоснованность этого тезиса можно наглядно продемонстрировать на примере «холодной войны». «Холодная война, — писал С. Хофман, — была сдержанным крестовым походом, но все же она оставалась крестовым походом. Мир представлялся разделенным между нами и ими, добром и злом, хорошими парнями и плохи-

ми париями, свободным миром и угнетателями»¹⁰. Остается добавить, что такой сверхидеологизированный подход был характерен для обеих сторон, как для США, так и для СССР. Само понятие «холодная война» подразумевало не просто напряженные взаимоотношения между двумя великими державами, не просто соперничество между ними, а чуть ли не священную борьбу между двумя противоположными системами, борьбу, в которой одна из двух мировоззренческих систем должна одержать победу.

Приверженность такой политике чревата подрывом стабильности международного сообщества. Дело в том, что сама суть и направленность идеологических ориентаций способна настолько исказить видение тех или иных государственных деятелей, принимающих ключевые решения, что они могут потерять способность адекватно оценивать реальное положение своей страны в рамках мирового сообщества. Более того, идеологизация политики не приемлет компромиссов. Однако на международной арене в качестве главных факторов, субъектов международной деятельности действуют не классы как носители идеологии, а государства. «Государства,— писал известный специалист по внешнеполитическим проблемам Ч. Б. Маршалл,— имеют интересы. В некоторых случаях их интересы совпадают с интересами других государств. Иногда интересы различных государств гармонизируются, не совпадая. Иногда они различаются, но не несовместимо. Порой они взаимно исключают друг друга. Из всех этих вариаций складывается действительная сущность международной жизни». Такое положение вещей в мире требует взаимного признания государствами законности интересов друг друга и их учета при планировании своей внешнеполитической стратегии, следовательно, уступок друг другу. С этой точки зрения, знаменитая формула «политика есть искусство возможного» в наибольшей степени верна в сфере внешней политики. Именно эта формула служит исходной посылкой для всех концепций, отрицающих роль идеологии во внешней политике. Однако при всех оговорках, внешняя политика любого государства в значительной степени представляет собой продолжение внутренней политики в том смысле, что основные направления, цели и задачи внешнеполитической стратегии формулируются исходя, во-первых, из важнейших характеристик общественно-политической системы, и, во-вторых, из внутривнутриполитических реальностей данного государства. Подход к этим проблемам, как известно,

пропизан идеологическим содержанием. С одной стороны, «искусство возможного» ставит определенные пределы идеологизации внешней политики. С другой стороны, идеология, в свою очередь, определяет возможные пределы, за которые государство не может выйти без ущерба основополагающим принципам своей общественно-политической системы. Это объясняется тем, что политика всякого государства определяется интересами доминирующих в нем социально-политических сил.

При этом задача идеологии во внешнеполитической сфере состоит в обосновании той или иной общественно-политической системы, ее соответствия интересам подавляющего большинства народа, ее исторической перспективности, а не в возведении «железных» или иных завесов между государствами. Что касается роли идеологии при формулировании внешнеполитической стратегии, то она должна быть сведена к невозможному минимуму. Наиболее надежная основа внешней политики — прагматические расчеты национального интереса. Значимость и актуальность такого подхода станут особенно очевидны, если учесть, что периоды чрезмерной идеологизации или реидеологизации внешней политики, как правило, каждый раз знаменовались обострением отношений между США и СССР, Востоком и Западом. Так было в послевоенный период с началом и в разгар «холодной войны», так было в конце 70-х — первой половине 80-х годов. И наоборот, перемещение на задний план идеологических соображений, перевод межгосударственных отношений в чисто политическую и дипломатическую плоскость, определенная их «деидеологизация» неизменно сопровождалась улучшением международного климата, в том числе и советско-американских отношений. В данной связи нельзя не отметить, что определенную роль в подготовке идейно-политической почвы политики разрядки международной напряженности сыграли концепции о «конце идеологии» и конвергенции между капитализмом и социализмом. При всех изъянах и издержках позитивное содержание этих концепций в их внешнеполитической части состояло в том, что они в определенной степени способствовали подрыву важнейших постулатов, лежащих в основе мифа о «советской угрозе» и «образа врага» в лице Советского Союза. Постулируя «конец идеологии» и идею конвергенции двух систем, сторонники этих концепций признавали наличие у социализма позитивных качеств, которые вместе с позитивными элементами капитализма войдут со-

ставной частью в будущее общество. В тот период идеологический аспект был несколько отодвинут на задний план и «советская угроза» описывалась в геополитических категориях. СССР рассматривался как сверхдержава, принципиально не отличающаяся от США, и «угрозу» с его стороны усматривали в его «имперской политике», основанной на стремлении к постоянному расширению сферы влияния. Вместе с тем за СССР признавался статус законной и равноправной великой державы, способной отстаивать законные государственные интересы, соблюдая правила игры в отношениях между государствами.

Опыт периода разрядки международных отношений воочию продемонстрировал, что межгосударственные отношения, международная безопасность должны базироваться на политических, правовых, морально-этических факторах и принципах. Характер и направленность взаимоотношений между государствами во многом зависят от того, как они смотрят друг на друга, видят и воспринимают друг друга. От этого во многом зависят обострение или ослабление международной напряженности, успех или неуспех переговоров об ограничении гонки вооружений и предотвращения ядерной войны, ибо, как сказал известный в 30-х годах социолог С. Д. Мадаряга, страны не доверяют друг другу не потому, что вооружаются, а вооружаются потому, что не доверяют друг другу¹¹. В значительной степени гонка вооружений существует в силу существования политических и идеологических конфликтов.

Поэтому важнейшим условием прекращения гонки вооружений является достижение по крайней мере минимума согласия относительно фундаментальных принципов мирного сосуществования. Из этого вытекает необходимость перевести отношения взаимного недоверия и конфронтации в русло конструктивного диалога и сотрудничества, упрочить климат доверия между Востоком и Западом, культивировать взаимопонимание между СССР и США, расчистить накопившиеся завалы ошибочных представлений друг о друге, демонтировать «образ врага», интенсифицировать с обеих сторон процесс его размывания, укрепить атмосферу доверия между двумя странами и народами.

Важнейшим фактором, обуславливающим необходимость культивирования и утверждения доверия между двумя великими державами, является то, что, как и всякая другая историческая эпоха, ядерно-космический век

также имеет специфические для него законы. Суть этих законов состоит в том, что соревнование и противоборство двух систем — социализма и капитализма — диалектически сочетаются с нарастающей тенденцией к взаимозависимости стран и народов. Все экономические, политические, национальные или иные интересы всех без исключения классов и народов оказались сплетенными в единый узел общечеловеческих интересов. Более того, эта взаимопереплетенность или взаимозависимость приобрела глобальный характер. Страны и народы уже не могут жить и развиваться без многообразных взаимосвязей, которые пронизывают экономическую, общественно-политическую, культурную сферы. Учитывая эти и подобные им тенденции, XXVII съезд КПСС пришел к выводу, что в современных условиях формируется во многих аспектах противоречивый, но взаимозависимый целостный мир, который находится в процессе определенной интеграции.

Все это настоятельно требует осознания сущностного единства человечества. Но это сущностное единство отнюдь не исключает, а предполагает разнообразие культур, народов, традиций, политических систем и т. д., поскольку, как отмечал Л. Гумилев, упрощение, единообразие ведет к регрессу и умиранию человеческих сообществ, а многообразие — залог их прогресса и расцвета ¹².

При анализе как капитализма, так и социализма необходимо исходить из понимания сложности, многослойности и многовариантности их внутренних механизмов и процессов. Новое политическое мышление как раз и призвано осознать сущность этих явлений, помочь людям подняться над ограниченным пониманием классовых и национальных интересов, идеологических различий в интересах решения главного вопроса — вопроса выживания или тотальной гибели человечества, ибо он определяет важнейшие приоритеты и ценности современности. Поэтому, как подчеркивал М. С. Горбачев, «нельзя переносить идеологические разногласия в сферу межгосударственных отношений, подчинять им внешнюю политику, ибо идеологии могут быть полярными, а интерес выживания, предотвращения войны является всеобщим и высшим» ¹³.

С рассматриваемой точки зрения определяющее значение как для отношений между двумя странами, так и для судеб мирового сообщества имеет выдвинутая Советским правительством концепция «нового политического мышления», призванная коренным образом изменить вза-

имную оценку СССР и США. Важнейшим фактором, способствующим утверждению «нового политического мышления» является то, что осознание опасностей ядерно-космического века перечеркивает сложившиеся представления о войне и мире, привычные критерии дипломатии и военного дела. Как подчеркивал М. С. Горбачев на международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества», «после Хиросимы и Нагасаки мировая война перестала быть продолжением политики другими средствами». В течение всей истории человечества военно-политическая стратегия того или иного государства строилась на постулате, согласно которому уровень безопасности государства, его авторитет и влияние прямо пропорциональны количеству и качеству вооружений, которыми оно располагает. Ядерное же оружие, особенно в условиях военно-стратегического паритета, этот постулат перечеркивает. По мнению советского историка Д. Проэктора, «авторитет и влияние государств в мире определяется не по-старому — прежде всего или только количеством солдат под ружьем, а в первую очередь их интеллектуальным потенциалом, степенью развития экономики и технологии, демократизмом, качеством проводимой ими политики, уровнем жизни людей. Именно поэтому... представление о балансе сил прежде всего как о военно-силовой категории сегодня устаревает»¹⁴.

Войны — результат политических решений для достижения политических целей с помощью вооруженной силы. Раньше на войну смотрели как на вполне рациональное средство достижения политических целей. Знаменитый прусский военный теоретик XIX в. Клаузевиц считал, что стратегия не может иметь рациональной основы до тех пор пока она не построена на осознании цели, которую она преследует. Именно это он имел в виду, когда характеризовал войну как продолжение политики иными средствами. Руководствуясь подобными постулатами, ведущие державы мира при разработке внешнеполитического курса часто отдавали и поныне продолжают отдавать предпочтение принципам соперничества в ущерб принципам сотрудничества. Парадигму соперничества между государствами в современной ее форме сформулировал еще в конце 40-х годов известный политолог Г. Моргентау. Поскольку, писал он, «стремление к силе является отличительным элементом международной политики, как и всякой политики, международная политика есть по необходимости политика силы»¹⁵. Этой логикой

руководствуются и в настоящее время многие влиятельные деятели американского истеблишмента и ряд высокопоставленных лиц, в руках которых сосредоточены рычаги власти. Так, по утверждению бывшего президента США Р. Никсона, то, что движет миром для добра и зла — есть сила, и ни одна суверенная нация никогда не поступится даже йотой своей силы — сегодня или когда бы то ни было. Это закон национального характера»¹⁶.

В таком же духе выдержаны и рассуждения З. Бжезинского, который считает, что даже ограниченная разрядка ошибочна, «поскольку недооценивает историческую глубину американско-советского антагонизма, степень конфликта геополитических интересов обеих держав и интенсивность регионального брожения, которое само по себе генерирует конфликтные реакции сверхдержав»¹⁷. По его словам, «советско-американский спор — не временная aberrация, а историческое соперничество, которое будет продолжаться долго», соперничество, представляющее собой «борьбу, которую следует вести терпеливо, но с решимостью на долгие десятилетия вперед»¹⁸.

Однако эти деятели не учитывают тот кардинальный факт, что ракетно-ядерное оружие в определенной степени разорвало связь между политикой и войной, сделало устаревшей парадигму соперничества и конфронтации между великими державами, поскольку разумная политика, призванная реализовать на международной арене национальные интересы, не может допускать применение ядерного оружия, обладающего чудовищной силой разрушения. Разумеется и сейчас война остается продолжением политики, но в условиях ядерно-космического века ни один здравомыслящий политический деятель не может вынашивать цели, ради которых можно было бы рисковать будущим человечества. Не случайно еще в разгар «холодной войны» в конце 1953 г. тогдашний президент США Д. Эйзенхауэр заявил, что в случае мировой войны с применением ядерного оружия «цивилизация может быть уничтожена»¹⁹. Р. Никсон в своей книге «Реальный мир» также вынужден был признать следующее: «Две сверхдержавы не могут позволить себе начать войну друг против друга в какое бы то ни было время или же при каких бы то ни было обстоятельствах. Огромная военная мощь каждой из сторон делает войну устаревшей в качестве инструмента национальной политики»²⁰.

Что касается Советского Союза, то он с самого начала ядерного века выступал за полное запрещение этого сред-

ства всемирного апокалипсиса и тем более за запрещение его использования. Ведь тот же Н. С. Хрущев, который предупреждал капиталистов, что «мы вас похороним», был однозначно и категорически против применения ядерного оружия, заявляя, что, если ядерная война будет развязана, живые станут завидовать мертвым.

Поэтому, естественно, ракетно-ядерную войну нельзя рассматривать как средство продолжения политики, как это сформулировал Клаузевиц. У США и Советского Союза как великих держав, представляющих две противоположные общественно-политические системы, естественно, существует ряд противоположных или конфликтующих интересов. Противоречия и разногласия между ними носят не просто военно-политический характер, а затрагивают более широкую гамму политических, экономических, культурных, идеологических и иных проблем. Вместе с тем между ними усиливается взаимозависимость, обусловленная развитием производительных сил, интернационализацией общественной жизни и выдвиганием на передний план глобальных проблем, которые можно решить лишь совместными усилиями. Наиболее важная из них — предотвращение ядерного столкновения. Объединяет две страны то, что в условиях военно-стратегического паритета односторонняя безопасность немыслима.

Другими словами, в реальностях ядерно-космического века соперничающие общественно-политические системы являются одновременно партнерами по выживанию, по спасению жизни на Земле, а мирное сосуществование, не означая всеобщей и полной гармонии, диктуется императивами выживания человечества. Поэтому мирное сосуществование представляет собой не просто наилучшую, а единственно возможную форму межгосударственных отношений. При таком понимании центральным элементом нового политического мышления должен стать тезис «гарантированная взаимная безопасность» вместо тезиса «гарантированное взаимное уничтожение». Образы двух стран как партнеров могут включать в себя признаваемые и самими американцами и нашими людьми факт, что мы очень похожи друг на друга, что и для нас и для них высшая ценность — это жизнь и борьба за ее сохранение пронизана общечеловеческим смыслом. И это естественно, поскольку при всех различиях политического, морально-этического, социально-психологического, идеологического характера мы являемся представителями единого человеческого рода и, с этой точки зрения, в оди-

наковой степени заинтересованы в сохранности нашего общего дома — планеты Земля от ядерного пожара. В этом качестве у нас есть чему научиться.

Другими словами, новое политическое мышление исходит из общности судеб человечества и отдает приоритет общечеловеческим интересам и ценностям. Немаловажную роль в его утверждении сыграла проводимая Советским правительством политика гласности и перестройки, показавшая, что «крестовый поход» Рейгана, имевший своей целью изоляцию Советского Союза, не имел успеха. Как подчеркивал обозреватель Дж. Стил, «имидж гласности» подрывает миф о «советской угрозе», на котором с самого начала основывалась «холодная война»²¹. Мирное наступление Советского Союза выбивает почву из-под главной идеи «образа врага» — тезиса о врожденной агрессивности советской системы. Западные политики убедились в серьезности намерений Советского Союза. Как считает, например, министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер, «было бы ошибкой исторических масштабов для Запада упустить этот шанс (улучшения отношений между Востоком и Западом) лишь потому, что он не может избежать образа мысли, который неизменно ждет наихудшего от Советского Союза»²².

Новое политическое мышление, по свидетельству многих западных наблюдателей, правда не без определенных трудностей, преодолевая привычные стереотипы, постепенно пробивает себе дорогу к умам все более широких слоев населения Запада. Об этом свидетельствует лавинообразно растущий на Западе интерес ко всему тому, что происходит в СССР. Для средств массовой информации самые обыкновенные, обыденные стороны нашей жизни приобретают характер сенсации. Преодолевая огромные препятствия, информация пробивает дорогу с Востока на Запад. Практически состоялось новое «открытие» Советского Союза за рубежом. Антисоветизм впервые за послевоенный период теряет темп.

Как отмечал редактор влиятельного журнала «Форин полиси» Ч. У. Мейнес, «новый советский лидер оказывает громадное влияние на Запад. Все более растущее число опросов общественного мнения в Западной Европе показывает, что Горбачев трансформировал популярный имидж советской дипломатии». Так, 37% против 33% опрошенных англичан рассматривают США как «большую угрозу миру во всем мире», чем Советский Союз. Весной 1987 г. больше западных немцев было убеждено в том,

что руководитель ЦК КПСС, а не Рейган, «реально озабочен миром». Аналогичные тенденции наблюдаются и в других странах Запада. В США подозрение к Советскому Союзу традиционно всегда было сильнее, чем в других крупных странах Запада. Но и здесь политика СССР получает всевозрастающую популярность. Комментируя эти тенденции, Ч. У. Мейнес писал: Раньше всегда влияние на Запад советских мирных инициатив ограничивалось левым полюсом... политического спектра..., но способность Горбачева привлечь поддержку по всему политическому спектру в западных странах открывает новую главу в отношениях между Востоком и Западом»²³.

Под влиянием политических реальностей как в самих США, так и на международной арене ростки нового политического мышления пробивают себе дорогу и в среде правящих кругов Америки. Так, у некоторых высших руководителей страны нет недостатка в уверениях о своей приверженности делу достижения договоренностей об ограничении гонки вооружений. Это во многом определяется тем, что и в Вашингтоне есть понимание того, что ядерный Армагеддон между двумя великими державами чреват гибелью всего человечества и что в нем не будет победителей. Ни кто иной как сам Рейган в своем ежегодном послании Конгрессу «О положении страны» 25 января 1984 г. заявил, что «войну нельзя выиграть и она никогда не должна быть развязана». В высших эшелонах власти США понимают, что ядерная катастрофа — отнюдь не плод воображения сценариста очередного фильма ужасов, а реальность нашего века. Наглядное подтверждение тому — совместное заявление шести бывших министров обороны, которые привели убедительные аргументы в пользу тезиса о недопустимости ядерной войны.

Наличие средств доставки ядерного оружия в любую точку земного шара по сути уже сейчас ставит человечество в своеобразное осадное положение. «Ядерное сдерживание» обрекает все государства на постоянный страх, превращая их, по-существу, в ядерных заложников. Очевидно, что реальности ядерно-космического века не оставили ни для СССР, ни для США иного выбора, кроме как сесть за стол переговоров и договориться о недопустимости ядерной дуэли. Как пишет профессор политических наук нью-йоркского университета А. Янов, в современных условиях «партнерство, взаимопомощь, сотрудничество мировых держав вдруг оказались катего-

рическим императивом, независимо от того, хотят ли они этого, осознают ли они это, готовы ли они к этому. Жизнь обогнала теорию. Она требует ревизии аксиом, надежно служивших человечеству на протяжении тысячелетий. Аксиома, гласящая, что каждый человек, каждое племя, каждое государство — только за себя, оказывается губительной в условиях, когда все висят над одной пропастью, связанные одной веревкой»²⁴. Другими словами, в современном мире императив существования настоятельно диктует императив сосуществования и наоборот.

Новые реальности диктуют новые правила поведения между двумя великими державами. Среди этих правил центральное место должно быть отведено тем, которые способствуют подрыву «образа врага», установлению взаимного доверия и доброжелательных взаимоотношений и в конечном счете формированию «образа партнера». Разумеется, важное значение здесь имел бы отказ от постановки в основу внешнеполитической стратегии военно-силового фактора, от оценки всех и вся через призму советско-американского противоборства. Необходимо также отказаться от утвердившихся в течение многих десятилетий в основном негативных стереотипов при освещении истории и современной жизни обеих стран.

Советско-американские отношения, достигшие за первые годы пребывания у власти рейгановской администрации самой низкой точки замерзания, в последние годы значительно изменились в позитивную сторону. Были восстановлены связи в культурной и некоторых других сферах. Важным историческим шагом в направлении ограничения гонки вооружений и предотвращения ядерной войны стала встреча в верхах в Вашингтоне и подписание договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Успех переговоров в этой области стал возможен в силу того, что обе стороны осознали необходимость перевода дискуссий и спорных вопросов из русла конфронтации в русло диалога, поиска приемлемых для обеих сторон решений. С обеих сторон были проявлены готовность выслушать в аргументы друг друга, стремление учитывать интересы партнеров по переговорам. Развязка проблем, казавшихся неразрешимыми, способствовала готовности обеих сторон предоставить подробнейшие сведения о вооруженных силах друг друга.

Камнем преткновения долгое время оставались вопросы проверки, которые служили по сути дела одним из главных препятствий на пути достижения договоренно-

стей. Важным фактором, способствовавшим подписанию договора как раз и стало то, что в нем предусмотрены беспрецедентные по своим масштабам меры проверки условий его выполнения. Подписание договора со всей очевидностью показало, что при наличии обоюдной воли и желания США и СССР могут преодолеть разделяющие их препоны недоверия и враждебности и за столом переговоров решать все спорные вопросы, что они могут воспринимать друг друга как партнеров, одинаково заинтересованных в сохранении мира и решении других общечеловеческих проблем. Поэтому, естественно, что подписание договора стало важным историческим шагом в направлении уничтожения ядерных вооружений и предотвращения ядерной войны. С этим событием началась реальная процесс улучшения всей международной обстановки, хотя все еще было бы преждевременно говорить о качественном переломе в данной области. Но все же определенно можно говорить о сдвиге в мышлении. Для углубления этого сдвига, как представляется, диалог между двумя государствами не должен ограничиваться сферой переговоров по разоружению, а должен охватить более широкий диапазон отношений в политической, культурной и иных сферах для возведения как можно больше «мостов доверия» между нашими народами.

Признав неизбежность и, более того, необходимость существования в противоречивом, но взаимосвязанном мире множества стран, наций, культур, традиций, мы не можем не сделать следующий, логически вытекающий из этого шаг, а именно, не признать плюрализм идеологий как в их познавательном, эвристическом, так и нормативном аспектах. Сосуществование формаций, сосуществование государств с разными общественно-политическими системами предполагает также сосуществование различных идеологических систем. Важнейшим условием жизнеспособности любой идеологии, в том числе и марксистской, является ее открытость, способность интегрировать в себя все то позитивное в объяснении современного мира — как капитализма, так и социализма, — что выработали ведущие направления и школы западного общественнознания, все лучшее, что накоплено ими в демократических традициях и духовной сфере. Вместе с тем идеологии обеих сторон, особенно что касается их внешнеполитического аспекта, нуждаются в модификации на основе объективного анализа глобальных и военно-политических реальностей для создания более широкой основы для сотрудничества между двумя великими державами.

ПРИМЕЧАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

¹ Марксизм и национальная проблема Б. м., 1923. с. 2.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. С. 37. С. 49.

ГЛАВА I

¹ *Blöcker G.* Die Neuen Wirklichkeiten. Linien und profile der Modernen Literatur. Berlin, 1957. S. 10.

² Этнология в США и Канаде. М., 1989. С. 185.

³ *Commager H. S.* The Empire of reason. Garden city, 1977. P. 173.

⁴ *Ibid.* P. 174.

⁵ *Commager H. S.* American mind. N. Y., 1950. P. 3.

⁶ *Chandler D.* The Natural superiority of southern politicians. Garden city, 1977. P. 185.

⁷ Цит. по: *Kohn H.* American nationalism. An interpretative essay. N. Y., 1957. P. 55.

⁸ *Jefferson Th.* Writings. Wash., 1853–54. Vol. V. P. 444.

⁹ *Kohn H.* Op. cit. P. 98.

¹⁰ *Higham J.* Send these to me. N. Y., 1957. P. 6.

¹¹ Цит. по: *Jones M. A.* American immigration. Chicago, 1960. P. 9.

¹² Цит. по: *Ibid.* P. 76.

¹³ Historical statistics of the United States. Wash., 1975. P. 1168.

¹⁴ The World Almanac and book of facts. N. Y., 1988. P. 536.

¹⁵ *Fishman W. et al.* Language loyalty in the United States. The Hague, 1966. P. 42–44.

¹⁶ *Nelli H.* The Italians in Chicago, 1880–1930. N. Y., 1970.

¹⁷ *Commager H. S.* American mind. P. 5.

¹⁸ *Dubois W. E.* Black folk then and now. N. Y., 1939. P. 197.

¹⁹ *Herskovitz M.* The American negro. Bloomington, 1964. P. 17.

²⁰ *Нитобург Э. Л.* «Черно-белые» смешанные браки в США // Советская этнография. 1989. № 1. С. 101.

²¹ *Billington R. A.* Westward expansion. A History of American Frontier. N. Y., 1949.

²² *Kohn H.* Op. cit. P. 3.

²³ *Smith H. N.* The Virgin land: The American West as symbol and myth. Cambridge, 1950. P. 138–139.

²⁴ *Kohn H.* Op. cit. P. 61.

²⁵ American literature. N. Y., 1936. Vol. 8. P. 130.

²⁶ А. де Токвиль. О демократии в Америке. М., 1987.

²⁷ *Blumin S.* The Urban threshold, Growth and change in a nineteenth century American community. Chicago; London, 1976. P. 5.

²⁸ *Ibid.* P. 112, 115.

²⁹ *Warren L.* Community in America N. Y., 1968. P. 53.

³⁰ *Williams W. A.* The Roots of American empire. N. Y., 1969. P. 27–28.

- ³¹ Ibid. P. 6–9.
³² Ibid. P. 17.
³³ *Degler C.* The Age of the economic revolution, 1876–1900. Glenview, 1977. P. 17, 56.
³⁴ Ibid. P. 189.
³⁵ *Commager H. S.* The Empire of reason. P. 86.

ГЛАВА II

- ¹ Resurgence of conservatism in anglo-american democracies N. Y., 1989.
² Ibid. 405.
³ *Richley A. J.* Democracy and religion // PS (Political studies). 1986. Vol. 19, N 4. P. 801.
⁴ *Calston W.* Public morality and religion in liberal state // PS. 1986. Vol. 19, N 4. P. 810–812.
⁵ *Maguire D. C.* The New subversives: Anti-americanism of the religious right. N. Y., 1982. P. 111.
⁶ *Lipset S. M., Raab E.* The Election and the evangelicals // Commentary. 1981. Vol. 71, N 3. P. 28.
⁷ *Quinley H.* The prophetic clergy. N. Y., 1974. P. 111–118.
⁸ *Cox H.* Secular city. N. Y., 1969. P. 13.
⁹ *Ogden S.* The Reality of god and other essays. N. Y., 1969. P. 1.
¹⁰ *Cox H.* Op. cit. P. 911.
¹¹ *Mulder M. J.* Book reviews // Theology today. 1982. Vol. 38, N 4. P. 523.
¹² Fundamental's phenomenon. Garden city, 1981. P. 4–5.
¹³ *Fichter J.* Religion and American values // Thought. 1983. Vol. 58. N 229. P. 231.
¹⁴ *Hadden J. K., Swann Ch.* Prime time preachers. Reading, 1981. P. 4.
¹⁵ *Barton B.* The man nobody knew. N. Y., 1926. P. 179–180.
¹⁶ Ibid. P. 138.
¹⁷ *Peal N.* The positive religion. N. Y., 1953.
¹⁸ *Novak M.* Towards the Technology of corporation. N. Y., 1982.
¹⁹ Newsweek, 1987. Vol. 109. N 14. P. 28.

ГЛАВА III

- ¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. 2-е изд. Т. 21. С. 350.
² Там же. Т. 37. С. 110.
³ Там же. Т. 39. С. 319.
⁴ *Lind R.* Knowledge for what? Princeton, 1939. P. 60–62.
⁵ *Kammen M.* People of paradox. N. Y., 1974.
⁶ *Дилигенский Г. Г.* Некоторые методологические проблемы исследования психологии больших социальных групп // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
⁷ *Tawney R.* Religion and the Rise of capitalism. L., 1926. P. 212.
⁸ *Hill Ch.* Society and puritanism in pre-revolutionary England. N. Y., 1967. P. 140.
⁹ *Molgan E. S.* The puritan dilemma. Boston; Toronto, 1956. P. 11.
¹⁰ *Kohn H.* Op. cit. P. 41.
¹¹ *Welter R.* The Mind of America, 1820–1860. N. Y.; L., 1975. P. 123.
¹² *Селигмен Б.* Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории. М., 1976. С. 72.
¹³ *Миллс Р.* Властвующая элита. М., 1959. С. 112.
¹⁴ *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли. М., 1962. Т. 1. С. 202–203.

- 15 Лене С. Бедность: неискоренимый порок Америки. М., 1976. С. 17.
- 16 Литературная история Соединенных Штатов Америки. М., 1977. Т. 1. С. 80.
- 17 Вебер М. Протестантская этика. М., 1983. С. 64.
- 18 Provincial society, 1690–1763. N. Y., 1927. P. 141–142.
- 19 McDonald F. The phaeton ride. The crisis of american success. *Gardian city*, 1974. P. 26.
- 20 Цит. по: Кислова А. А. Христанский социализм. М., 1976. С. 36.
- 21 McDonald F. *Op. cit.*
- 22 Литературная история Соединенных Штатов Америки. Т. 1. С. 52.
- 23 U. S. News and World Report. 1981. Aug. 21.
- 24 McDonald F. *Op. cit.* P. 15.
- 25 Литературная история Соединенных Штатов Америки. М., 1979. Т. 3. С. 20.
- 26 Мендельсон М. Марк Твен. М., 1964. С. 93–94.
- 27 Boorstin D. The Americans. The Democratic experience. N. Y., 1973. P. 94.
- 28 «Массовая культура» – иллюзии и действительность. М., 1975. С. 9.
- 29 Там же.
- 30 Baker R. The Jimmy Carter Show // *New York Times Magazine*. 1977. Dec. 17. P. 12.
- 31 McGinnis J. The selling of the president. N. Y., 1980. P. 21.
- 32 Krauthammer Ch. Lights, camera... politics. *The New Republic*. 1982. Nov. 22. P. 21.
- 33 Van den Linden F. The Real Reagan. N. Y., 1981. P. 122–123.
- 34 Hartz L. The Liberal tradition in America. N. Y., 1955. P. 56.
- 35 Манчестр У. Убийство президента Кеннеди. М., 1969. С. 64.
- 36 А. де Токвиль. О демократии в Америке. М., 1897. С. 208.
- 37 Crowley H. Promise of american life. N. Y., 1909. P. 420–421.
- 38 Nathan G., Menken H. The American credo. N. Y., 1920. P. 241–242.
- 39 Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971. С. 217.
- 40 Hofstadter R. The paranoid style in american politics. N. Y., 1965. P. 62.

ГЛАВА IV

- 1 Сузарев Т. А. Развитие национального самосознания в Древней Руси. Раненбург, 1914. С. 88.
- 2 Baily Th. The mythmakers of american history // *Myth and american experience*. N. Y., 1973. Vol. 1. P. 11–12.
- 3 Foner E. Tom Pain and revolutionary America. N. Y., 1976.
- 4 Pamphlets of american revolution. Cambridge, 1965. Vol. 1. P. 18.
- 5 Peterson W. The Jefferson image in the American mind. N. Y., 1960. P. 43.
- 6 Williams W. The Roots of the modern american empire. N. Y., 1969. P. 9.
- 7 Schaff Ph. America, A Sketch of its political, social and religious character. Cambridge, 1961. P. 26.
- 8 Цит. по: Bowers C. Beveridge and the progressive era. Boston, 1932. P. 143.
- 9 Boorstin D. The Genius of american politics. N. Y., 1953. P. 137–139.
- 10 *Ibid.* P. 9.

- ¹¹ Ibid. P. 10.
¹² Ibid. P. 180.
¹³ Hartz L. The Liberal tradition in America. N. Y., 1955. P. 3.
¹⁴ Hartz L. The Founding of new societies. N. Y., 1964. P. 369.
¹⁵ Huntington S. American politics: The promise of disharmony. Cambridge, 1981.
¹⁶ Foner E. Why is there no socialism in the United States? // History workshop. 1984. N 17. P. 58.
¹⁷ Зомбарг В. Почему нет социализма в Соединенных Штатах? Собр. соч. М., 1926. Т. 16. С. 28–29.
¹⁸ Perlman S. A History of trade unionism in the United States. N. Y., 1923. P. 65.
¹⁹ Hartz L. The Liberal tradition in America. N. Y., 1955. P. 232.
²⁰ Failure of a dream? Garden city, 1974. P. 71.
²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 21. С. 349.
²² Там же. Т. 39. С. 128.
²³ Там же.
²⁴ Никитин А. И. Эволюция американского глобализма. М., 1987. С. 4.
²⁵ Bell D. The End of American exceptionalism. Public Interest. 1975. Fall.
²⁶ Иностранная литература. 1979. № 8.
²⁷ Wattenberg B. The Real America. N. Y., 1975. P. 8.
²⁸ Foreign policy. 1987. N 66. P. 20.
²⁹ Economist. 1984. Aug. 18. P. 27.
³⁰ U. S. News and World Report. 1981. July 1. P. 41.
³¹ Time. 1980. Mar. 10. P. 53.
³² Will G. Replace telling // Newsweek. 1984. Mar. 5. P. 17.
³³ Wattenberg B. The Good news is bad news is wrong. N. Y., 1984. P. 362.
³⁴ Harris O. Rise of american exceptionalism // Commentary. 1988. Vol. 85. N 5. P. 32.
³⁵ Kennedy P. The Rise and fall of great powers. N. Y., 1988.
³⁶ New York times magazine. 1980. Nov. 2. P. 26.
³⁷ За рубежом, 1988. № 37. С. 10.
³⁸ Howell L. America's role in international arena: why not number two? // USA today. 1981. Vol. 109. N 2428. P. 15–16.
³⁹ Harris O. Op. cit. P. 36.

ГЛАВА V

- ¹ Литературная история Соединенных Штатов Америки. М., 1978. Т. 2. С. 24.
² Gabriel V. The Course of American Thought. N. Y., 1945. P. 96.
³ Америка. 1985. № 348. P. 9.
⁴ Jensen M. The Founding of a nation. N. Y., 1968. P. 610.
⁵ Young J. The American Revolution. N. Y., 1977. P. 75.
⁶ Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли. М., 1963. Т. 1. С. 422.
⁷ Peterson W. The Jefferson image in the American mind. N. Y., 1960. P. 37–39.
⁸ Америка глазами американцев. Нью-Йорк, 1987. P. 212.
⁹ Литературная история Соединенных Штатов Америки 1977. Т. 2. С. 329.
¹⁰ Там же. С. 336.

ГЛАВА VI

- ¹ Political culture and political development. Princeton, 1965. P. 7–8.
- ² *Devine D.* The political culture of the United States. Boston, 1972.
- ³ *Burke E.* Works. L., 1830. P. 4.
- ⁴ History of U. S. political parties. N. Y., 1982, P. XVII.
- ⁵ *Зомбарт В.* Почему нет социализма в Соединенных Штатах. Собр. соч. М., 1926. Т. 16. С. 28–29.
- ⁶ *Ginsberg B.* The captive public. N. Y., 1986. P. 30.
- ⁷ *Almond G.* and *Verba S.* The civic culture. Princeton, 1963.
- ⁸ *Luskin R.* Measuring political sophistication // American journal of political science. 1987. Vol. 31. N 4. P. 856–899; *Feldman S.* Structure and consistency in public opinion: the Role of core beliefs and values // Ibid. Vol. 32, N 2. P. 416–440; etc.
- ⁹ *Moran T.* Politics. N. Y., 1984. P. 121.
- ¹⁰ Economist. 1987. April 25. P. 41.

ГЛАВА VII

- ¹ *Carlsness W.* Ideology and foreign policy. N. Y., 1987. P. 4.
- ² *Azrael J. R., Löwenthal R., Nakagawa T.* An overview of East – West relations. The Trilateral commission. Wash., 1978. P. 1.
- ³ The American image of Russia. N. Y., 1978. P. 47.
- ⁴ *Kennan G.* The Nuclear illusion, The Soviet-American relations in the nuclear age. N. Y., 1984. P. 219.
- ⁵ Ibid. P. 220.
- ⁶ *Hoffman S.* Primacy of the world order. N. Y., 1980. P. 8.
- ⁷ *Podhoretz N.* The present danger. N. Y., 1980. P. 12.
- ⁸ Commentary. 1981. P. 39.
- ⁹ Об этом более подробно см.: *Поздняков Э. А.* Национальные, государственные и классовые интересы в международных отношениях // Мировая экономика и междунар. отношения. 1988. № 5. С. 3–17.
- ¹⁰ *Hoffman S.* Op. cit.
- ¹¹ Foreign affairs. 1984/1985. P. 222.
- ¹² Советская культура. 1988. 15 сент.
- ¹³ *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 146.
- ¹⁴ Литературная газета. 1988, 9 нояб. С. 14.
- ¹⁵ *Morgenthau* Politics among nations. N. Y., 1985. P. 37.
- ¹⁶ *Nixon R.* 1999. Victory without war. N. Y., 1988. P. 22.
- ¹⁷ *Brzezinski Z.* Game plan. A Geostrategic framework for the conduct of the U. S.—Soviet contest. Boston; N. Y., 1986. P. 246.
- ¹⁸ Ibid. Y. XII, 36.
- ¹⁹ New York Times, 1953, Dec. 9.
- ²⁰ *Nixon R.* Real peace. Toronto, 1984. P. 1.
- ²¹ *Steel J.* Glasnost melt the ice of the forty years cold war // Guardian weekly. 1987. Vol. 136. N 19. P. 4.
- ²² Цит. по: *Maynes Ch. W.* America's chance // Foreign policy. 1987. N 68. P. 89.
- ²³ Ibid. P. 88.
- ²⁴ Международная жизнь. 1989. № 1, P. 34.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
I. Основные факторы и этапы формирования идеи американской нации	6
II. Роль религии в формировании национального сознания	34
III. Индивидуализм как важнейший базовый компонент американизма	56
IV. Идея американской исключительности в структуре национального сознания	103
V. Символы и идеалы американской нации и государственности	141
VI. Политическая культура США	177
VII. Идеология американизма и внешняя политика	212
Примечания	235

Гаджиев Камалудин Серажудинович

АМЕРИКАНСКАЯ НАЦИЯ:

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И КУЛЬТУРА

Редактор издательства А. Ю. Лазутин

Художник В. Н. Тикунов. Художественный редактор Н. Н. Михайлова
Технический редактор Л. В. Прохорцева. Корректоры Е. Н. Белоусова,
Л. И. Левашова

ИБ № 39246

Сдано в набор 11.07.89. Подписано к печати 30.11.89. А-04043.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкновенная новая.
Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр. отт. 12,92. Уч.-изд. л. 14,1.
Тираж 5000 экз. Тип. зак. 3267. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

1 р. 20 к.

Автор в русле нового политического мышления исследует американскую национальную идею, выделяя в ней различные компоненты и тенденции, в частности, те из них, которые отражают общечеловеческое начало.

Впервые в советской литературе показана символика американской нации и ее значение в формировании национального самосознания, анализируются специфика американских религиозных, политических и экономических идей, составивших основу современной политической культуры США. Рассматривается также вопрос о том, каким образом американская национальная идея находит свое отражение в массовом сознании, искусстве, художественной литературе и общественных науках.